

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

L Soc 3977.39.10 ($\frac{9}{1834}$)

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

5/1 экз.

11/9
1834

LSoc 3977.39.
10

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО
УНИВЕРСИТЕТА.

1834. Мартъ. № IX.

I. НАУКИ.

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
AUG 23 1960

РОССІЙСКАЯ ИСТОРИЯ.

1. О ВРЕМЕНИ И ПРИЧИНАХЪ ВЪРОЯТНАГО ПЕРЕ-
СЕЛЕНИЯ СЛАВЯНЪ НА БЕРЕГА ВОЛХОВА.

Сообщено отъ Профессора Каченовскаго.

Судьба Россійской Истории довольно
спранна. Уже минуло цѣлое столѣтіе съ шого
времени, какъ началось крипическое обрабо-
пываніе оной (1). Упредившіе насъ на по-
прищѣ учености иносранцы, покровитель-
спвуемые мудрымъ Правительствомъ, первые
приспунили къ сему обработыванію. Исто-

Уч. Зап. Часть III.

*Публ. оетка
Илана Сгоровича*

268-5
14

БИБЛИОТЕКА
2

рическая Липперашура наша гордится именами Байера, Миллера, Тунманна, Шлецера, Спришпера, Круга, Еверса, Френа и других писателей, кои ревностно и безкорыстно посвятили труды свои на изслѣдованіе разныхъ предметовъ, до Истории нашей касающихся. Русскихъ также нельзя упрекать въ равнодушіи къ усовершенствованію оной. Мы писали, какъ умѣли, до Шлецера, который показалъ намъ настоящее употребленіе Исторической Криптики; писали и пишемъ послѣ Шлецера: ошъ Ядра Россійской Истории до безсмертнаго труда покойнаго Историографа разстояніе почти безмѣрное. Но, не упоминая уже о томъ, что Исторія наша, послѣ перваго криптического очищенія оной Байеромъ и Миллеромъ, нѣсколько разъ, какъ говоритъ Шлецеръ (2), обращалась вспянь — еще и теперь сколько остается въ ней предметовъ, или худо изслѣдованныхъ, или даже такихъ, кои совершенно не были подвергнушы Криптикѣ. Розысканія всѣхъ упомянутыхъ писателей большею частію относятся къ первому періоду нашей Истории (3); до средней же и новой Истории Криптика почти не касалась. Еще не изслѣдовано нѣсколько народовъ, вошедшихъ, въ печеніе 9 вѣковъ, въ сосавъ

Государства Россійскаго, или имѣвшихъ продолжительную связь съ онымъ. У насъ нѣтъ Генеалогіи; въ коей бы можно было видѣть всѣхъ Князей, участвовавшихъ въ системѣ Удѣльной; мы не имѣемъ древней Географіи нашего Отечества, не имѣемъ Палеографіи, Дипломастики, Нумизмастики....

Послѣ сего удивительно ли, что въ Исторіи нашей, даже тамъ, гдѣ со славою подвизались знаменитые криптики — въ первомъ ея періодѣ — встрѣчается много происшествій или сомнительныхъ, или совсѣмъ не объясненныхъ (4)? Удивительно ли, что обстоятельства, сопровождавшія начало Государства, загадочны; что самые народы, первоначально вошедшіе въ составъ онаго, удовлетворительно не изслѣдованы?

Опъ чего же судьба Русской Исторіи такъ спранны? Опвѣчать на сей вопросъ довольно трудно. Причинъ, замедлявшихъ успѣхи Исторической Криптики въ нашемъ Отеествѣ, много: во первыхъ мы слишкомъ и безошчено доврчивы къ древности и справедливости домашнихъ источниковъ Исторіи; вовторыхъ, мы небрежно сличали ихъ съ извѣстіями внѣшними; впредьихъ, мы не изучили криптически и во всей под-

робности Истории Славянъ вообще; вчетвертыхъ, мы мало соображали Историю Отечественную со Всеобщую; наконецъ мы не обрабошали почти ни одной изъ вспомога-тельныхъ наукъ Истории.

Какимъ образомъ все это вредило успѣхамъ Исторической Криптики, намѣрень я показать при розысканіи объ одномъ изъ важнѣйшихъ фактовъ нашей Истории — о пришествіи Славянъ на берега Волхова.

Но что могу написать я при вышесказанной бѣдности Исторической Литтературы нашей? Что могу написать я послѣ трудовъ мужей, знаменишыхъ умомъ, знаніемъ, опытностію? Только пламенная любовь къ Истории Отечественной, только памяшованіе здравыхъ совѣшовъ, коими руководствуюсь въ моихъ занятіяхъ, заспавили меня избрать труднѣйшій изъ предложенныхъ вопросовъ — вопросъ, который родился въ слѣдствіе новыхъ соображеній, и при рѣшеніи коего должно будетъ прошиворѣчить славнѣйшимъ криптикамъ — это вопросъ: *о времени и причинахъ вѣроятнаго переселенія Славянъ на берега Волхова.*

Новыя истины, а тѣмъ болѣе новыя предположенія, даже со всею строгостію

ума выведенныя — не вдругъ находящъ поборниковъ. Было время, когда, по свидѣтельству Шлецера (5), усиліе ученыхъ объяснишь начало народа и именно Русскаго — навлекло гоненіе; было время, когда самага великаго Шлецера съ его рѣдкою ученосцію, съ его безсмертными заслугами, оказанными Исторіи нашей, многіе считали не болѣе, какъ вольнодумцемъ. Время это, къ счастью, уже миновалось; — но и теперь, когда наконецъ и трудами иностранцевъ, и трудами самихъ Русскихъ — Историческая Крипика водворяется въ Ошечесивѣ нашемъ, даже и теперь тысяча голосовъ безопчешнаго сомнѣнія, тысяча голосовъ безопчешнаго негодованія заглушили бы вышеприведенный вопросъ, еслибъ онъ былъ предложенъ въ качествѣ публичной задачи. Вошь почему, приступая къ объясненію онаго, почипаю необходимымъ изслѣдовать прежде, съ помощію высшей Исторической Крипики, основанія донныѣ господствующаго мнѣнія касательно споль важнаго предмета. Послѣ сего изслѣдованія, пошребность новыхъ розысканій, какъ я думаю, сдѣлается очевиднѣе, и вопросъ нашъ не покажется слишкомъ смѣлымъ.

Нашъ Съверъ, заключающій въ себѣ зѣмаи, лежація по правую сторону нижней

Эльбы — а слѣдовательно и Россію въ первоначальныхъ ея границахъ — не прежде 9 столѣтія начинаешь выходить изъ мрака неизвѣстности. Все, что ни говорили о немъ древнѣйшіе писатели, большею частію, по словамъ Шлецера (6), основано на догадкахъ, на темныхъ преданіяхъ, и служишь доказательствомъ, что спрана сія была для нихъ дѣйствительно *terra incognita*. Свѣтъ Исторіи проникаешь въ сію часть міра вмѣстѣ съ свѣтомъ ученія Хрістова. Но и послѣ перваго опікрытія долгое время исторіо-географическія познанія о дальнемъ Сѣверѣ были весьма скудны; ибо живели онаго не писали ничего сами про себя, а предославляли прудъ сей чужеземцамъ, кои, по многимъ причинамъ, не могли тогда изложись ничего полнаго и достовѣрнаго. Мы Русскіе, и по мнѣнію образованныхъ иностранцевъ, и по мнѣнію образованныхъ соотечественниковъ, подлежимъ исключенію изъ сей общей судьбы дальняго Сѣвера. Но почему? — Россія имѣешь, говорятъ они, домашній источникъ Исторіи того времени, источникъ, если не вездѣ полный, то по крайней мѣрѣ вездѣ достовѣрный. Сей источникъ естъ извѣстная у насъ подъ именемъ Лѣтописи Нестора — *Повѣсть временныхъ лѣтъ откуда естъ*

пошла Русская земля, и кто въ ней погаль княжити (7). Въ Опеческѣ нашемъ найдется множество списковъ, носящихъ подобное названіе, несходныхъ впрочемъ какъ по содержанію, такъ и по продолженію; всѣ они однакожь до 1203 года согласны въ главныхъ происшествіяхъ, кромѣ небольшихъ пропусковъ и маловажныхъ разнословій, зависящихъ отъ неоспорожности, гаупоспи, или високоумія переписчиковъ (8). Слѣдовательно содержаніе сихъ лѣтописей до 1203 года заимствовано изъ одного источника. Съ сего времени начинается существенная разность въ спискахъ; ибо является множество частныхъ лѣтописцевъ, кои подробно, и не рѣдко съ приспращіемъ, описывали только происшествія своей земли, не касаясь до прочихъ Княжествъ, кромѣ случаевъ, описаніе коихъ было необходимо для связи (9).

Сходная почти во всѣхъ спискахъ часть лѣтописей до 1203 года приписывается Преподобному Неспору и двумъ или шремъ его продолжателямъ; касательно времени, на коемъ остановился Неспоръ, также касательно имени и мѣста жительства его продолжателей, мнѣнія ученыхъ различны (10); — всѣ однакожь согласны въ томъ, что онъ положилъ начало

симъ Лѣтописямъ и что ему принадлежишь честь сохраненія для потомства происшествій, ознаменовавшихъ первые два вѣка жизни народа Русскаго. Неспоръ жилъ и писалъ во второй половинѣ 11 и въ самомъ началѣ 12 столѣтій (11). Если это и справедливо, то все степень достоверности сообщаемыхъ имъ извѣстій не велика, когда дѣло идетъ о происшествіяхъ 9 столѣтій (12). Впрочемъ такая древность нашихъ Лѣтописей, при внимательномъ и безпристрастномъ разсужденіи оныхъ, становится подозрительною. Положимъ, что Неспоръ и описалъ событія своего времени; положимъ даже, что онъ описалъ и событія вѣковъ предшествовавшихъ: но кто поручится, что дошедшіе до насъ списки сохранили повѣствованіе его во всей чистотѣ? кто неоспоримо докажетъ, что извѣстія сихъ списковъ даже заимствованы изъ его Лѣтописи (13)? Напрощивъ почти ясно можно доказать, что временники наши принадлежатъ вѣку позднѣйшему. Дипломатическихъ доказательствъ здѣсь употребить нельзя: ибо кромѣ того, что мы не имѣемъ Дипломатики, древнѣйшей изъ дошедшихъ до насъ списковъ (14) не старѣе 14 столѣтій, и слѣдовательно время почти вѣками моложе подлинника.

Но существовали ли сей подлинникъ въ 11 вѣкѣ? или лучше: могъ ли существовать въ какомъ видѣ, въ какомъ сохраненъ позднѣйшими списками? Противъ эшаго сильно возражаетъ высшая Кришика, Кришика дѣль, основанная на пониманіяхъ о всеобщемъ ходѣ гражданской и политической образованности народовъ. Я уже имѣлъ случай сказать (*), что современники наши, особливо въ описаніи событій первыхъ вѣковъ, не суть просто записки современниковъ: въ нихъ замѣшенъ нѣкошорый родъ системы, они составляютъ нѣчто цѣлое — и ясно показываютъ, что шворецъ ихъ (кто бы онъ ни былъ и какому бы ни принадлежалъ вѣку) — кромѣ преданій, имѣлъ подъ рукою источникъ Византійскіе, можетъ быть, сказанія другихъ народовъ (15), и даже домашніе памятники, хотя прямо и не касавшіеся до Исторіи опечесшвенной (16). Чтобы убѣдиться въ справедливости сего замѣчанія, стѣбитъ лишь развернуть какой нибудь даже изъ лучшихъ списковъ, не говоря уже о нелѣпыхъ компиляціяхъ позднѣйшихъ временъ. Древняя космографія по Византійскимъ источникамъ; *описаніе земель и народовъ селившихся по Европѣ въ позднѣйшія времена*; сполпошвореніе и разсѣяніе

(*) Выше, прим. 7.

народовъ; переселеніе Славянъ съ Дуная въ Моравію, Богемію и проч; переселеніе Славянъ въ нынѣшнюю Россію; *путь изъ Варягъ въ Греки*; путешествіе Апостола Андрея въ Русь, и пророчество его о городѣ Кіевѣ; сказка о началѣ сего города; *исчисленіе народныхъ племенъ въ древней Руси*; краткое извѣстіе о Болгарахъ, Уграхъ, Аварахъ и Печенѣгахъ; *сказка о Радимѣ и Вяткѣ*; извѣстіе о нравахъ и обычаяхъ народныхъ племенъ, въ древней Руси обитавшихъ—подражаніе подобному извѣстію объ образѣ жизни племенъ Азійскихъ, которое здѣсь и приводится изъ описанія Греческаго, какъ говоритъ самъ сборщикъ; *сказка о дани мекки, которую будто бы Поляне заплатили Козарамъ*; извѣстіе о нашествіи Руси на Царьградъ при Михаилѣ; *о крещеніи Болгаръ*; о дани Новгородцевъ Варягамъ и объ изгнаніи сихъ послѣднихъ: вошъ содержаніе той части временниковъ, которая обыкновенно называется Вступленіемъ въ Русскую Исторію. Составляешь ли это пестрое собраніе разнородныхъ извѣстій, преданій и выписокъ, *древнѣйшій, единственный, главнѣйшій источникъ открытія дальняго Сѣвера* (17); похоже ли оно на Лѣтопись, похоже ли даже на Вступленіе — это не мое дѣло: я хотѣлъ

только показавъ, что повѣствованія временниковъ нашихъ о древнѣйшимъ вѣкахъ заимствованы изъ разнородныхъ источниковъ, и что первый сборщикъ имѣлъ въ виду сообразить что то цѣлое— родъ Исторіи (18). Совмѣстно ли такое покушеніе съ понятіемъ нашимъ о степени образованности Россіянъ 11го столѣтія, когда самая грамотность принадлежала только небольшому числу духовныхъ лицъ и вся ученость состояла въ чтеніи и переписываніи книгъ церковныхъ? Какъ зашли къ намъ историческія сочиненія Византійцевъ, при погдашней рѣдкости книгъ вообще? Какъ могъ читавъ ихъ Лѣтописецъ, при недостаткѣ средствъ, къ изученію языка необходимыхъ? Сіи вопросы все еще остающіяся не рѣшенными — и уже при первомъ взглядѣ на Лѣтописи возбуждаютъ сомнѣніе о столь раннемъ ихъ появленіи. Но эта древность, какъ выше было замѣчено (*), ничѣмъ и не доказываеяся, а принята почти произвольно: нѣкоторыя мѣста самихъ Лѣтописей сильно противорѣчаютъ оной. Въ нихъ находятся многія слова, даже цѣлыя слова, принадлежація позднѣйшему времени (19). Происшествія перваго періода,

(*) Примѣч. 13.

особливо древнѣйшихъ временъ , описаны въ нихъ слишкомъ скудно , и , какъ кажется , не столько по преданію , сколько по принятой системѣ . Въ самомъ дѣлѣ , что останется отъ сего періода , если исключитъ всѣ известія , не касающіяся собственно до Русской Истории (20) , потомъ баснословный и въ подробностяхъ заимствованный походъ Олега , его смерть , договоры его и Игоря съ Греками , сказку (также заимствованную) о мщеніи Ольги , подробное описаніе ея крещенія въ Константинополь , огромную (подражательную) легенду о крещеніи Руси при Владимірѣ (21) , выписки изъ Священнаго писанія , повѣствованіе о началѣ монастыря Печерскаго ; если сверхъ того оспальное , лишивъ слишкомъ плодovitой разговорной формы , привести въ простѣйшій видъ ? При всемъ томъ и сіи скудныя известія были бы дѣйствительно драгоценны для Истории нашего Сѣвера , еслибы они принадлежали современнику , или даже писателю 11го вѣка . Въ послѣднемъ случаѣ онъ могъ бы заимствовать изъ преданій , коими младенческиующіе народы обыкновенно бываютъ очень богаты , хотя и любящъ украшать ихъ вымыслами . Тогда , очистивъ известія сіи при помощи высшей Исторической Критики , мы бы

могли сославивъ себѣ хотя приблизительное понятіе о вѣкахъ нашего младенчества: теперь мы не въ состояніи сдѣлать и этого, если будемъ руководствоваться однѣми Лѣтописями. Ибо очевидно, что повѣствованіе о событіяхъ перваго періода нашей Исторіи соспавлено изъ разнородныхъ заимствованій и подражаній; соспавлено во времена позднѣйшія, когда народъ, уже свидѣтель многихъ переворошвъ, забылъ родныя преданія, или исказилъ ихъ, смѣшавъ съ преданіями чуждыми (22); наконецъ, что очень замѣтно, соспавлено въ слѣдствіе какой-то смшемы (23).

Вошь на какомъ шагкомъ основаніи ушверждено мнѣніе, что жители Новгорода, вмѣстѣ съ другими племенами Славянскими пришъсенные на берегахъ Дуная Волохами, переселились чрезъ нынѣшнюю Россію къ берегамъ Волхова (24). Но еслибы древность нашихъ лѣтописей и не подлежала никакому сомнѣнію; то ужели по одному этому должны мы безошчено принимать извѣстіе ихъ о событіи, истинѣ коего сильно прошиворъчатъ и соображеніе мѣстности, и соображеніе позднѣйшихъ событій, уже очевидно историческихъ?

Сѣверъ и средина нынѣшней Россіи въ 9 мѣвѣкѣ (а пѣмъ болѣе во времена предшесшвовавшія) покрыты были непроходимыми лѣсами и болощами: какъ же могли Славяне углубиться споль далеко на Сѣверъ, оставивъ за собою страны, болѣе къ населенію удобныя, страны, кои впослѣдствіи снабжали ихъ своими произведеніями? Не ужели полудикіе обитатели береговъ Дунайскихъ могли имѣть какіе-нибудь полишическіе или шорговые виды? — Вошь пропиво-рѣчіе, которое естешвенно раждаешся при первомъ взглядѣ на мѣстное положеніе Новгорода! Преслѣдуя внимательнѣе судьбу сей нѣкогда славной республики, мы еще болѣе убѣдимся въ несправедливости общепринятаго мнѣнія.

Весьма шрудно составишь себѣ ясное понятіе о младенчествѣ народа Русскаго; позднія частію недосшашочныя, частію баснословныя сказанія нашихъ Лѣтописей мало помогають въ семъ случаѣ, и шолько ложное мнѣніе о времени и образѣ ихъ сѣсшавленія было причиною, что многіе Испорики съ шакою увѣренностію подробно повѣспвуютъ о началѣ и первыхъ временахъ бышія нашего Опечесшва. Испорически мы знаемъ лишь то, что въ половинѣ 9го спольшія,

а можешъ быти и ранѣе, изъ смѣшенія обитавшихъ на Днѣпрѣ Славянъ и пришедшихъ съ береговъ Чернаго моря Руссовъ соспавилось общество въ южной части нынѣшней Россіи (25). Въ слѣдствіе какихъ перевороновъ Руссы оставили свои прежнія жилища, какимъ образомъ соединились они со Славянами, коимъ сообщили свое имя, знаемъ ешолъ же мало, какъ и происшествія, ознаменовавшія появленіе сего новаго общества. Византійцы сохранили намъ только извѣстія о неудачныхъ набѣгахъ Руссовъ на Царьградъ, уже послѣ соединенія ихъ со Славянами, и о крещеніи ихъ (26). По Арабскимъ писателямъ, часть Руссовъ приняла Хрістіанскую вѣру еще обитая при берегахъ Чернаго моря и на островахъ онаго: слѣдовательно прежде основанія Государства Россійскаго и введенія Хрістіанства Св. Владиміромъ (27). Въ то же время, или нѣсколько послѣ, на Сѣверѣ Россіи образовались другія общества, изъ коихъ главнѣйшія были: обласъ Новгородская и Княжесство Полоцкое, основанное, какъ весьма вѣроятно, Нордманнами (28). Каково было начало республики Новгородской, объ этомъ мы можемъ только догадываться; знаемъ однакожъ, что оно не могло быть шаковымъ, какимъ

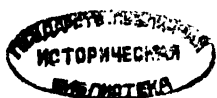
представляется въ нашихъ лѣтописяхъ : ибо что значитъ двуспичное ихъ извѣстіе о носпроеніи Славянами Новгорода (29)? Что значашъ извѣстія ихъ о нападеніи Варяговъ, объ изгнаніи сихъ пришельцевъ, о призваніи и смерти шрехъ браньевъ (30), — извѣстія скудные и пришомъ сказочныя (31)? Крапкостъ сихъ извѣстій не доказываешъ ли, что для Лѣтописца нужна была только система, нужно было только начашъ съ Сѣвера? Чшобъ связашъ свое начало съ извѣстіемъ Византійцевъ о нападеніи Руссовъ на Царьградъ, онъ вымыслилъ Оскольда и Дира, будшо бы приходшихъ съ Рюрикомъ, а по смерти сего послѣдняго выводитъ Олега, коего опека надъ малолѣпнымъ сыномъ Рюриковымъ, дѣянія и конецъ сполько же баснословны, какъ и перенесеніе столицы въ Кіевъ, гдѣ Игорь являешся уже дѣйствительнo лицомъ историческимъ.

Но развѣ въ лѣтописяхъ нашихъ и нѣшъ болѣе извѣстій о Новгородѣ? Напрошивъ, очевъ много; но онѣ частію баснословны, частію слишкомъ явно противорѣчашъ системѣ Лѣтописца. Къ первымъ принадлежашъ извѣстія: о дани, наложенной на Новгородцевъ Олегомъ, о погостахъ и оброкахъ, усшановленныхъ будшо бы Ольгою по рѣкамъ Мшѣ и Лугѣ (32). Подъ 970 г. Лѣтописецъ

разсказываешь о томъ, какъ Новгородцы у Свяшослава испросили себѣ меньшаго сына его, Владиміра (33); далѣе о бѣгствѣ его къ Варягамъ, о возвращеніи, объ изгнаніи Посадниковъ брата его, Ярополка. Въ 980 Добрыня, дядя Владиміра, Посадникъ Новгорода, спавишь шамъ кумирь. Въ 988 Владиміръ ошдаешь Новгородъ сыну своему Вышеславу. Въ 1014 Ярославъ, Князь Новгородскій, другой сынъ Владиміра, опказываешь плашнщъ Великому Князю дань, наложенную будшо бы еще Олегомъ. Въ 1015 Ярославъ казнишь знашныхъ Новгородцевъ — за умерщвленіе ими безпокойныхъ Варяговъ; далѣе онъ просишь у нихъ прощенія, и идетъ съ ними въ Кіевъ и проч. Всѣ сіи и подобныя имъ извѣстія — въ слѣдствіе принятаго нами мнѣнія о времени и образѣ составленія нашихъ лѣтописей — очевидно баснословныя, не заслуживающъ ни малѣйшей довѣренности и доказывающъ шолько, что позднѣйшій шворецъ нашихъ временниковъ писалъ или въ духѣ своего вѣка, или въ духѣ принятой имъ системы, копорой сильно прошиворѣчашъ сказанія его о временахъ уже болѣе историческихъ. Соображая внимашельно событія сихъ временъ, мы еще болѣе убѣждаемъ въ шой мысли, что Сѣверъ и Югъ соспа-

Уч. Зап. Часть III.

2

вившагося въ послѣдствіи Государства Россійскаго первоначально образовались и развивались совершенно инымъ образомъ, нежели какъ повѣсшвуется въ нашихъ лѣтописяхъ. Что обществу, возникшія на берегахъ Днѣпра и Волхова, не могли имѣть одного начала, это открывается при первомъ взглядѣ на внутреннюю организацію и внѣшнія отношенія оныхъ. Южное общество образовалось изъ смѣшенія двухъ воинственныхъ и полудикихъ народовъ; оно составилось въ слѣдствіе опасности, кою угрожало близкое сосѣдство подобныхъ же варваровъ (34); связью сему обществу служилъ мечъ; жизнь его обнаруживалась — войною, набѣгами; члены его, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, повиновались одному лицу, коего власть была чисто монархическая, даже можно сказать, деспотическая. Война и набѣги привели ихъ въ соприкосновеніе съ Греками, отъ коихъ они получили Вѣру, грамоту и нѣкоторую степень гражданственности. Съ распространіемъ предѣловъ своихъ владѣній южные Монархи спали върять обласни особымъ правителямъ, большею частію дѣшамъ своимъ — отъ чего въ послѣдствіи владѣнія сіи раздробились и составили множество отдѣльныхъ Кня-

жеспвь, кои вначалѣ находились въ нѣкошорой зависимости опъ Великаго Княжества Кіевскаго, бывшаго до половины 12 сполѣтія средошочіемъ системы обласпей южныхъ. Въ эшо время средошочіе сіе переходипть во Владиміръ; въ эшо же время населенность и гражданспвенность начали распроспраняпться далѣ на Сѣверь,— но вмѣсптъ съ шѣмъ пошерялось прежнее единспво системы: ослабленный Югъ подвергся нападеніямъ хищныхъ — Половцевъ; Западъ находилса долгое время подъ вліяніемъ Венгріи; средина воевала съ Югомъ и Западомъ, все враждовало, все шерзалось междоусобіемъ, пока общее бѣдспвіе не заспавило, хопя на время, умолкнушь личныя спраспи и часпныя выгоды владѣтелей. Совсѣмъ прошивное зрѣлище предспавляетъ взору наблюдашеля Сѣверь, гдѣ съ 12 сполѣтія являетса (испорически) разцвѣшающая республика—Новгородъ съ обласпями, болѣе или менѣе опъ него зависѣвшими. Чпдъ было поводомъ къ соспавленію сей республики?—Досповѣрно не знаемъ; можемъ однакожь догадывапться, чпдъ *первоначальное основаніе оной положено колоніей народа, уже достигшаго нѣкоторой степени гражданственности* — народа промышленнаго, а не воинспвеннаго (какъ повѣспвуютъ

юшь наши Лѣтописи): ибо завоеватели никогда не основывали республикъ, а шѣмъ болѣе шорговыхъ. Промышленность служила связью сему обществу; жизнь его обнаруживалась — шорговою, плаваніями и хипрою полишикою, кошорая всегда рано развивается въ государшвахъ республиканскихъ. Торговля и плаванія привели сіе общество въ соприкосновеніе съ другими, имѣвшими подобную связь, шпремившимися къ подобной цѣли. У нихъ заимствовало оно (какъ младшее по времени бышя) образъ правленія, законы, обычаи — даже многое, касающееся до частной жизни. Но въ самомъ духѣ народномъ уже лежало начало, способное къ сему заимствованію: Кіевъ никогда бы не сдѣлался Новгородомъ! — Но, говоряшъ намъ защитники общепринятаго мнѣнія касательно основанія сей республики, Новгородъ находился въ постоянныхъ связяхъ съ системою южныхъ Княжествъ. — Согласны: развѣ изъ сего слѣдуешь заключить объ единствѣ ихъ начала? Развѣ Польша не находится теперь въ неразрывномъ союзѣ съ Россіей, хотя Рюрикъ и не былъ Княземъ Польши? Припомъ, сколь маловажны были связи Новгородцевъ съ южными Княжествами — объ эшомъ можно судить даже по однѣмъ

извѣстіямъ нашихъ лѣтописей—извѣстіямъ, въ коихъ Лѣтописецъ, сохранивъ истину событій ближайшаго къ нему времени, проповѣдуетъ повѣствованію своему о временахъ древнѣйшихъ, неисторическихъ. Дѣйствительно, въ чемъ состояли связи, о коихъ такъ много говорится и въ нашихъ лѣтописяхъ и въ нашихъ Исторіяхъ? Желая обезпечить себя отъ нападеній воинственныхъ членовъ распавшейся системы южныхъ Княжествъ, Новгородъ, по примѣру другихъ сѣверныхъ городовъ, составившихъ впоследствии Союзъ Ганзейскій, избиралъ всегда одного изъ нихъ Княземъ, или лучше, покровителемъ. Что сіе избраніе было совершенно произвольнымъ и ни мало не основывалось на мнимой древней зависимости Новгорода отъ владѣтелей Юга — это явствуетъ изъ того, что въ преемничествѣ Князей Новгородскихъ не соблюдались ни права наследства, ни даже права однородства, хотя, слѣдуя общему мнѣнію того времени, Новгородцы и отдавали нѣкоторое преимущество роду Мономахову. Припомъ, что значило: Князь Новгородскій? — Спражь, коимъ за урочные поборы, за условныя привилегіи обязанъ былъ защищать вольности народа и облегчать торговля сно-

шенія его съ Югомъ. Права Князей въ Новгородѣ видны изъ дошедшихъ до насъ граммашъ Новгородскихъ, предсавишельницею коихъ можеть служипь граммаша 1264 года (36). Покушался ли избранный владѣшель нарушишь поспановленія республики: народъ опказываль ему въ правахъ и немедленно избираль другаго. Изгнанный, особливо если онъ былъ силенъ, испилъ республикъ, задерживая купцевъ ея, находившихся, по шорговымъ дѣламъ, въ его владѣніяхъ, и оспанавливая подвозъ хлѣба и другихъ съѣспныхъ припасовъ, въ коихъ Сѣверъ часпо нуждался. Вопшь, чшѣ смиряло гордоспъ града свободнаго, вопшь, чшѣ служило основаніемъ шому уваженію, копорое, хошя шолько повидимому, оказывали Новгородцы В. Князю и владѣшелямъ обласпей, имъ сопредѣльныхъ (37). Не здѣсь ли скрывается испочникъ сисшемы Лѣшписца, или лучше испочникъ господспвовавшаго въ позднѣйшія времени мнѣніа, ко его держался Лѣшписецъ и по коему сѣверныа и южныа владѣніа шогдашней Россіи должны были первоначальнао соспавляшь одно цѣлое? Изъ всего вышесказаннаго можно вывести слѣдующія положенія: 1) Повѣспвовање Лѣшписей о началѣ Новгорода не заслуживаетъ довѣренности; ибо Лѣшписи принад-

лежашь по крайней мѣрѣ къ концу 13 вѣка, и сущь опголосокъ мнѣнїй сего времени, а можешь бытъ и еще позднѣйшаго. 2) Повѣствованіе сіе оказываешь невѣрояпнымъ, при соображенїи мѣспности событїй, очевидно испорическихъ. 3) Новгородъ въ самомъ началѣ своемъ являешься республикой, совершенно демокрапической, при томъ промышленной; вся полишика его соспоала въ изысканїи средствъ, пушей къ распроспраненїю и къ обезпеченїю своей порговли. 4) Эпо дѣяшельное, промышленное и расчепливое общеспво могло бытъ основано только колонїей народа, уже достигшаго нѣкопорой спепени гражданспвенности. Однѣ лишь долговременныя соображенїя могли привести изслѣдоващеля къ той догадкѣ, что колонїя, основашельница Новгорода, должна была принадлежашь копорому нїбудь изъ племень, извѣспныхъ вообщеподъ именемъ Славянъ Нѣмецкихъ. Основанїе сей догадки явсптвуешь изъ всего выше-сказаннаго, а вѣрояпность оной сдѣлаешь еще очевиднѣе, когда мы бросимъ хошя бѣглый взглядъ на главнѣйшїя перемѣны въ судьбѣ упомянурыхъ племень Славянскихъ, до времени испорического появленїя республики Новгородской.

Обширную Славянскую Историю, говоритъ Шлецеръ въ своей *Allgemeine Nord. Geschichte*, можно осмошрѣть однимъ взоромъ, ежели всѣ, къ оной принадлежащіе народы раздѣлишь на семь классовъ, по положенію и прежнимъ или насоящимъ (эшо писано въ 1771 г.) государственнымъ связямъ: на Русскихъ, Польскихъ, Богемскихъ Нѣмецкихъ, Иллирійскихъ, Венгерскихъ и Турецкихъ Славянъ. Очеркъ Истории всѣхъ сихъ племень, составленный Шлецеромъ — превосходень; но имѣя слишкомъ высокое мнѣніе о достоинствѣ нашихъ Лѣтописей, при начертаніи Истории Славянъ Русскихъ, онъ мало пользовался высшею Историческою Крипикой. Авторитетъ великаго мужа произвелъ шо, что заблужденія его долгое время оспавались и оспаюшся даже въ наше время безъ всякихъ возраженій. Въ эшомъ отношеніи и безсмертное швореніе его, *Несторъ, Русскій лѣтописецъ* — не совсѣмъ безвредно: смѣлость его рѣшеній и выводовъ не позволяла шедшимъ по слѣдамъ его Крипикамъ сомнѣваться; а сомнѣніе необходимо, если нѣшъ важныхъ причинъ вѣришь безусловно. Здѣсь не мѣшо разпросраняшся о семь предметъ: память Шлецера, безкорыспные шруды ко-

его принесли сколько пользы Русской Исторіи, должна бысть для насъ священна. Да не оскорбился гнѣвъ великаго Кришика, видя, какъ недостойный ученикъ его осмѣливается замѣчать его недоспашки. Шлецеръ ошибался, какъ ошибаются сколько гении! *Etiam bonus dormitat aliquando Homerus.* Руководствуясь очеркомъ сего писателя, бросимъ взглядъ на Исторію Славянъ Нѣмецкихъ, колонія коихъ, по нашему мнѣнію, положила основаніе области Новгородской.

Восточная часть Нѣмецкой земли, отъ истока Эльбы и отъ моря Балтійскаго до Адриатическаго искони была населена Славянскими народами; но они въ Германской Исторіи появляются поздно, не прежде 6 столѣтія. Римляне знали сію обширную страну только по Дунай и Рейнъ; все, что лежало за сими рѣками, было для нихъ землею неизвѣстною. Но когда возникло Франкское Государство; тогда появился свѣтъ надъ сими странами. Тюрингцы и Саксы, два народа въ срединѣ Германіи, выходяще на позорище; за первыми являющіяся Сырбы, за послѣдними Линони, Полабы и Обоприты. Германскіе властители безпрестанно пробились далѣе и далѣе; наконецъ Генрихъ Левъ изъ Саксоніи, и Албрехтъ Медвѣдь изъ

Бранденбургіи — всѣ Славянскіе народы до крайняго сѣвера Германіи покорили своему владычеству. Съ сего времени Исторія ихъ слилась съ Нѣмецкою: мало по малу, отъ вліянія новыхъ пришельцевъ, потеряли они свой языкъ, свою прежнюю религію и прежній духъ свободы. Въ южныхъ странахъ рабство было не столь жестоко, какъ въ сѣверныхъ, а потому Славяне, тамъ обитавшіе, удержались до нашихъ временъ, хотя и смѣшавшись съ побѣдителями. Всѣхъ Нѣмецкихъ Славянъ, для отличія отъ прочихъ, Штецеръ называетъ по преимуществу Вендами; но какъ они весьма многочисленны въ совершенно различныхъ мѣстахъ Германіи, то и подраздѣляютъ сихъ послѣднихъ на сѣверныхъ и южныхъ. Нашему разсмотрѣнію подлежатъ здѣсь только первые.

Не распространяясь о томъ, когда и какимъ образомъ являлся въ свѣтъ имя Славянъ; не разрѣшая вопроса: были ли Славяне Нѣмецкіе первыми жителями нѣхъ странъ, гдѣ заселяетъ ихъ Исторія, или только заняли мѣста Германцевъ, вышедшихъ во время народныхъ переселеній—я сдѣлаю только два замѣчанія касательно сего предмета: I) движеніе Славянъ къ берегамъ Балтійскаго и Нѣмецкаго морей есть древнѣйшее изъ всѣхъ

переселеній сего народа, и принадлежишь главному племени онаго: эшо доказываешся богащспвомъ ихъ религіозныхъ моняшій и обрядовъ; равно какъ и раннимъ появленіемъ очевидныхъ признаковъ гражданственности, какъ-шо: городовъ, шорговли и даже искусствъ, хошя еще грубыхъ. II) Удаленіе нѣкошорыхъ народовъ Германскихъ (Вандаловъ, Англо-Саксовъ) и кровопролитныхъ междоусобія другихъ (Франковъ, Свевовъ, Саксовъ, Тюринговъ) дѣйствительнo много способствовали къ усиленію и распространенію упомянутыхъ племенъ Славянскихъ, пакъ чшо вскорѣ по разрушеніи Государства Тюрингскаго они заняли почти всю восточную часть нижней Германіи. Племена сихъ Славянъ и границы жилищъ ихъ описаны довольно подробно Гельмольдомъ (Chron. Slav. cap. I. II.), кошорый сохранилъ для потомства и ихъ Ишорію. Гельмольдъ жилъ и писалъ во второй половинѣ 12 столѣтія, и слѣдовательно былъ свидѣтелемъ порабощенія сихъ племенъ. Шлецеръ раздѣляетъ сѣверныхъ Вендовъ на слѣдующія семейства: а) Обошришы или Мекленбургскіе Славяне, главный народъ между Славянами, жившими ошь Эльбы вдоль по Балшійскому морю; близъ нихъ обитали Полабы (по Эльбѣ — Лабѣ), Вагры въ Голштиніи, Лионы въ

Люнебургской Обласпи. в) Вильцы или Поме-
ранскіе Славяне опъ Одера вдоль по Балтій-
скому морю до Вислы. с) Укры или Бранден-
бургскіе Славяне— въ древней, средней новой,
Укрской и передней Мархіи. d) Лузаты въ
нижней и верхней Лузаціи (38). е) Сорбы
или Верхнесаксонскіе Славяне — особливо въ
Мисніи или Мейсенъ, копорая спрана и
названа по нихъ Zyrgia. Сіи послѣдніе прежде
всѣхъ Нѣмецкихъ Славянъ сдѣлались истори-
чески извѣстными. Дагобертъ I, Король
Франкскій, имѣлъ съ ними дѣла уже въ
первой половинѣ 7 столѣтія. Прочія же пле-
мена Славянъ, обитавшія по берегамъ Бал-
тійскаго моря, являющіяся въ Исторіи только
со времянь Карла Великаго, копорый въ
продолженіе 27-лѣтней войны своей съ Сак-
сонами достигъ до жилищъ ихъ. По свидѣ-
тельствву Эйнгарда, бывшаго Секретаремъ
при великомъ завоевателѣ Франкомъ, Обо-
припы, Вильцы, Сорбы и ш. д. были под-
власны Карлу (39). Политика сего Государя
была шакова, что кромѣ обласпей, соединен-
ныхъ пождешвомъ Вѣры и правленія въ его
обширной Монархіи, границы оной почти
со всѣхъ сторонъ были защищены союзника-
ми или лучше данниками, кои имѣли сво-
ихъ правишелей и удерживали религію предковъ.

Къ таковымъ принадлежали Аравитяне въ Испаніи, Ломбардскіе Герцоги въ Италіи, и Славяне въ сѣверныхъ и сѣверовоспочныхъ странахъ Имперіи. Впрочемъ Карль старался обратишь сихъ послѣднихъ въ Хрістіанскую Вѣру: ему приписываютъ основаніе Епископства въ Бременѣ. Лудовикъ Кропкій сохранилъ владычество надъ сими Славянами; но вскорѣ послѣ смерти его они сдѣлались совершенно независимы, кромѣ нѣкошорыхъ племенъ, кои были побѣждены Дашчанами и принуждены платишь имъ дань (40), что однакожь не долго продолжалось. Вообще Славяне были въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Дашчанами, и являющіяся по врагами, по союзниками сихъ послѣднихъ. Такимъ образомъ, когда по смерти Лудовика Кропкаго Франкская Имперія раздробилась, оба сіи народа вмѣстѣ начали дѣлать нападенія на сѣверныя страны Королевства Германскаго. Ни сынъ Лудовика Кропкаго, Лудовикъ Германскій, ни первые его преемники не могли остановить ихъ успѣховъ; ибо въ то же время съ Юго-Востока беспокоили Германію Венгры, а внутри оной свирѣпствовали раздоры и междоусобія. Честь усмиренія Славянъ и Дашчанъ принадлежишь Государямъ изъ Саксонскаго Дома, восшедшаго на престоль Германіи въ 916 году въ особѣ

Генриха I (Пшицелова). Сей Государь успѣшно опражалъ набѣги упомянутыхъ народовъ; а сынъ его Оттонъ I (съ 961 Императоръ) нанесъ имъ споль сильное поражение, что они принуждены были принять Христіанскую вѣру и признавъ надъ собою власнъ завоевателя. Для успѣшнаго распросшрания Христіанства между Славянами онъ учредилъ Митрополію въ Магдебургъ и Епископства въ Ольденбургъ, Гевелбергъ, Брандебургъ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ (41). Съ сего времени Балтійскіе Славяне находились въ зависимости отъ Нѣмецкой Имперіи. Жестокоств Маркграфа Съвернаго, Теодорика, принудила ихъ къ возстанію, случившемуся при Оттонѣ II въ 982 году. Они обратились къ язычеству, разрушили храмы и частію умершвили, частію изгнали Священниковъ. Жившіе въ Брандебургъ, въ часши Помераніи и Мекленбурга извѣстные подъ именемъ Вильцовъ и Велашабовъ, составили послѣ сего федеративную республику Лущичей. Напрошивъ того Оботришы, Полабы (въ Лауенбургъ и Шверинъ) и Вагры (въ часши Голштиніи) составили Монархію, коей Государи жили въ Мекленбургъ. Нѣкоторые изъ нихъ именовались Королями Венедовъ (42). Императоръ От-

шонъ III (цар. до 1002), съ помощію Боле-
слава, Короля Польскаго, усмирилъ возспав-
шихъ Славянъ и снова заставилъ ихъ пла-
тить дань; но по смерти преемника его Ген-
риха II (цар. до 1024) въ Славіи произошли
внутренніе безпорядки. Возникла междуособ-
ная война нѣсколькихъ племенъ за владѣніе
городомъ, въ коемъ находился главный храмъ
язычниковъ; побѣжденные призвали на по-
мощь Дашчанъ, кои—хотя способствовали къ
прекращенію войны, но—воспользовались слу-
чаемъ ограбивъ пограничныя земли. Върояш-
но въ сіе же время былъ убитъ Дашчанами
одинъ изъ Князей Славянскихъ, Удо, коего
сынъ, именовъ Гопшалкъ, играетъ важную
роль въ Исторіи Славянъ Балтійскихъ.
Пылая мщеніемъ прошивъ Хрістіанъ, онъ
обратился къ язычеству, опустошилъ Норд-
албингію и жестоко преслѣдовалъ прежнихъ
своихъ единовѣрцевъ. Уполивъ жажду мще-
нія, онъ раскаялся въ своей жестокости,
принялъ снова оставленную религію, удали-
лся въ Данію и пробылъ тамъ до смерти
Кануша Великаго. Тогда Гопшалкъ возвра-
тился въ Славію и оказалъ себя ревност-
нымъ поборникомъ Хрістіанства: онъ кре-
стилъ жиделей, строилъ церкви, и даже
самъ говорилъ въ нихъ проповѣди. Около по-

ловины 11 спелѣшїа Славяне снова возмутились, умершвили Гошшалка и воспановили языческую свою религію. Королемъ избранъ былъ нѣкто Круко—по словамъ Гельмольда (43), врагъ Хрістіанства и упорный гонитель правовѣрныхъ. Сыновья Гошшалка принуждены были удалиться; — одинъ изъ нихъ послѣ того былъ убитъ Крукомъ, а другой, именовъ Генрихъ, долгое время скрывался въ Даніи; возвратился съ сильнымъ войскомъ, и избранный въ соправители похищелемъ его наслѣдія — умершвилъ сего послѣдняго (44). Хрістіанство было воспановлено во всѣхъ земляхъ, кои достались Генриху; но спокойствіе не долго продолжалось — ибо спустя нѣсколько лѣтъ Славяне снова возмутились, отвергли принятую Вѣру, и обратились къ древней языческой. Въ такомъ соспояніи заспаль ихъ 12 вѣкъ. Крешповые походы тогда только что начались; эншузїазмъ Крешпоносцевъ, еще не былъ охлажденъ временемъ и неудачами; Римская Герархїя находилась на высшей степени своего могущества; ревность Государей и народовъ къ распроспраненію онаго была еще довольно сильна: все эшо произвело мысль о необходимости обращать какими бы шо ни было средспвами къ Хрістіан-

спву всѣхъ язычниковъ, а пѣмъ самымъ подчинявшъ ихъ власти Папы. Средопочіемъ умшвенной дѣятельности всего Запада — былъ тогда Римъ: ошсюда упоминаемая мысль распространилась далѣе и далѣе и наконецъ доспигла Сѣвера. По мѣрѣ удаленія ошъ центра власть Римской Иерархіи слабѣла: ошъ сего на Сѣверѣ къ видамъ религиознымъ вскорѣ присоединились полипическіе. По мѣспному положенію, не имѣя возможности принимающъ дѣятельнаго участія въ походахъ на Воспокъ, Государи Сѣверныхъ спранъ успремили оружіе свое противъ сошдшвенныхъ народовъ — или съ намѣреніемъ обратишъ ихъ къ Хрістіанству, или прошто съ намѣреніемъ распространитъ свое владычество. Вотъ источникъ пѣхъ ужасныхъ бѣдспвій, коимъ подверглись въ 12 столѣтші языческіе общащелі береговъ Балпійскаго моря: жищелі Финляндіи, Ливоніи, Славіи и, нѣсколькo позже, Пруссіи. — Преимущеспвенно пошерпѣли Славяне и Пруссы: они были упорнѣе, многочисленнѣе и сильнѣе прочихъ. Со времени возмущенія Славянъ Балпійскихъ въ 982 году, Саксонскіе Герцоги производили нападенія на спраны, ими обитаемыя, съ намѣреніемъ водворитъ тамъ Хрістіанство; но до половины

12 спольшія начинанія ихъ болышею ча-
стію были безуспѣшны. Въ сіе время на
Сѣверѣ явился великій завоеватель, Вальде-
маръ I, Король Датскій. Желая стяжати
себѣ славу обратилъ къ такому народу, надъ
кимъ Нѣмецкіе Императоры споль долгое
время щещно испощали всѣ усилія, Валь-
демаръ напалъ въ 1147 на земли Славянъ
и просперъ завоеванія свои до самыхъ вос-
точныхъ предѣловъ ихъ владѣній, разрушивъ
на пуши многіе города, извѣстные по предані-
ямъ (45). Одинъ изъ сыновей Вальдемара I,
Канушь VI, даже принялъ титулъ Короля
Славянскаго; — но другой его сынъ, Вальде-
маръ II, во время прехлѣпнаго заключенія
въ замкѣ Шверинскомъ, лишился почти всѣхъ
земель, завоеванныхъ оцемъ его, бра-
томъ и имъ самимъ. Въ поже время и съ
нѣмъ же намѣреніемъ напали на Славію Ген-
рихъ Левъ, Герцогъ Саксонскій, и Адбрехтъ
Медвѣдь, Маркграфъ Бранденбургскій — пред-
водительствова многочисленнымъ воинствомъ
Крестоносцевъ; ибо нападеніе сіе дѣйстви-
тельно было Крестовымъ походомъ въ ма-
ломъ видѣ. Съ одной стороны фанатизмъ и
жестокость Германцевъ, съ другой упорство
и мужество Славянъ, достойныя лучшей уча-
сти — продали борьбу сію. Наконецъ около

1160 года обезсиленные Славяне покорились и частію были испреблены завоевашелями, частію подверглись пягосшному рабству, ушрашивъ навсегда вѣру опцевъ, языкъ и свободу, споль ими любимую. Такова была судьба Славянъ Балпійскихъ до того времени, около коего Новгородъ являешся дѣйствующимъ на позорищѣ погдашняго сѣвера. Мы уже показали несправедливоспъ мнѣнія, по коему жипели сей спраны почишающся пришельцами съ береговъ Дунайскихъ, показали вѣрояшноспъ догадки, что они были колоніей Славянъ Балпійскихъ; шеперь, зная главнѣйшія собышія въ Ишпоріи послѣднихъ, скажемъ нѣсколькo словъ о времени, къ которому должно опноспшь сіе переселеніе. Нѣшъ сомнѣнія, что оно могло случишся шолькo въ слѣдшвіе какихъ нибудь внушреннихъ безнокойшвъ или внѣшнихъ насильшвенныхъ дѣйшвій. Чепыре эпохи шаковыхъ бурныхъ движеній предшавляющся намъ въ Ишпоріи Славянъ: эпоха покоренія Славянъ Опшономъ I; эпоха возстанія ихъ при Опшонѣ II; эпоха междоусобій и внушреннихъ безпорядковъ послѣ смерти Генриха II и далѣе почши до конца 11 шолѣтія; наконецъ эпоха сошвершеннаго порабощенія чуждой власти въ началѣ вшорой половины 12 шолѣтія. Опшо-

силь упомянутое преселеніе къ первой эпохѣ — невозможно: въ составѣ правительсва, въ законахъ и обычаяхъ сѣверной Республики нашей (46) мы находимъ слишкомъ много Германскаго: доказательсво, что Новгородцы переселялись къ Волхову, уже довольно ознакомленные съ своими вѣроучителями. Эпоха возстанія Славянъ Балтійскихъ при Ошпонѣ II кончилась временнымъ ихъ освобожденіемъ, слѣдовательно не было причины покидать отечества и искашь убѣжища въ странѣ чуждой. Остаются только двѣ — и припомъ самыя смущныя, самыя бурныя эпохи въ Исторіи Славянъ. Въ когорую изъ нихъ удалявшіяся съ береговъ Балтійскаго моря колоніи положили основаніе Республикѣ на берегахъ Волхова: этого вопроса я рѣшишь не въ состояніи. — «Какъ! Новгородъ основанъ не въ 7, даже не въ 8 столѣтіи» — возразять защитники прежняго мнѣнія «это явное противорѣчіе лѣтописямъ!» Но какъ много лѣтописи наши противорѣчаютъ сами себѣ! Какъ много противорѣчаютъ онѣ всеобщему ходу гражданской и политической образованности народовъ!

Но не слишкомъ ли много беру на себя, усиливаясь доказать истину, когорую только что предощую? Не слишкомъ ли много

ушомляя вниманіе ваше , доказываю истину, для васъ (*), можешъ бышь, совершенно ясною?

Недоспашокъ въ нужныхъ пособіяхъ, для подобнаго изслѣдованія необходимыхъ, не позволяетъ мнѣ подробнѣе раскрышь споль богатую шему. Укажу слегка на шѣ пункты , на кои, по моему мнѣнію , должно бы обратишь вниманіе при дальнѣйшихъ соображеніяхъ касательно сего предмета.

Вопервыхъ надлежало бы показашь сходство религіозныхъ понятій и языческихъ божествъ, встрѣчающихся въ Исторіи Славянъ Балтійскихъ и опчаспи въ нашихъ лѣтописяхъ. Замѣчательно, что даже по извѣстіямъ сихъ послѣднихъ язычество удержалось въ Новгородѣ гораздо долѣе, чѣмъ въ южной Руси.

Вовшорыхъ слѣдовало бы подробнѣе раскрышь сходство, замѣчаемое въ составѣ правительсшва, въ законахъ и въ обычаяхъ обласпи Новгородской и городовъ сѣверной Германіи , кои , бывъ сооружены на землѣ Славянской, впоследствии сдѣлались Ганзейскими.

Вшрешьихъ надлежало бы обратишь вниманіе на сходство преданій въ Исторіи Славянъ Балтійскихъ съ преданіями нашего Сѣвера (47).

(*) Сочинитель обращается къ своему Профессору. *Рдры.*

Вчетвертыхъ должно бы объяснить по возможности основаніе, на коемъ утверждено позднѣйшее извѣстіе льпописей объ учрежденіи Государства Норманнами (48).

Все это выше моихъ средствъ и способностей. Въ началѣ разсужденія имѣлъ я случай сказать о томъ, что побудило меня избрать матерію, столь много превосходящую мои силы; теперь прибавлю, что я хотѣлъ только высказать на видѣ требованія вопроса — и неосновательность донинѣ господствующаго мнѣнія.

Для меня довольно, если разсужденіе мое докажетъ по крайней мѣрѣ, что я не чуждъ изслѣдованій о временахъ сшарины, временахъ младенчества народа, уже славнаго и великаго. О какихъ изслѣдованіяхъ я говорю — вамъ извѣстно. . . .

М. Перемышлевскій.

1833.

Іюнь.

Примѣанія.

(1) Считая со смерти Байера, н. е. съ 1738 года

2. *Шлец. Несторб.* Часть I стр. 381.

3. Полагая сей періодъ до смерти Ярослава I.

4. Таковы: призваніе Варяговъ; Исторія Олега, Игоря; ихъ договоры съ Греками; Крещеніе Россіи, событіе, совсѣмъ неподлежащее сомнѣнію — но къ сожалѣнію изложенное не безъ примѣси баснословія; Русская Правда, истинное понятіе о коей сосщавляется только въ наше время, и многія другія происшествія.

5. Извѣстна судьба Диссертаціи Маллера. *Шлец. Нест. часть 1. Введеніе. Отд. V стр. РМВ.* —

6. *Введеніе отд. II § 11 стр. ЛН.*

7. Я нарочно выписалъ сіе заглавіе, которое находишь на большей части дошедшихъ до насъ списковъ, и которое показываетъ, что современники наши, покрайней мѣрѣ въ повѣствованіи о первыхъ четырехъ вѣкахъ существованія народа Русскаго, не суть просто записки современниковъ, но нѣчто цѣлое, не совсѣмъ чуждое порядка. Слѣдовательно, мы имѣемъ ихъ уже не въ томъ видѣ, въ какомъ вышли они изъ первыхъ рукъ; а понятіе о системѣ исторической очевидно противорѣчитъ понятію нашему о степени образованности Россіянъ 11 столѣтія. Шлецеръ также замѣтилъ въ лѣтописяхъ нашихъ нѣкоторый родъ системы (*Нест. Введ. Отд. I стр. К и слѣд.*) —

8. *Шлецер. Нест. Введ. Отдѣл. I стр. КЗ.*

9. Каковы лѣтописи: Кіевская, Устюжская, Псковская, Волынская, Архангельская, Двинская,

Нижегородская и пр. *Ист. Г. Росс. Томъ I. XXXI.*

10. *Татищ. I. стр. 58* и пр. *Введ. Отд. I. Карамзинъ Ист. Госу. Рос. Т. I. XXX* и также *Томъ II. прим. 187.*

11. Впрочемъ время рожденія (1056) и смерти (въ нач. XII в.) Преподобнаго Нестора нигдѣ съ точностію не означены — и вообще мы не имѣемъ ни о немъ, ни объ его сочиненіи никакихъ современныхъ, или близкихъ къ нему извѣстій. Въ Пашерикѣ Печерскомъ, копорый приписывали Нестору, говорится о немъ уже въ шрещемъ лицѣ; припомъ Пашерикъ естъ произведеніе позднѣйшаго времени. Карамзинъ говоритъ, что житія Несторова нѣтъ въ древнѣйшемъ рукописномъ Пашерикѣ. *И. Г. Р. Томъ I. XXVII.* Предположенія касательно сего предмета, выводимыя изъ нѣкоторыхъ мѣстъ лѣтописей (*Шлец. Нест. Введ. Отд. I §§ 2 и 3*) не могутъ имѣть большой важности, пока не опредѣлены критически достоинства самихъ лѣтописей.

12. Извѣстіе Лѣтописца о переселеніи Славянъ въ нынѣшнюю Россію и другія сираны съ береговъ Дуная: „Волохомъ бо нашедшимъ на Славены на Дунайскіе и пр. (*Нест. по Кемпе. сп. 1767 года стр. 6*), еще менѣе заслуживаетъ довѣренности: ибо переселеніе сіе случилось по крайней мѣрѣ за 500 лѣтъ до его времени. Карамзинъ относитъ оное къ VII стол. (*И. Г. Р. Томъ I. Примѣчаніе 64.*)

13. Имя Нестора находится только на двухъ (позднихъ и недлучшихъ) спискахъ (*Шлец. Нест. Вступл. въ Рус. Ист. стр. 4*), и еще въ Хлѣбниковскомъ, копорый извѣщенъ былъ Карамзину. Въ шрехъ мѣстахъ Лѣтописатель, кто бы онъ ни былъ, говоритъ о себѣ: подъ 1071 при повѣствованіи о началѣ монастыря Печерскаго; подъ 1090 при описаніи перенесенія

Моцей Св. Феодосія; подъ 1096 при повѣспованіи о нападеніи Боняка, вождя Половецкаго, на монастырь Печерскій (*Нест. по Кениг. стр. 108 и слѣд; стр. 130 и 131; стр., 144*). Сими-по шремя мѣстами и доказываютъ, что извѣстія лѣтописей о происшествіяхъ, случившихся въ отечествѣ нашемъ до начала 12 столѣтія, принадлежатъ Преподобному Нестору, Черноризцу Печерскому, жившему въ 11 столѣтіи. Но развѣ позднѣйшій лѣтописатель (сборщикъ) не могъ цѣликомъ перенести вышеупомянутыя повѣспованія изъ какой нибудь монастырской записки (даже лѣтописи)? Эпо замѣшваніе дѣлаешся весьма вѣроятнымъ, если обратимъ вниманіе на то, что два первыя повѣспованія, касающяся только до монастыря Печерскаго, не имѣютъ никакой связи ни съ предъидущими, ни съ послѣдующими извѣстіями временниковъ, и что неумѣстное толкованіе о происхожденіи сыновъ Измаиловыхъ и рассказъ какого-то Новгородца объ Югрѣ, соединенные съ повѣспованіемъ о нашествіи Боняка, ясно изобличаютъ вспавку. Я назвалъ толкованіе о происхожденіи Туркомановъ (Торкмени) Печенѣговъ, Торковъ и Половцевъ неумѣстнымъ, потому что жители Кіева знали о сихъ народахъ гораздо прежде 1096 года. Еще разъ повѣрю: Преподобный Несторъ давно извѣстенъ у насъ подъ именемъ лѣтописца; слѣдственно онъ писалъ что нибудь въ родѣ лѣтописи; но изъ чего же слѣдуешь, что сказанія, несообразныя, какъ ниже увидимъ, съ духомъ времени, принадлежатъ ему?

14. *Лаврентьевскій* — списанный для В. К. Димитрія Констаншиновича Суздальскаго въ 1377 году.

15. Призваніе прехъ брашьевъ, сухопушное плаваніе Олега, его смершь (опъ ужаленія змѣи); сожженіе Ольгою Короспена посредствомъ голу-

бей — указываютъ на источники Норманскіе, хотя изустно занесенные въ Россію. Договоры Олега и Игоря съ Греками и Русская Правда суть явно позднѣйшее заимствованіе и подражаніе.

16. Изъ нихъ лѣтописецъ могъ заимствовать вышеупомянутыя повѣствованія (Прим. 13), въ коихъ кто-то, жившій въ 11 столѣтіи (можетъ быть и самъ Преподобный Несторъ), говоритъ и о себѣ. Всего вѣроятнѣе въ семъ случаѣ предположить, вмѣстѣ съ Карамзинымъ, церковныя записки. *Ист. Гос. Росс. Томъ I. XXVIII.*

17. Слова Шлецера. *Нест. Введ. Отд. II. 13.*

18. Космографія — почти слово въ слово взята изъ Византійцевъ. Описаніе земель и народовъ (большею частію приморскихъ) принадлежитъ лѣтописцу, и не имѣетъ связи ни съ Космографіей, ни съ Сполноповореніемъ. Неизвѣстно, откуда взято извѣстіе о переселеніи Славянъ: вѣроятно это темное преданіе, или догадка писавшаго. О пуши изъ Варягъ въ Греки — лѣтописецъ могъ узнать отъ Варяговъ. Сказка о началѣ Кіева — ни болѣе, ни менѣе какъ сказка. Исчисленіе народныхъ племенъ въ древней Руси неумѣстно. Далѣе — преданіе, сказка и подражаніе Византійцу. Нелѣпая дань мечами — выдумка. Неумѣстное извѣстіе о Руси, приходившей подъ Царь-градъ и о крещеніи Болгаръ — взяты изъ Византійскихъ источниковъ. Порабощеніе Новгородцевъ Варягами — могло сохраниться въ преданіи, а можетъ быть оно и выдуманно лѣтописцемъ позднѣйшаго времени въ слѣдствіе системы его вести народъ свой съ Сѣвера (на эту мысль я укажу впоследствии. (См. ниже прим. 23.)

19. *Вира, Гость, Гривна, Шлея*, (шеллингъ) *Куна* etc. Всѣ сии слова первоначально появились въ Новгородѣ. — Къ цѣлымъ спашьямъ, несо-
вмѣстнымъ съ понятіемъ о Россіи 10 и 11 столѣтій,
относясь: Договоръ Олега и Игоря съ Гре-
ками и Русская Правда. Первые весьма сходны съ
договорами городовъ Ганзейскихъ; а подражашь
симъ послѣднимъ лѣтописателъ не могъ ранѣ
13го столѣтія. Сии договоры вымышлены, въ
помѣ не лъзя и сомнѣвашься: многія спашья
совершенно неумѣстныя (на пр. о спасеніи судовъ),
и многія спашья совершенно нелѣпыя (на пр. о
волошыхъ печашяхъ и граммашахъ—или пропуск-
ныхъ видахъ, кошорые будшо бы выдавали Рус-
скимъ посламъ и госпямъ наши Князья, шогда
еще неграммашные) — вшо доказывающъ. Мысль,
чшо сии договоры супъ подражанія Ганзейскимъ—
ещь плодъ изслѣдованій и соображеній. Русская
Правда, какъ уже мы видѣли (*Вѣст. Европы*
1829 года), принадлежишь 13 сп., и сходшвомъ
своимъ съ законами Германскихъ народовъ ясно
указываешъ на давнишнее знакомство съ ними
Новгородцевъ.

20. На пр. О переводѣ Священнаго Писанія
Курилломъ и Меодіемъ, О нападеніи Угровъ на
Булгарскую землю и проч.

21. Происшествіе само по себѣ достоверное:
но послы ошъ разныхъ народовъ съ предложені-
емъ Вѣры своей; отправленіе 10 бояръ для узна-
нія различныхъ Вѣроисповѣданій и пр., супъ очевид-
но заимствованія изъ Бандуріева источника (см.
Stritteri memor. Popul. II. 960 etc. etc.). Лѣтописецъ
могъ знашь споль важное происшествіе со всѣми
подробносшми и не имѣлъ нужды украшашь
вымыслами повѣствованіе объ ономъ.

22. Не шо, чшобы въ лѣтописяхъ нашихъ
уже совсѣмъ не было родныхъ преданій; онѣ
ещь; но или слишкомъ темны и крашки, или

совершенно измѣнены по появленіямъ позднѣйшихъ временъ, только не 11 столѣтія (см. прим. 19).—

23. При первомъ взглядѣ на событія (историческія) первыхъ чепырехъ вѣковъ существованія народа Русскаго легко замѣнишь, что сѣверъ и югъ, изъ коихъ впоследствии соспавилось Государство Россійское, развивались отдѣльно, не въ совокупности, и были совершенно различны, какъ по внѣшнимъ отношеніямъ, такъ и по внутренней организаціи обществъ, шамъ образовавшихся. Не смотря на сіе, лѣтописи наши дають одно начало Государству, и именно по какой-то системѣ ведутъ и имя Русское, и народъ Русской съ сѣвера. Въ періодъ удѣловъ, когда югъ и югозападъ нынѣшней Россіи находились въ крайнемъ распройствѣ отъ внутреннихъ раздоровъ и отъ внѣшнихъ враговъ, погдашніе владѣтели старались наперерывъ приобрести вліяніе на Новгородъ. Не служила ли вышесказанная система вѣкошорымъ предлогомъ ихъ домогательствъ? Или не хотѣли ли Новгородцы придашь оною болѣе важности достоинству Князя, коего права въ Новгородѣ были споль ограниченны? Какъ бы то ни было, только эта система пропивопрѣчишь ходу событій— и ясно изобличаешь умышленность. Могъ ли лѣтописецъ 11 столѣтія не знашь истины, или могъ ли, не боясь изобличенія, измѣнишь еще свѣжія преданія народа? Не намекаешь ли это на время соспавленія лѣтописей?

24. Это извѣстіе принадлежитъ пакъ называемому Вспупленію, о достоинствѣ коего см. выше (прим. 18). Кто были Волохи? Шлецерь въ различныхъ мѣстахъ своего *Нестора* объясняешь ихъ различно. Эверсъ, указавъ на пропивопрѣчія Шлецера, усердно доказываетъ, что это Болгары (*Предварит. Критич. Изслѣд. Кн.*

глава I), шѣмъ болѣе, что при повтореніи (какъ думаешь Эверсъ) извѣстія о семъ событіи лѣтописецъ именно называетъ Болгаровъ: „Придоша опъ Скуфъ, рекше опъ Козаръ, рекоміи Болгаре, и сѣдоша на Дунаеви,“ и пр. Мнѣ кажется, что лѣтописецъ упошребилъ имя Волоховъ единственно пошому, что они въ его время были уже дѣйствительно извѣсны, какъ пригѣснипели Славянъ.

25. Повѣствованіе нашихъ лѣтописей о началѣ имени Русскаго очевидно вымышленно. Это доказываешь уже и шѣмъ, что оно допускаетъ столько полкованій. Руссовъ, опъ коихъ опечесство наше получило свое названіе, щипали: Пруссами, Нордманнами, Финнами, Козарами, Гощеами, Фрисландцами, и пр. Теперь большая часть ученыхъ признають ихъ Норманнами. Но чѣмъ это доказываешь? Сказкою лѣтописей о призваніи Новгородцами шрехъ брашьевъ изъ-за моря; Норманскими именами небывалыхъ въ Россіи лицъ, напр. именами пословъ, находящимися въ началѣ никогда не существовавшихъ договоровъ Олега и Игоря съ Греками. Самъ Олегъ съ его спраннымъ походомъ, съ его чудною смерцію — ешь лице столько же испорическое, какъ Оскольдь и Диръ или Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, (вѣроятно родшвенники Кія, Щеха и Хорива).— По крайней мѣрѣ сказка о брашьяхъ основашеляхъ Кіева принадлежишь къ шуземнымъ преданіямъ. Норманское происхождение Руси доказывають шакже и названіями Днѣпровскихъ пороговъ, сохраненными Констаншиномъ Багрянороднымъ, и удобообъясняемыми шолько изъ языковъ Скандинавскихъ. Во первыхъ Констаншинъ могъ (Богъ вѣдаешь, какія) названія приняшь за Русскія, а вопорыхъ въ эшимологической пышкѣ всякое слово скажешся Шведскимъ, подобно какъ Россы въ Ингельгеймѣ сказались Свеонами. Однакожь и это мѣсто.

Бертинскихъ лѣтописей принимается въ число доказательствъ сѣвернаго происхожденія Руссовъ. Сюда же относятся: Руошси, Рослагенъ и пр. Неважность всего этого показана Еверсомъ (*Предв. Крит. Изслѣд.*). Собственное его мнѣнiе, особливо въ томъ видѣ, въ какомъ оно представлено Г. Н. въ *Письмѣ о жилищахъ древ. Руссовъ* — гораздо вѣроятнѣе. По крайней мѣрѣ нѣтъ сомнѣнiя, что при Черномъ морѣ былъ особый народъ *Руссы*, отъ коихъ и море сiе называется *Русскимъ*, во всѣхъ древнѣйшихъ спискахъ нашихъ временниковъ. Замѣчательно мѣсто Никоновской лѣтописи: „Роди же царицаеміи *Руси*, иже и *Кумани*, живяху въ *Ексинопонтѣ*“ и пр. (смол. *Еверсово Предв. Крит. Изслѣд. стр. 236. 237 и слѣд.*) Не служило ли однородство или сродство Руссовъ съ *Куманами* (*Половцами*, отъ коихъ опечетство наше пошерпѣло сполько зла) также нѣкоторымъ поводомъ къ составленію вышесказанной системы (прим. 23), въ слѣдствіе коей всѣ лѣтописи выводятъ Руссовъ съ сѣвера? Какъ бы то ни было, умысленность весьма замѣтна: лѣтописецъ полкуетъ, объясняетъ свои слова (на пр. Сиде бо звахуся шіи *Варяги Русь*, яко се друзіи зовущя *Свее* и пр.); повторяетъ нѣсколько разъ свое положеніе: напр. и суть *Новгородскіи* людіе и до днешняго дня отъ рода *Варяжска*: прежь бо быша *Словене*. *Шлецеръ* (глава XXI стр. 342) думаетъ, что лѣтописецъ дѣлаетъ это, боясь, что его не поймутъ. Странно бояться, что народъ не пойметъ своего происхожденія. Скорѣе можно полагать, что позднѣйшій сборщикъ боялся сбиться съ принятой системы. Впрочемъ со всеми полкованіями и повтореніями онъ не даетъ намъ яснаго понятія о своихъ *Варягахъ-Руссахъ*.

26. Другія ихъ извѣстія, какъ то: о *Руссахъ*, кои въ разные времена служили въ войскаѣ

Греческомъ и ш. д. не столь важны для Исторіи. Ихъ можно видѣшь въ *Метог. popul. etc.* Шпрингера.

27. О жилищахъ Древ. Руси. Письмо Г. И. стр. 57. Этимъ можно бы объяснить *Крещеную Русь*, о коей упоминается въ договорѣ Игоря съ Греками, еслибъ договоръ сей стоилъ объясненія.

28. Которымъ легко было зайти сюда по Двинѣ. Извѣстіе лѣтописей о Рогвольдѣ можешъ быть преданіемъ. Полоцкъ не былъ въ швѣсныхъ связяхъ ни съ южными княжествами, ни съ сѣверными республиками; напрошивъ, владѣтели онаго грабили (какъ прилично Норманнамъ) и Новгородъ и обласъ Кіевскую (надобно вспомнишь о Брячиславѣ, о Всеславѣ и ш. д. *Ист. Г. Р.* томъ II стр. 18, 82, 88, 159, 178; о ссылкѣ въ 1129 году Князей въ Грецію стр. 200 и слѣд.) Что Св. Владиміръ покорилъ Полоцкъ и былъ родоначальникомъ всѣхъ послѣдующихъ власнищелей города сего — это едва ли не вымыселъ. Подробности событія: сватовство Владиміра, отказъ Рогви́ды, ея похищеніе, покушеніе ошмстить и пр. — явно баснословны. Для краткости не распространяюсь о семъ предметѣ.

29. Словене же (въ нѣкош. спискахъ прибавлено: пришедше съ Дуная) сѣдоша около озера Имера, и прозвашася своимъ именемъ. И сѣлаша градъ и нарекоша ю Новгородъ. (*Шлецеръ Нест. глава V.*)

30. Тѣ же списки (напр. Кенигс. стр. 16) заставляющъ Рюрика опять спрости Новгородъ. Это противорѣчіе. Если выбросишь изъ лѣтописей не касающійся до Новгорода походъ Южныхъ Руссовъ на Царьградъ въ 866; то исторія шрехъ братьевъ заключается въ шрехъ словахъ: пришли да и умерли.

31. *Шлецеръ Нест.* стр. 349 и слѣд.

32. И о саняхъ ея. Вотъ, что говоритъ нашъ Исторіографъ по сему случаю: „Черезъ 150 лѣтъ народъ съ признашельностью вспоминалъ о семъ благодѣтельномъ путешествіи Ольги, и въ Неспорово время жили Пскова хранили еще сани ея, какъ вещь драгоцѣнную.“ *Ист. Гос. Росс.* Томъ I стр. 192. Скорѣй можно подумашь, что Новгородцы выдумали сказку о путешествіи Ольги и о саняхъ ея — выдумали съ шѣмъ намѣреніемъ, чтобы древнія постановленія свои сдѣлали неприкосновенными для воли Князей, коихъ въ позднѣйшія времена избирали они изъ южныхъ владѣтелей. Княженіе Св. Владиміра въ Новгородѣ, Княженіе Ярослава, дворъ Ярославовъ, Правда Ярославова не принадлежатъ ли къ подобнымъ выдумкамъ хитрой полишики Новгородцевъ?

33. Это избраніе почто въ духъ Новгородцевъ — только позднѣйшаго времени.

34. Сосѣдства Козарь, Печенѣговъ, Болгаръ Половцевъ и пр., на что, хотя не ясно, указываютъ и лѣтописи (о дани Козарамъ и пр.).

35. О лѣтописяхъ по настоящему и говоритъ нечего: онѣ безъ всякаго сомнѣнія суть отголоски мнѣній и системъ позднѣйшаго времени (выше прим. 23, 32). Въ 14 стол., можетъ быть, и въ самомъ Новгородѣ проспой народъ вѣрилъ единству юга и сѣвера. Однакожь въ Новгородской лѣтописи подъ словомъ Русь часшо разумѣется исключительно югъ.

36. Сія граммаша предшавляетъ условія, на коихъ Новгородцы избрали Княземъ своимъ Ярослава Ярославича Тверскаго. *Ист. Гос. Росс.* Томъ II стр. 104.

37. Не желая излишними подробностями увеличивать и безъ того уже длинныхъ замѣчаній, я укажу только на страницы *Ист. Гос. Росс.*, гдѣ описаны событія, изъ соображенія коихъ составилъ я очеркъ быша Новгородскаго.

Ист. Гос. Росс. Томъ II стр. 153 и слѣд. 206 и слѣд., 210—214, 222—225, 308, 313, 319, 323 и слѣд. 339—341. Довольно для повѣрки моихъ выводовъ. Исторіографъ имѣлъ свой взглядъ на факшы: называетъ вездѣ Новгородъ древнею столицею Рюрика, и всѣ событія сей Республики характеризуетъ словами безпорядка, безпокойства, спрощивости Новгородцевъ и проч., что можно видѣть на вышеприведенныхъ страницахъ его Исторіи. Сообразивъ сказанное въ примѣчаніяхъ 23 и 32, мы легко уразумѣемъ причину этого: онъ безошчепно слѣдовалъ льшописьямъ. Но должны ли мы слѣпо слѣдовать его пворенію, въ другихъ ошнотеніяхъ превосходному, безсмертному?

38. Думаютъ, что встрѣчающееся у Проконія слово *блорог*, коимъ, по словамъ сего писателя (*Шлецеръ. Нест. въ Рос. Исп. стр. 129*), назывались *нѣкогда всѣ Славяне*, есть испорченное имя Сербовъ. *Всп* — значитъ здѣсь, можетъ быть, только: *извѣстныя тогда*, а Сорбы двѣдшительное сдѣлались извѣстными въ Исторіи прежде другихъ.

39. *Tableau des révolutions de l'Europe, par Koch. Tom I pag. 40.* Авторъ полагаетъ, что и до сего времени Славяне, жившіе по Эльбѣ, завистли отъ Франковъ.

40. *Helmoldi Chron. Slav. cap. V. VII.*

41. *Idem. cap. XI.*

42. *Koch. Tab. des rev. de l'Europe. Tom. I. page 92.* Замѣчательно, что и Датскій Король Свеновъ, сынъ Гаральда, опвергъ въ сіе время Хрисціанство, которое ушвердилось въ Даніи только со времени государствования Кануша Великаго.

Уч. Зап. Часть III.

4

43. Все, касающееся до Готшалка, можно читать въ подробности у Гельмольда, Chron. Slav. lib. I cap. XIX — XXV. — Въ главѣ 26 Гельмольдъ говоритъ, что жестокость Крюка и бѣдствія междоусобій заставили некоторыхъ Славянъ переселяться изъ старыхъ жилищъ своихъ. Такъ на пр. 600 семействъ Holzatorum переселились in montes Harticos. Дѣло само по себѣ не важное; но кшо поручишься, что въ Chron. Slav. исчислены всѣ переселенія? Здѣсь мимоходомъ замѣчу, что я руководствовался экземпляромъ, не имѣющимъ никакихъ примѣчаній. Лучшаго изданія я не могъ достать — да и симъ пользовался только нѣсколько дней; отъ сего, какъ самъ чувствую, извлеченіе мое неполно.

44. Helm. Chron. Slav. lib I cap XXXIV.

45. Юлинь (нынѣ Воллинъ), Шпешинъ (въ Помераніи) Аркону, Каренцъ на ос. Рюгенъ и нѣкошорые другіе. Гамбургъ и Любекъ покорились ему добровольно. Helm. Chron. Slav. lib. II cap. XII.

46. О сходствѣ многихъ спашей Рус. Правды съ законами племенъ Германскихъ см. И. Г. Р Томъ II прим. 67 — 101. Академикъ Спруве писалъ о семъ предметѣ особенное разсужденіе, котораго я не имѣлъ случая видѣть. Сюда же принадлежатъ Германскія слова: вира, шунъ, мышо, и проч.

47. Напримѣръ о Госпомыслѣ въ Исторіи Мекленбургской и проч. Шлец. Нест. Вступ. въ Рус. Исторію свр. 303. въ сноскѣ.

48. Для сего должно вспомнить, что Славяне Балшійскіе, близкіе сосѣды Дашчанъ, были нѣсколько разъ покоряемыими этими послѣдними (см. выше). Въ Голштиніи, которая ближе всѣхъ Слав.

земель прилежишь къ Дании, есмь и Ольденбургъ (Ладога?) и Нейшпадь (Новгородъ), — и прочемъ во всей землѣ сѣверныхъ Вендовъ предшавляеица немало городовъ, носящихъ подобное названіе (Спартгарда, Ольденбурга, Альшенбурга, Нейшпадша). — Въ Голшпаніи жили Вагры (Варяги?). Все это еще ждешъ соображеній — и когда нибудь сильно подкрѣпишь мнѣніе о недосповѣрности и позднемъ появленіи нашихъ лѣтописей. *М. Пр.*

В. ЗООЛОГИЯ.

2. О ГОЛОВНЫХЪ ПОЗВОНКАХЪ ВЫСШИХЪ ЖИВОТНЫХЪ.

Адъюнктъ-Профессора Щуровскаго.

(*Окончаніе.*)

Сенпъ-Илеръ оспался вѣрнымъ главной своей идеи и въ дальнѣйшемъ дробленіи головныхъ позвонковъ; часпи сихъ послѣднихъ опредѣлены имъ по аналогіи ихъ съ часпиями позвонковъ спановыхъ. Такъ нѣкопоры изъ нихъ имѣють значеніе позвоночнаго ядра (сус-лéal), другія боковыхъ восходящихъ (régiaux), нѣкопоры выражаютъ верхнія часпи (ériaux) и. ш. д. (*). Такимъ образомъ кости головы, по указанію одной господствующей мысли,

(*) Губной позвонокъ образованъ *хрящами носа*, которые составляютъ ядро позвонка или шѣло (суслéal); онъ называешь его *protosphéal* (окончаніе *sphéal* принято имъ для всѣхъ шѣлъ головныхъ позвонковъ); 2. *нижними носовыми раковинами* (=régiaux); каждая изъ нихъ называешь *rhinophyal*; 3. *верхними носовыми раковинами* (=ériaux) — *ethmophyzaux*; — 4

приведены имъ въ спрройное цѣлое, въ сис-
стему.

Замѣчательно, нижняя челюсть не вхо-
дитъ у него въ сферу головныхъ позвонковъ,

междучелюстной костью шой и другой сто-
роны (=paraaux) adnata; — 5. *зубною частью*
челюсти шой и другой стороны (=cataaux) —
addental.

Позвонокъ носовой шѣломъ своимъ (cycléal)
имѣетъ *надносовую пластинку* (lamina ethmo-
idalis) rhinosphénal; — боковыми восходящими
(périaux) съ каждой стороны *ноготная кость* —
lascrugal; верхними (ériaux) *носовые кости* —
nasal; боковою низходящею (paraal) *небная часть*
челюсти — adgustal; нижнюю часть (cataal)
сошникъ — voméral.

Тѣло глазнаго позвонка есть *тѣло кости*
надносовой — ethmosphénal; — его боковыя вос-
ходящія (périaux) *le castilage tarse* — palpebral;
верхняя часть сего позвонка (ériaal) *лобная*
кость — frontal; — его боковая низходящая
(paraal) *глазная часть верхней челюсти* —
orbital; — его нижняя (cataal) *небная кость* —
palatal.

Позвонокъ мозговой имѣетъ шѣломъ *первое*
тѣло основной кости, и называется entosphé-
nal — боковыми восходящими *малыя крылья*
основной кости — ingrassial; верхними частя-
ми *большія крылья* шой же кости — ptéreal; —
боковою низходящею *скуловая кость* — jugal; —
нижнюю часть *внутренній крылонобный от-*
ростокъ — hérisséal.

Чешырехолмный позвонокъ образованъ изъ
второго тѣла основной кости — hyposphé-
nal; — *височныхъ костей* — témporal; *темени-*
ныхъ — parátal; изъ *большаго возвышенія*

но вмѣстѣ съ язычною костью и грудною составляютъ особый рядъ костей, противоположный головнымъ, шейнымъ, спиннымъ и другимъ позвонкамъ: это вторая позвоночникъ.

Изъ предыдущаго открывается, что Бленвиль и Сень-Илеръ, не смотря на различіе въ частномъ разграниченіи костей черепа и лица, согласны въ томъ между собою, что *онѣ представляютъ строеніе позвонковъ становыхъ*: это мысль общая тому и другому, но развитая ими не одинакимъ образомъ. Многие Зоологи, увлекаемые духомъ Напуральной Философіи, частямъ головы дали обширнѣйшее значеніе, нежели Бленвиль и Сень-

барабаннаго кольца — zygial; изъ безымянной части — cotyléal.

Ушной позвонокъ заключаетъ въ себѣ: *первое тѣло основной кости — otosphénal; каменистую часть височной кости — rupéal; первую часть затылочной кости — interpariétal; барабанное кольцо — tympanal; молотокъ — malléal.*

Мозжечковый позвонокъ состоитъ: *изъ второго тѣла основной кости — basisphénal; третьей части затылочной кости (exoccipital); изъ второй части той же кости — suproccipital; стремени — stapéal, и наковальни — incéal.*

Значеніе частей позвонковъ чешырекольного, ушнаго и мозжечковаго, понятно изъ предыдущихъ.

Илеръ. Начала ихъ выведены изъ общаго понятія о природѣ, или изъ закона *тожества*. По сему ученію, ошповъ представляеть собою спройную совокупность часшей, изъ коихъ послѣдующая въ развитіи своемъ повворяеть предъидущую: черепъ и лице, однимъ словомъ, голова есть послѣдняя степень сего преемственнаго развитія, слѣд. объемлетъ собою всѣ прочія часши ошпова, предшествовавшія ей въ своемъ образованіи, и извѣсныя подъ именемъ туловища. Очевидно, *голова*, по закону *пожества*, есть развитіе, или лучше сказать, *повтореніе* не однихъ позвонковъ, но *всего туловища*. Образъ возрѣнія совершенно отличный отъ перваго.

Начала сіи осуществили Спиксъ (Cephalogenesis 1815), и особенно Окенъ (Esquisse du système d'Anatomie, de Physiologie et d'Histoire Naturelle, Paris 1821), распространившій законъ *пожества* на всю природу.

Спиксъ принимаетъ живошное состоящимъ изъ двухъ часшей, изъ коихъ одна сжатая — *голова*, другая болѣе растянутая — *туловище*. Въ черепѣ онъ находить три позвонка: *затылочный* или *черепной* (vert. cranique), *темянной* или *грудной* (thoracique), и *лобный* или *брюшной* (abdominale). Названія сіи напоминають часши ошпова, съ

коими онъ ихъ сравниваетъ. Въ челюстяхъ Сликсъ признаетъ повпореніе конечностей.

Но все это есть только намекъ на то ученіе, которое во всей своей изящности представлено Океномъ, обнаружившимъ идеи свои о семь предметъ еще въ 1807 году. Онъ принимаетъ головныхъ позвонковъ четыре: 3 составляютъ черепъ, и 1 принадлежитъ къ лицу; каждый изъ нихъ назначенъ для какого-либо органа чувствъ.

1. Позвонокъ *ушной* (vert. auriculaire): замылочные кости.

2. Позв. *язычный* (v. linguale): кости основная задняя и шемьянная.

3. Позв. *глазной* (oculaire): кости основная передняя и лобная.

4. Позв. *носовой* (nasale): сошникъ, рѣшетчатая и носовая кости.

Каждый изъ головныхъ позвонковъ, подобно шейнымъ, состоитъ изъ пяти частей:

<i>Позвонокъ</i>	<i>Тѣла</i>	<i>Отрост. скв.</i>	<i>Отрост. ост.</i>
1. Ушной	замыл. основ.	замыл. боков.	замыл. верхній.
2. Язычный	основ. задняя	больш. крылья	шемьянная.
3. Глазной	основ. перед.	малыя крылья	лобная.
4. Носовой	сошникъ	рѣшетчатая	носовая.

Въ головѣ повпоряются также и конечности: это сушь челюсти, изъ коихъ

верхнихъ, соответствующихъ груднымъ, а *нижнихъ*, брюшнымъ конечностямъ.

Челюсти или головная конечности состоятъ изъ такого же числа костей, какъ и конечности пуловица.

А. *Тазъ* нижней челюсти: *os articulare* = кости подвздошной, *os angulare* = кости сѣдалищной, и *os supplementare* = кости лобковой.

В. *Нога* нижней челюсти: *os coronoideum* = бѣдру и *os operculare* = голени.

С. *Ступень* нижней челюсти состоятъ изъ зубныхъ ячеекъ = пясти, и зубовъ = пальцамъ или ногшямъ.

А. *Надплечье* верхней челюсти: височная кость (*os temporum*) = лопашкѣ, наружной слуховой ходъ (*mastus auditorius externus*) = вылочкѣ, шильцовый отростокъ (*processus styloideus*) = ключицѣ.

В. *Рука* верхней челюсти: скуловая кость (*os zygomaticum*) = плечу, задній отростокъ (*processus posterior*) и скуловой (*proc. zygomaticus*) верхней челюсти = лучу и локтю весьма замѣтные у пшицъ и *sabaii*.

С. *Кисть* верхней челюсти состоятъ изъ зубныхъ ячеекъ = плюсну и зубовъ = пальцамъ или ногшямъ.

Вообще замѣтимъ , что соспавныя часпи верхней и особенно нижней челюспм у звѣрей не рѣдко сливаюцца между собою, но у рыбъ и гадовъ онѣ почти всегда нахо- дяцца въ разрозненномъ соспояннн.

Такимъ образомъ Окень , имѣя пушевод- ную звѣздою законъ пужеспва , ошкрывъ шпанспвенный чершежь , по коему послѣдо- вало построене окончашельной часпи оспю- ва или головы. Бышь можешъ планъ , соз- данный Германскимъ Философомъ , во всей полношѣ своей сущеспвуетъ шолько въ умѣ , а не въ дѣйспвншельноспн; но по край- ней мѣрѣ онѣ сопрнкасаешся шой испнны , что часпи головы выражающъ собою *не одни позвонки* , не сущъ продолженне *одной центральной части остова* , кажь думали Бленвиль и Сентъ - Илеръ.

Дабы ошыскашь настоящнй смыслъ ка- кого-либо органа , надбно обрашншься къ первоначальной его простотѣ и къ разроз- ненному соспоянню въ живонныхъ ннспнхъ. Кому не покажешся страннымъ съ перваго взгляда сравненне челюспей съ конечностя- ми? Въ рыбахъ , гадахъ , пшнцахъ и звѣряхъ оно посшнгаешся однимъ шолько глубокимъ соображеннемъ , а въ ж. ж. , занимающнхъ по

своему развитію высшую степень, оно спавнвився очевиднымъ : въ шѣкъ классахъ живонныхъ , гдѣ двѣ пары конечностей , всегда находящаяся и двѣ пары челюстей ; гдѣ три пары ногъ , шавъ и три пары челюстей ; а у раковыхъ крабниковъ можно даже видѣшь явственнѣйшій переходъ конечностей или ногъ въ челюсти. Пищеприемные отростки сихъ живонныхъ весьма различны по своему образованію ; но вообще у нихъ , какъ у насѣкомыхъ , есть пара наружныхъ челюстей (*mandibulae*), первая пара внутреннихъ челюстей (*maxillae*), пошомъ вторая пара, сошвшвшвшвующая нижней губѣ насѣкомыхъ. Впрочемъ пищеприемныя ихъ орудія рѣдко ограничиваются сими частями ; къ нимъ присоединяется еще одна , двѣ и даже три пары отростковъ. Савини первый доказалъ самымъ очевиднымъ образомъ , что сіи прибавочныя части не другое что суть , какъ ноги , которыя , будучи загнуты къ головѣ , такъ сблизились съ частями рта , что вошли въ составъ его ; отшуда названіе *вспомогательныхъ*, или *ножныхъ челюстей* (*machoires auxiliaires, pieds - machoires, Sav.*). Ислѣдованія извѣстныхъ Эншомологовъ , Едварса и особенно Вик. Одуена , вполне подтвердили наблюденія Савини.

И такъ челюсти, составляющія большую часть лица, имѣютъ значеніе конечностей; и поному рама, назначаемая для частей головы Океномъ, не можетъ называться слишкомъ обширною; напротивъ рама Бленвиля и Сеншъ - Илера шьсна. Изъ сего открывается, что мы едва ли не должны основаніи на первой мысли Гёте, что одинъ шолько черепъ *включаетъ въ себя* *измѣнныя позвонки*, а кости лица имѣютъ другое значеніе. Какъ часто первый взглядъ гениальнаго чловѣка проникаетъ въ такія тайны бышя, копорыя, впоследствии шолько, послѣ многихъ заблужденій, становящя доступными для нашего разумнія!

У рыбъ и гадовъ черепные позвонки срастаются въ разрозненномъ состоянн въ продолженіе всей ихъ жизни; но у птицъ онъ очень рано сливается въ одинъ; усроеніе весьма замѣчательное само въ себѣ, и поному, что представляетъ совершенную аналогію съ противоположнымъ концомъ позвоночника: крестцовые и поясничные позвонки у нихъ также срастаются и образуютъ какъ бы одинъ большой позвонокъ, какъ бы *второй черепъ*.

У звѣрей и особенно у человека, въ слѣдствіе наибольшаго развитія общаго чувствительнаго лица, черепные позвонки увеличиваются, сплюсываются округлѣе, и чрезъ то самое перьяютъ сходство свое съ позвонками сплюснутыми. Большую или меньшую степень ихъ развитія обыкновенно опредѣляютъ *лицевымъ угломъ* (*angulus facialis*), который составляется линіями, проведенными отъ лба до верхней челюсти и отъ верхней челюсти до большаго затылочнаго отростка или до наружнаго слуховаго хода. Самый меньшій лицевой уголъ замѣчается у грызущихъ звѣрей (*rosoges*, Linn.), самый большій у оранговъ и человека: это двѣ крайности, между коими помѣщаются всѣ прочія. Въ человѣческомъ родѣ отъ 80° въ Кавказскомъ видѣ онъ нисходитъ до 70° въ видѣ Негрскомъ, потомъ отъ 65° въ орангахъ до 30° въ нисшихъ обезьянахъ. Отъ того обликъ (*facies*) звѣрей гораздо длиннѣе, нежели лице человека; какъ будто бы челюсти сихъ животныхъ, въ доказательство физической ихъ жизни, выдаются впередъ для снисканія пищи, по мѣрѣ того какъ мозгъ ихъ сокращается и подается назадъ. И точно, въ звѣряхъ, имѣющихъ большій лицевой уголъ, замѣчается болѣе понативосши, болѣе умственной жизни.

Споль рѣзкое различіе, замѣчаемое въ лицевомъ углѣ челоуѣка и живошныхъ, прежніе Нащуралисшы выводили изъ *междучелюстной кости* (*ossa intermaxillaria*) сихъ послѣднихъ. Но шеперь доказано существованіе ея и въ челюсти челоуѣка. Такимъ образомъ уничтожилось мнимое вещественное опшчіе, которое гордость челоуѣческая хотѣла при-своить себѣ въ добавокъ къ духовному превосходству (*).“

(*) См. Учен. Запис. М. Унив. 1833 Июль NO I. стр. 93.

С. Ф И З И О Л О Г И Я.

3. О ПИЩЕВАРЕНИИ.

Адъюнктъ-Профессора Козьмы Лебедева.

(Окончаніе.)

Къ механизму пищеваренія, кромѣ движеній желудка дѣятельныхъ, возбужденныхъ находящеюся въ немъ пищею, принадлежатъ также движенія онаго сшрадательныя, производимыя давленіемъ смежныхъ съ нимъ органовъ.

При таковыхъ движеніяхъ желудка сосуды слизисшой его шкани наполняются большимъ количесшвомъ крови, опъ чего шкань сія дѣлается красною, и увеличивается опдѣленіе изъ оной. Испину сего послѣдняго довольно ясно доказываютъ слѣдующіе опыты:

1. Собака на шоціи желудокъ проглатывала не жевавъ, пищу сухую и даже швердую, и въ шо же время ей не давали никакого пипья; спушя нѣсколько часовъ послѣ принашя пиши найдено было въ желудкѣ боль-

шое количество жидкости; жидкость сію за сию минуту принять не лзя, потому что она находилась и тогда, когда пищепріемный канал перевязывали пощасъ по проглотеніи пищи.

2. По открытіи у живой собаки желудка можно видѣть обильное отдѣленіе жидкости въ томъ самомъ мѣстѣ слизистой его стѣнки, съ копорымъ въ соприкосновеніе были приводимы какія-либо побуждающія вещества.

3. Губка, введенная въ желудокъ и на нѣсколько времени шамъ осшавленная, шамъ напшывается влагою, что можно чрезъ многократное введеніе собрать оною большое количество. *Лёре и Лассень, Гмелинъ и Тидеманъ* много разъ повпоряли сіи опышы.

По отдѣленіи жидкости, извѣстной подъ именемъ желудочнаго сока, въ такомъ количествѣ, чтобы вся пищевая масса была ею проникнуша, часть желудка исходная начинается сокращаться, прогоняетъ пищу въ часть селезеночную, потомъ расширяется и наконецъ послѣ повпорныхъ стѣновыхъ движеній пищевая масса превращается въ шамъ называемую пищевую кашицу (*chymus*). Движенія, сначала ограничивающіяся частью исходною, мало по малу распроспряются

по всему желудку, и шѣмъ бѣвають виднѣе, чѣмъ желудокъ полнѣе. Это подтвердилъ опытомъ Биша, кошорый давалъ собакамъ круглыя куски пици, въ средину коихъ были завернушы хрящи, и, разрѣзавши у живой собаки желудокъ, находилъ, что хрящи движеніемъ желудка изъ средины кусковъ высывались, если желудокъ былъ весьма наполненъ; при противномъ сослоянїи желудка замѣчено прошивное.

Какимъ образомъ совершается пищевареніе? Рѣшеніе сего вопроса встрѣчаетъ большія затрудненія. Изъ наблюденій, сдѣланныхъ въ Парижской больницѣ Charité, надъ женщиною, спрадавшею фиспулою желудка, замѣчено слѣдующее: пицца, поспупившая въ желудокъ, вначалѣ густѣеть, попомъ разжижается; спустя при или чешыре часа послѣ обзда газы поднимали накладку, кошорою покрывалось отверстіе фиспулы, и выходили вонъ вмѣстѣ съ *пищевою кашницею*, имѣвшею запахъ вина, ежели оно было употреблено.

Пицца, превратившаяся въ пищевую кашницу, перисталтическимъ движеніемъ желудка прогоняется въ двѣнадцати-перстную кишку, гдѣ соединяется съ желчью, соками поджелудочной желѣзы и кишечнымъ, прешерпываши

новья измѣненія , начинаешь разлагаться на двѣ части : пищевательный сокъ (chylus) и испраженія (feces). И такъ процессъ пищеваренія , начавшійся въ полости рта , оканчивается въ желудкѣ ; въ тонкихъ же кишкахъ начинается и оканчивается процессъ образованія пищевательнаго сока , поглощаемаго такъ называемыми млечными сосудами .

Въ чемъ же состоитъ сущность процесса пищеваренія ?

Для ршенія сего вопроса были предложены различныя мнѣнія .

Механисты , желая изяснить всѣ дѣйствія человеческого организма изъ законовъ механики , думали , что и пищевареніе не иное что есть , какъ расширеніе пищи , стѣнками желудка производимое .

Предположеніе сіе имѣетъ основаніемъ строеніе желудка хрящевато - мышечное въ кошорыхъ птицъ . Желудокъ сихъ животныхъ , какъ доказываютъ опыты Реомюра , Реди , Магазоппи и Спалланцани , превращается въ порошокъ мешаллическія шрубки , стекло , даже свинцовые шарики , иглами усаженные . Къ удобнѣйшему расширенію пищи животныя сіи всегда глотаютъ маленькіе камни .

Ложность сего предположенія , особенно въ отношеніи къ человѣческому желудку ; явствуетъ изъ слѣдующаго :

1. Строеніе человѣческаго желудка, какъ и многихъ животноныхъ , очевидно пиканевое ; мышечныя волокна человѣческаго желудка такъ шонки и нѣжны, что изъ ихъ сокращенія никакъ не лзя изъяснить расширенія пищи.

2. Пищевареніе состоитъ не въ одномъ простомъ раздробленіи и механическомъ смѣшеніи пищи съ желудочнымъ сокомъ , но въ наспоющемъ химическомъ соединеніи ; ибо процессомъ пищеваренія пища перемѣняется и относительно формы , и относительно сущности ; одно же простое расширеніе никогда не можетъ произвести такого измѣненія.

3. Хрящевато-мышечный желудокъ замѣняетъ только органы жеванія , которыхъ упомянутыя животноныя не имѣютъ ; слѣдовательно изъ строенія желудка даже у сихъ животноныхъ не лзя заключать, будто пищевареніе совершается однимъ расширеніемъ пищи.

4. Реомюръ и Спалданциани сами видѣли , что пищевареніе и въ то время совершается, когда пища не подлежала непосредственному

давленію стѣнокъ желудка, когда она была заключена въ швердыхъ шрубкахъ, шолько просверленныхъ для шого, чшобы проходилъ въ нихъ желудочный сокъ, и не смонря на неприкосновеніе пищи къ стѣнкамъ желудка, она превращалась въ пищевую кашицу, шочно пакъ, какъ бы была просто принята въ желудокъ.

Химиспы, напошивъ, думали, что пищевареніе естъ испинный химическій процессъ, имвющій сходство съ шѣми процессами, копорые происходятъ въ шѣлахъ, лишенныхъ жизни. Нѣкошорые процессъ пищеваренія уподобляли гніенію, другіе броженію, а иные простому расшворенію.

Разсмотримъ сіи мнѣнія порознь. Пищевареніе не естъ гніеніе, ибо:

1. Гніеніе шребуешъ больше времени, нежели пищевареніе, именно для гніенія по крайней мѣрѣ шребуешся 10 или 12, а для пищеваренія шолько чешыре или шесшь часовъ. Слвдующій опытъ ясно эшо доказываетъ. Въ желудокъ вороны Спаланцани вводилъ сосудъ, наполненный водою, въ кошорую былъ погруженъ кусокъ шеляпины; въ желудокъ же другой вороны былъ введенъ просто шаконъ же величины кусокъ шеляпины. Въ первомъ случаѣ мясо черезъ девашъ часовъ начало

гнишь; а въ послѣднемъ спуска шри часа оно сварилось.

2. Желудочный сокъ не только не помогаетъ, но еще препятствуетъ гніенію и предошвращаетъ оное. Изъ наблюдений извѣстно, что та часть животнога, другимъ животноымъ не совсѣмъ проглоченнаго, которая находится внѣ шѣла сего послѣдняго, первая загниваетъ; проглоченная же часть, и особенно въ желудкѣ находящаяся, не показываетъ никакихъ признаковъ гніенія. Сверхъ сего даже гнилое мясо въ желудкѣ, или внѣ онаго, но погруженное въ желудочный сокъ, теряетъ свой гнилой запахъ. Сію истину въкошорымъ образомъ также подтверждаютъ многія животныя, питающіяся гнилымъ мясомъ, которое весьма хорошо въ ихъ желудкѣ переваривается.

Пищевареніе не можетъ почесться за броженіе: ибо броженіе, такъ же какъ гніеніе, требуетъ бѣльшаго времени, нежели пищевареніе, припомъ во время броженія всегда образуется и отдѣляется какой-либо газъ; въ процессѣ же пищеваренія, если только оно будетъ въ нормальномъ состояніи, обыкновенно газы не развиваются.

Спалланцани думаетъ, что пищевареніе состоитъ въ прашомъ раствореніи пищи,

какого бы рода она ни была, посредством желудочного сока.

Но если бы желудочный сок имѣлъ качество растворять проглоченныя вещества, различныя относительно ихъ твердости или мягкости и самой ихъ сущности; то какъ можете прошивуствовать такому растворяющему качеству желудочного сока внутренняя ткань желудка?

И такъ, въ чемъ же состоить сущность пищеварительнаго процесса? Аделонъ, считая всѣ вышеупомянутыя предположенія неудовлетворительными, говоритъ, что пищевареніе должно приняты за особенное дѣйствіе, исключительно свойственное тѣламъ живымъ, которое онъ называетъ *органическимъ и жизненнымъ*

Но какая польза изъ сихъ названій? Развѣ онъ лучше упомянутыхъ предположеній объясняютъ сущность пищеваренія? Кажется, нѣтъ. Если всѣ соображенія показываютъ, что пищевареніе состоить въ разрѣшеніи, соединеніи и новомъ произведеніи; то почему не счесть оное за истинный химическій процессъ?

Могутъ возразить: истинный химическій процессъ обыкновенно состоить въ броженіи или кислотѣ, или спиртномъ, или гниломъ,

или сахарномъ и проч. Опъ чего же пищевареніе, если оно есть химическій процессъ, не походить ни на одинъ изъ сказанныхъ процессовъ, и почему до сего времени химическое искусство не можеть подражать оному, какъ оно легко подражаетъ и производитъ всѣ упомянутые процессы? По этому, кажется, пищевареніе и подлинно есть дѣйствіе *своего рода*, и названія: *органическое* и *жизненное*, весьма сему дѣйствію приличны.

Возраженіе видимо не имѣеть большой важности. Если есть разнокачественные химическіе процессы, имѣющіе особыя названія, то почему къ числу ихъ не прибавишь еще одинъ химическій процессъ — пищевареніе, и почему не назовишь оный также своимъ именемъ, какое найдеться приличнымъ. Не считаешь пищевареніе химическимъ процессомъ по тому, что химическое искусство досель не могло ничего подобнаго произвести или подражать ему, кажется, нѣтъ доспапочной причины. Искусствомъ процессъ пищеваренія и не можеть быть произведенъ, пошому что искусство не имѣеть и не можеть имѣть такого прибора, каковъ представляетъ желудокъ съ своими влагами, нервами и шакъ называемою нервною силою.

Теперь неминуемо еще всплывает вопрос: что такое нервная сила и какое влияние имѣеть она на процессъ пищеваренія?

Вопросъ сей составляетъ первую и важнѣйшую Физиологическую задачу, какъ по отношенію къ разсмащриваемому нами оппавленію, такъ и всѣмъ другимъ жизненнымъ дѣйствіямъ, для рѣшенія которой много сдѣлано опытовъ надъ живыми животными.

Я не осмѣливаюсь приступить къ столь трудному дѣлу — рѣшить сію задачу; и потому предложу въ короткихъ словахъ нѣкоторые опыты, изъ которыхъ можешь быть сошавишься хотя нѣсколько правдоподобное понятіе о нервной силѣ.

Броди разсѣкалъ нервы легочно - желудочные у многихъ собакъ какъ въ части шейной; такъ и грудной ниже легочныхъ ихъ вѣтвей, и вводилъ въ желудокъ сихъ животныхъ мышьякъ; но никогда не находилъ жидкостей, которыхъ въ подобныхъ случаяхъ, какъ показываютъ опыты Вильсона Филиппа, обыкновенно въ большомъ количествѣ оппдѣляются, хотя очевидные были признаки оппавленія.

Тѣ же замѣчены послѣдствія Вильсономъ Филиппомъ, когда онъ разрушалъ нѣкоторыя части спиннаго мозга.

Принявши въ уваженіе сім опыты, не лзя ошвергнути вліянія легочно-желудочнаго нерва и спиннаго мозга на процессъ пищева-
варенія.

Для изьясненія сущности нервной силы произведены также многоразличные опыты.

По разрывъ легочно - желудочнаго нерва, при вліяніи гальваническаго снаряда, пищева-
вареніе обыкновеннымъ образомъ происходитъ. Если уменьшишь на одну степень дѣйствіе гальванизма, пищева-
вареніе худо совершается; съ повышеніемъ же на прежнюю степень, оно дѣлается нормальнымъ. Таково сходство нерв-
ной силы съ гальванизмомъ.

Еще болѣе любопытны и болѣе важны опыты Вейнгольда.

По ошняхіи у кошки головы, съ чѣмъ вмѣстѣ пульсъ и мышечныя движенія совсѣмъ прекратились, Вейнгольдъ вынулъ изъ позво-
ночнаго столба мозгъ и наполнилъ сей каналъ амальгамою. Тотчасъ по наполненіи появился пульсъ, и мышечныя движенія до такой степе-
ни возстановились, что ихъ не лзя было опличить ошъ тѣхъ движеній, копорыя обык-
новенно обнаруживаются подъ вліяніемъ спин-
наго мозга.

Вейнгольдъ, вынувши прежде мозгъ и спинной мозгъ, наполнилъ амальгамою какъ

черень, такъ и спинный каналъ у кошки, кошора: уже никакихъ признаковъ жизни не показывала. Явленія жизненныя пошчасъ возврашились, такъ что живошное поднимало голову, ошкрывало глаза, нѣсколько времени внимашельно смотрѣло и дѣлало разныя движенія (*). Кровообращеніе и пульсъ были весьма быстры и продолжались чешыре часа послѣ вскрышїя груди и брюха кошки. Ощдѣленіе желудочнаго сока было гораздо обильнѣе нормальнаго; угасшая живошная теплота опять сдѣлалась нормальною.

Вейнгольдъ разсѣкалъ у кошки голенный нервъ и концы сего нерва, находящіеся другъ ошъ друга на линію, соединилъ мешалмическою дугою. Каждый конецъ разрѣзаннаго нерва предсшавилъ свѣпящую почку, но свѣшь изъ одного конца въ другой не перемѣщался. То же явленіе было замѣчено при шакомъ же ошпѣ надъ спиннымъ мозгомъ. Есшъ множешиво другихъ подобныхъ весьма любопытныхъ опы-

(*) Здѣсь нельзя умолчать о шрудѣ Докшора Медицины и Акушера И. А. Венецкаго, получившаго свое образование въ Московскомъ Университетѣ. Книга: *Новышїя Физиологическія изслѣдованїя*, имѣ издаанная, дѣйшшвишельно ешъ драгоценный подарокъ для Русской Медицинской Лишературы.

шювь , но здѣсь не мѣсто исчислять оныя. Любознапелный пусть заглянешь въ упомянутую книгу , издавную Г. Венецкимъ.

Изъ всѣхъ наблюдений и опытовъ не безъ основанія можно заключить , что *нервная жидкость* , *нервная сила* , *дѣйствіе нервовъ* , или какимъ бы именемъ она ни была названа, и жидкость электрическая или электричество есть одно и то же , или по крайней мѣрѣ , весьма другъ другу близки , подобны.

Изъ предложенныхъ разсуждений явствуетъ , что весь процессъ пищеваренія , начинающагося , какъ сказано , въ полости рта , и оканчивающагося въ желудкѣ , есть истинный химико-электрический процессъ , или наоборотъ , электро-химическій , которому , при употребленіи пищи плотной и твердой , предшествуетъ механическое оной раздробленіе , совершаемое разными , по различію организаціи животноныхъ , назначенными для сего орудіями.

II. СЛОВЕСНОСТЬ И ИСКУССТВА.

A. ИСТОРИЯ СЛОВЕСНОСТИ.

4. ОСНОВНЫЯ НАЧАЛА И НАПРАВЛЕНІЕ СРЕДНЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Лекція Профессора Давыдова.

Приспунаемъ къ разсмотрѣнію соспавныхъ началъ и направленія опечеспвенной Словесности въ другомъ возрастѣ—въ нашей юности.

Слишкомъ двѣсти лѣтъ Россія спенама въ неволѣ. Не смошря на это, сила народнаго духа не ослабѣла подѣ ударами рока. Россіяне, говоришь Исторіографъ нашъ, оплакивали униженіе свое; но вмѣстѣ съ шѣмъ, швердые въ исповѣданіи православной Вѣры, они упѣшали себя надеждою на лучшія времена. Въ половинѣ пашнадцатаго вѣка, Великому Князю Іоанну Васильевичу предоспавлена была Небомъ слава шверженія Монгольскаго ига и дарованія Россіи новой жизни. Сіе событіе современно

въ Исторіи нашей съ испребленіемъ бѣдшвенной системы Удѣловъ. Московское Книженіе сосредоточило въ себѣ многочисленныхъ попомковъ Рюриковыхъ.

Чтожь происходить въ *религіозной, нравственной и умственной жизни* предковъ нашихъ въ продолженіе бѣдшвеннаго періода Удѣловъ и съ ушверженія Единодержавія до Преобразшсела ошечсства нашего, Петра Великаго?

Греція до самаго ея паденія не пресшавала дѣйшвовашь на Россію со стороны умшвенной: она досшавляла ей рукописи. Во время господсства Ханскаго, положено основаніе Московской, нынѣ Патріаршей, библіотеки, богатой не шолько церковными рукописями, но и древнѣйшими швореніями Греческой Словесности. Тогда знаніе Греческаго языка сосшавляло ученость, необходимую для знаннѣйшаго Духовенства, кошорое находилось въ безпрешанныхъ сношеніяхъ съ Царемьградомъ. Таковая религіозная зависимость наша ошъ Греціи способшвовала успѣхамъ просвѣщенія. Любопытные міряне собирали свѣдѣнія въ монастыряхъ, гдѣ жила Исторія ошечсшвенная и гдѣ сохранялось ученіе нравшвенности вмѣстѣ съ проповѣдью Христіанства.

При всемъ эшомъ обращеніе съ Ташарами имѣло нѣкоторое вліяніе на характеръ народа присвоеніемъ восточныхъ обычаевъ. Въ самомъ языкѣ не можемъ не признашь *особенной стилики* отъ вошедшихъ въ употребленіе нѣсколькихъ Ташарскихъ словъ, равно какъ и словъ изъ другихъ восточныхъ языковъ—Арабскаго и Персидскаго. Большаго вліянія Ташары имѣшь не могли, не предспавляя въ жизни своей и въ своихъ нравахъ ничего привлекательнаго. Слова изъ домашняго быша и нѣкоторыя названія драгоценныхъ камней: вопшь, что оспалось у насъ отъ времени Монголовъ. Кпожь былъ нашимъ руководителемъ и въ годину испышаній, и въ періодъ новой жизни народной, по освобожденіи нашемъ отъ неволи? Провидѣніе посылало намъ Угодниковъ Божіихъ для спасенія нашего и счастья. Митрополиты *Петръ* и *Алексій*, желая оградить свяшую Церковь и Государство безопасностью, бывали въ Ордѣ, ходатайствовали о милости, какъ небесные ушъшители. Преподобный *Сергій* благословлялъ *Димитрія* на спасеніе отечества. Сіи-шо Свяшители Церкви поддерживали духъ народный, отспавляли Вѣру, укрѣпляли благочестіе въ сердцахъ Россіянъ. Въ числѣ сановниковъ духовныхъ и въ эшомъ періодѣ, кромѣ природныхъ Россіянъ, были чужеземцы,

Митрополиты . *Киприанъ* , родомъ Сербъ , *Фотій* — Грекъ , *Григорій* — Булгаръ . Вообще Церковь наша постоянно пребывала въ перво-бышномъ характерѣ , смягчала нравы , умѣряла страсти , проповѣдывала Христіанскія и государственныя добродѣтели .

Послѣ паденія Восточной Римской Имперіи мы болѣе знакомимся съ западными Европейцами . Уже открывается новый міръ , изобрѣщается книгопечатаніе , благодѣтельное орудіе распространенія наукъ , повсюду въ Европѣ разливается просвѣщеніе , подъемлеть главу реформація . Въ пятнадцатомъ и шестнадцатомъ столѣтіяхъ міръ идей и міръ словъ преобразился : среди волненій умственной дѣятельности , въ Италіи , Франціи и Англии , родилась новая Словесность . Во все это время мы осмѣаемся одни , какъ бы не въря счастью освобожденія своего отъ Монголовъ . Само Провидѣніе , пославъ на Россію временное испытаніе , гошовило ей лучшей жребій — господство надъ народами . Съ пробужденіемъ любви къ отечеству возбудилась самобытность въ Князяхъ и народѣ : прежнее стремленіе жить отдѣльными владѣніями приняло обратное направленіе къ сосредоточенію всѣхъ силъ въ Единодержавіи . Велико-Княжескій Престолъ , перенесенный во Владиміръ , оспори-

наемъ былъ по Тверью, по Рязанью, пока не утвердился въ Москвѣ. Когда Рязанецъ ненавидѣлъ Владимірца, Тверишянина Москвитянина; когда еще не было гражданскаго единства, и только Религія служила единеніемъ разрозненному Удѣлами народу: тогда и языкъ измѣнялся по разнымъ обласіямъ Россіи, не могъ получитьъ полнаго развитія, какое началось съ того времени, какъ Москва стала для всѣхъ общею опчиною. Съ Единодержавіемъ какъ бы воскресаетъ жизнь Русскаго народа; вмѣстѣ съ симъ всѣ сличія языка Славяно-Русскаго: сѣверная, южная и восточная, сливаются и образуютъ языкъ *Великороссійскій*. Сей народный языкъ примѣрно началъ отдѣляться отъ книжнаго, особенно отъ перевода книгъ Священнаго Писанія, въ отношеніи лексикографическомъ и грамматическомъ. Въ этомъ преобразованіи языка совершился переходъ древняго языка нашего въ средній.

Уже нѣкошорыя изъ Славянскихъ племенъ, именно Богемцы и Поляки, имѣли Университеты, распространявшіе благодатное ученіе и совершенствовавшіе отечественный языкъ. Богемцы на природномъ языкѣ читали альпописи и другія книги, въ стихахъ и въ

прозѣ, имѣли Лапино - Богемскіе словари, переводы Историческаго содержанія, юридическаго и богословскаго; у нихъ была полная Библия. Въ первой половинѣ шестнадцатаго столѣтія составлена первая Богемская Грамматика. Ученые единодушно старались обрабатывать опечетшвенное слово. Опъ того языкъ Богемскій въ семь столѣтіи достигъ высокой степени образованности. Съ шестнадцатымъ столѣтіемъ настала золотой вѣкъ и Польской Словесности. Переводъ Священнаго Писанія во всѣхъ Христіанскихъ земляхъ имѣлъ благотворное вліяніе на развитіе умственной дѣятельности и на образованіе языка. У Поляковъ въ семь періодъ печатаны были полныя Библии разныхъ переводовъ. У нихъ въ эпоху же время распространился вкусъ къ древней классической Словесности, и языкъ Польскій такъ же достигъ высокаго совершенства. Многіе ученые мужи занимались изслѣдованіемъ постоянныхъ правилъ роднаго своего языка. Лучи юго-западнаго просвѣщенія въ пятнадцатомъ и шестнадцатомъ вѣкахъ мало по малу проникали и въ нашу Сѣверь. Многіе Греки, прибывшіе въ Москву съ Царевною Софією, обогатили книгохранилища наши драго-

цѣнными рукописями. Призывались иностран-
ные зодчіе, живописцы и другіе художники.
Государственное благоустройство ушверж-
далось соспавленіемъ гражданскихъ законовъ;
по городамъ учреждались училища. Въ поло-
винѣ шестнадцатаго столѣтія заведена въ
Москвѣ типографія, въ которой прежде всѣхъ
книгъ напечатанъ былъ *Апостолъ*. Становилось
примѣрно и у насъ распространеніе просвѣще-
нія; печатаніемъ книгъ Священнаго Писанія
ушвердился нашъ общественный языкъ, иска-
женію котораго угрожали частыя сношенія
съ Польшею, владычество Поляковъ въ юго-
западной Россіи, спараніе Кашоликовъ обра-
тивши Россіянъ къ Уніи, и привлекательная
сила чужеземнаго просвѣщенія. Вліяніе Поль-
скаго языка на Русскій продолжалось до сем-
надцатаго столѣтія. Писатели, родившіеся и
образовавшіеся въ Малороссіи, Липовѣ и Под-
ольцѣ, упошребляли въ сочиненіяхъ своихъ
языкъ шакъ называемый *Бѣлорусскій*, коимъ
и нынѣ говоритъ народъ въ Липовѣ и на
Волыни. Духовные писали на языкъ перевода
нашей Библии. Государственные же акты,
законы, производство судебное — все эпо-
писано было на шомъ языкъ народномъ, соб-
ственно Великороссійскомъ, который обра-
зовался въ Москвѣ вмѣстѣ съ Единодержавіемъ

Московского Великокняженія. Первые опыты Славяно - Русской Грамматики по образцамъ Греческимъ и Латинскимъ составлены Польскими учеными: Лавреншиемъ Зизаніемъ, Мелешіемъ Смотрицкимъ, и напечатаны въ земляхъ, соспоявшихъ подъ владычествомъ Польши. Къ сему же періоду отнести можно и первый Словарь Славяно-Русскій Памвы Беринды, а равно переводъ Библии на тогдашнее Бѣлорусское нарѣчіе Франциска Скорины. — Здѣсь являешся въ языкъ нашъ новая спихія, въ отношеніи лексикографическомъ, Польская, а въ отношеніи грамматическомъ, Латинская.

Въ настоящемъ случаѣ я почишаю излишнимъ распространяться о Силлабическомъ размѣрѣ, котораго введеніе въ наше словоупотребленіе принадлежишь къ сему же періоду. Это одно изъ доказательствъ; сколь сильное тогда имѣла вліяніе на насъ Польша. Оспашеся познакомишься съ Зизаніемъ и Смотрицкимъ. Зизаній пользовался Греческими образцами, хощьль пишеть по-Славянски, но непрерывно обшварялся на Польское нарѣчіе. Онъ придаетъ Русскому языку членъ, подъ именемъ *различія*, не упоминаешъ о междометіи и предложномъ падежѣ; попому что ни междометій, ни предложнаго падежа нѣтъ въ Греческой

Грамматикъ. Склоненій у него десять; спряженій два: къ первому относятъ глаголы на *аю, ѳю, лю*; ко второму — на *у, ю, ѳю*. Это первое раздѣленіе нашихъ спряженій, если не совершенное, по крайней мѣрѣ лучшее многихъ послѣдовавшихъ. Грамматика *Смотрицкаго* полнѣе и подробнѣе *Зизаніевой*, но также основывается на правилахъ *Греческой*, а писана языкомъ, смѣшаннымъ изъ *Церковнаго, Русскаго и Польскаго*. Въ ней является предложный падежь подъ именемъ *сказательнаго*, глаголы раздѣляются на *существительные и прилагательные, самостоятельные и переходительные*; показано начертаніе глагола простое и сложное, исчислены виды его; преподаны правила глаголовъ сугубыхъ, выпущенныя изъ виду *Ломоносовымъ*.

Вопъ образчикъ нарѣчія, которыми писали *Зизаній, Смотрицкій и Скорина*.

„О духовномъ зась хлѣбъ мысляши, ш. е. о словѣ Божіемъ, просимо абы намъ далъ хлѣбъ нашъ, ш. е. нашей науки христіанской слушаши, а не ерешическихъ вымысловъ, анѣ поганскихъ наукъ. Кдыжъ и они кормяшся, але не своимъ хлѣбомъ, анѣ словомъ Божіимъ, але прелесью сашанскою. . . .“

Изъ сего очевидно, что сохраненіемъ роднаго языка нашего и въ этомъ періодѣ обя-

заны мы Духовенству, поспоянно прилагавшему стараніе о сбереженіи книгъ Священнаго Писанія во всей исправности и чиспотѣ опть нововведеній чуждаго языка. Митрополитъ Московскій *Макарій* заставлялъ переводитъ многія книги на Славянскій языкъ, самъ трудился надъ сочиненіемъ житій Святыхъ, называемыхъ великими Честіями Минейми. — *Максимъ* Грекъ занимался исправленіемъ ошибокъ въ переводахъ и спискахъ книгъ Священныхъ. Ошдичное мѣсто въ Испоріи письменности нашей занимаетъ *Князь Константинъ Острожскій*, одинъ изъ потомковъ Владиміровыхъ, который, не смотря на всѣ усилія и гоненія со стороны Папистовъ и Уніашовъ, явно печаталъ въ Острогѣ церковныя Славянскія книги для Россіянъ.

Таково состояніе *религіозной, нравственной и умственной жизни* нашей до семнадцатаго вѣка. Согласно съ народною жизнію внѣшнею измѣнялась и внутренняя. Съ раздробленія опечесства нашего на Удѣлы до благополучныхъ дней Единодержавія, время сохранило намъ немногіе письменные памятники. *Кирилль*, Митрополитъ Кіевскій, по взятіи и раззореніи Кіева Башыемъ, созывалъ во Владимірѣ на Клязьмѣ Соборъ, на которомъ поспановлены *Правила о Церковныхъ дѣлахъ* и

исправленіи Духовенства. Въ Спешенной книгѣ помѣщены сочиненія Кипріяна, Митрополита Кіевскаго, *Житіе Св. Петра Митрополита* и *Слово прощальное.* Сей ученый и благочестивый мужъ былъ первымъ возстановителемъ упавшаго въ Россіянахъ духа къ просвѣщенію. Къ этому же времени принадлежишь *Повѣсть о нашествіи Мамаю*, написанная Софроніемъ, Іереемъ Рязанскимъ, и *Слово Великому Князю Дмитрію Іоанновичу*, по языку швореніе другаго сочинителя, кошораго имя оспалось въ неизвѣстности.— Сверхъ церковныхъ наставленій и изреченій Св. Писанія, вѣзывавшихся въ памяти людей, Россія имѣла цѣлую систему нравоченія въ народныхъ пословицахъ. Опыты, наблюденія, доспомятныя мысли въ вѣкъ малограмапный сообщались изустно; все, хорошо придуманное, сильно сказанное, передавалось изъ рода въ родъ.

Сюда относяся многія народныя пѣсни. «Воображеніе,» говоритъ Карамзинъ, «унывая подъ игомъ невѣрныхъ, любило ободряшься воспоминаніемъ прошедшей славы опечесства.» Глубокое чувство и вздохъ, вырывавшіеся изъ груди Русскаго на берегахъ Волги или Днѣпра, пережили различныя превращенности государственныя. Пѣсни наши служашь

звеномъ для Европейскихъ Лирическихъ пѣснопѣній съ Поэзіею Воспочною, равно какъ въ Германіи и Франціи Эпопея Аршура и поэмы Карловингскія связываютъ Западную Европейскую Поэзію съ Арабскою и Персидскою. — Русскія народныя пѣсни, какъ древнія Лирическія наши стихопворенія, въ духъ своемъ сходны съ Лирическими пѣснопѣніями Богемскими, копорыя, замѣчаетъ Кине, не слишь живы какъ Шопландскія баллады, не скачутъ, подобно имъ, каскадами по горамаъ, съ утеса на утесъ, не дышатъ нѣжноспью подобно Импаліанскимъ. Можно найши въ нихъ нѣкопорое сходство также съ Нѣмецкими народными пѣснями, сладостными, тихими, копорыя пѣвались въ замкахъ Бароновъ или о Свяшкахъ вокругъ домашняго очага. Спокойствие шѣхъ и другихъ есть спокойствие нашихъ дремучихъ лѣсовъ, смѣшенное съ пайнымъ ужасомъ. Въ нихъ помноспъ выказывается разлукою пресшарѣлыхъ родителей съ сыномъ, послѣднею надеждою своею, копорый идешь положишь главу свою за Вѣру и Царя; иногда красная дѣвица заливается слезами о возлюбленномъ; иногда изображается поле, заросшее горькою полыню послѣ вражескихъ набѣговъ, падающій шуманъ, злодѣйка шоска, шумящая дубрава, спонъ заунывной

кукушки, мѣсяць, выглядывающій изъ-за облакъ. Обыкновенно въ пѣсняхъ нашихъ каждое чувство представляется или въ особой картинѣ, или въ особомъ дѣйствіи. Это собственно одна пѣснь, передаваемая изъ поколѣнія въ поколѣніе, въ кругу одного и того же племени. Типина, скромность, уваженіе къ старшимъ, строгость нравовъ, добродѣтели древней святой Руси: вошь опличительныя свойства пѣсень нашихъ голосовыхъ, застольныхъ и хороводныхъ. Пѣсни, передаваемые изъ устъ въ уста, обыкновенно въ языкѣ измѣняющія вмѣстѣ съ теченіемъ времени; отъ того до насъ дошли только отголоски чувства, давно умолкшаго.

О временахъ бѣдствій въ періодъ Монгольскій мы не имѣемъ никакихъ Эпическихъ повѣствованій, между тѣмъ какъ опрыжки Богемской Эпопеи сохранились въ воспоминаніяхъ о нашествіи Монголовъ подъ предводительствомъ сыновей Чингисъ-Хана. Точно такъ же Германская Эпопея живетъ въ воспоминаніяхъ объ Ашиллѣ и его поварищахъ. Эпоха Богемской Эпопеи есть вторженіе Батыя за Волгу съ пятьюстами тысячами Монголовъ. Къ сему роду повѣствованій можемъ отнести *Софро-*

нѣсу повѣсть о Мамаѣ. Прочтемъ нѣсколько спрокъ изъ оной, чшобъ познакомимся съ языкомъ нашимъ *среднимъ*. Тогда уже полугласныя начинали замѣняться гласными: *о* и *е*, усѣченныя прилагательныя — полными; вошло въ употребленіе дѣепричастіе, составившееся изъ причастія; между неопредѣленнымъ наклоненіемъ достигательнымъ и совершительнымъ не было никакого различія. Большею частію еще удерживались формы перевода Библии. Впрочемъ языкъ сей повѣсти носитъ оппечашокъ своего времени — не похожъ на языкъ Слова объ Игоровомъ походѣ, эпои спранной смѣси разныхъ нарѣчій.

„Рече же Князь Владиміръ: Господине Княже! воеводы у насъ вельми крѣпцы, а Русскія удалцы свѣдомы, имѣють подъ собою борзые кони, а доспѣхи вельми шверды, злаченые колоншари (лапы), . . . а щипы червленые, и копыя злаченые, сабли булашныя; а дорога имъ вельми свѣдома, а береги имъ по Оцѣ изгошовлены.“

Плачь Евдокіи облгчаешъ сочиншела —
Иерея :

„Господи Боже великій! призри на мя смиренную: сподоби мя еще видѣши славнаго въ человекѣхъ, В. К. Димитрія; даждь ему помощь на прошивныя ошъ крѣпкія руки швоея, да побѣдишь. . . Азь же имѣю два ошрасли, но еще малы сушь: егда по-

вѣшь ихъ вѣспрь съ юга или съ запада, не могушь шергѣши. . . .“

Вошь изображеніе Димитрія Донскаго изъ Похвальцаго слова, въ кошоромъ веспрьчаемъ другія формы языка:

„Богомъ дарованную пріимъ власшь, и съ Богомъ веліе царство съшвори — и вскипе земля Русская въ дне Княженія его. Князи Рускыя въ обласпи своей крѣпляше, но шихъ въ нарядѣ и Вельможамъ увѣшливъ бываше. Высокій умъ, смиренный смыслъ. . . . Красенъ бѣ взоромъ и чисшгъ душею, вмаѣ глаголаше, а много разумѣваше; предсѣданіемъ словесъ училель препираше, Философъ уша смолпрѣніемъ заграждаше. Яко ошець міру, око слѣпымъ, нога хромымъ, шруба спящымъ. Егда же успе вѣчнымъ сномъ великій Царь Димитрій Рускыя земли, аэръ возмушися, земля шрясашеся и человеци смяшошася. День шой день скорби и шуги, день шьмы и мрака, день захлипанія и кричанія; но шокмо слышахъ народъ глаголющъ: о горе намъ, брашье! Князь Княземъ успе; звѣзда, сіяюща всему міру, къ западу грядешъ. . . .“

Такимъ образомъ въ первой половинѣ сего періода продолжается направленіе внутренней жизни духовное; оно во вшорой половинѣ измѣняешся въ законодательное: *Стоглавъ, Судебникъ, Уложеніе, Государственные акты*, спановяшся предспавишелями письменности. Совершенно иное зрѣлище являешъ Россія, осво-

божденная опъ ига Монголовъ. Иоаннь III пославляешъ Россію на спенень Государствъ Европейскихъ, расширяешъ предѣлы, ограждаешъ безопасностью. Иоаннь Грозный завоевываешъ при Царствва: Казанское, Астраханское и Сибирское, даешъ законы гражданскіе. Въ царствованіе Феодора Иоанновича Россія быспро шла по пупи, проложенному славными ея Самодержцами. Просвѣщеніе народа ешъ неизмѣнный сопушникъ величія и благоденствія Государствъ. Мы уже выше сказали, что съ утверждениемъ Единодержавія ушановился языкъ *Великороссійскій*. Съ водвореніемъ нѣкопорыхъ знаній и помощію обученія опроковъ, и посредствомъ сношеній съ Западною Европою, возродилось народное *самогуствие*, въ слѣдующемъ періодѣ разившееся въ *самопознаніе*. Кромѣ Мишроподиша *Макарія и Максима Грека*, способствовавшихъ распроспраненію книгъ Церковныхъ и Богословскихъ, замѣчашелень Кн. *Курбскій*, попомокъ Князей Ярославскихъ и ближній сродникъ Царя Иоанна Васильевича, прославившійся при взятіи Казани и въ походѣ прошивъ Лифляндскихъ рыцарей. Подпавъ гнѣву Царскому, онъ ушелъ подъ покровительствво Польскаго и Липовскаго Короля Сигизмунда Августа.

Въ *Исторіи* своей Курбскій описываетъ рожденіе и воспитаніе Государя, походы на Казань, на Крымцевъ, Черемисовъ и Лифляндцевъ; большею частію изображаетъ сурогость Царя и казни Боярь. Сверхъ того замѣчательны *посланія* его къ Іоанну, и отвѣсы Царя. Изъ *Исторіи* и посланій видно, что Курбскій написанъ былъ чпениемъ Священнаго Писанія и бесѣдъ Злапоуста. Читая сочиненіе его, удивляешься и силѣ ума, и умѣнью живописашъ, и знаніямъ. Чего потребуемъ мы отъ дѣписателя? Мы хотимъ, чшобъ предъ нами дѣйствовали лица, живые характеры, настоящіе люди; чшобъ глубина души человѣческой, тайныя побудительныя причины дѣйствій, сокровенныя мысли явились во всей ясности предъ нашими глазами; мы хотимъ, чшобъ предъ нами обнажены были малѣйшіе ошпѣнки характеровъ, во всѣхъ ихъ видахъ, во всѣхъ положеніяхъ. Симъ требованіямъ удовлетворяешь Тацашъ: его историческія лица живутъ, говорятъ, дѣйствуютъ, каждое по-своему; кажется, мы живемъ въ одно съ ними время. Въ Курбскомъ мы имѣемъ своего Тацаша. Сказанія его представляющъ намъ блескъ и славу героевъ—завоевателей Казани, Аспрахани, Ливоніи, грозныхъ испишелей за опечество;

онъ живо изображаетъ рашное поле, движенія войскъ, кровопролитную сѣчу; глубокомысленно выразилъ двухъ различныхъ Иоанновъ въ одномъ лицѣ: Иоанна, дѣйствовавшего по совѣту доблестныхъ Бояръ, и Иоанна, поступающаго по рѣчамъ злыхъ наперсниковъ. О воспитаніи Курбскаго ничего не извѣстно; изъ сказаній же его можно замѣтить, что онъ образовался подъ руководствомъ *Латинскаго ученія*. Въ эпосѣ убѣждаютъ обороты рѣчи, построенные по словопеченію *Латинскому*. Основаніемъ на изображеніи одного момента изъ жизни Филиппа Митрополища, которое можетъ служить дополненіемъ къ превосходному жизнеописанію сего же Священнаго въ Исторіи Карамзина.

„Повелѣваетъ *Царь Митрополита* по рукамъ, и ногамъ, и по чресламъ, прешагчайшими веригами оковать, и вверещи въ узкую и мрачную пещницу мужа смущеннаго, преслѣдуемаго, въ трудѣхъ многихъ удрученнаго и немощнаго уже плѣла суща, и пещницу оную повелѣлъ швердыми заклѣпы и замки заключиши, и согласниковъ своихъ въ злоспѣи къ пещницѣ спражей приставилъ (et consocios suos in furore carceri custodes adposuit). Потомъ, аки день или два спустя, совѣтниковъ своихъ нѣкихъ посылаетъ къ пещницѣ видѣши, аще уже умеръ. И глаголющъ ихъ нѣщии вшедшихъ въ пещницу (dicunt quidem nonnulli, eos in carcerem introuisse), аки бы обрѣли Епископа ошъ

нѣхъ шажкихъ оковъ избавленна (Episcorum a gravibus catenis liberum), на псалмопѣніяхъ Божешвенныхъ воздѣвша руки спояща, а оковы всѣ кромѣ лежаша. Видѣвше же сіе посланные синклипове плачуще, рыдающе и припадающе х' кольномъ его; возвратившижесь скоро къ жестокой и непокоривой оной прегордой власпи, паче же ко прелюпому и ненасытивому кроводцу оному звѣрю, вся по ряду ему возвѣщала. Егожь абіе возопивша, глаголюшъ (eum autem exclamasse ferunt): чары, рече, чары онъ сошворилъ! неприятель мой и измѣнникъ! шѣхъ же совѣшниковъ видѣвше умилившись о семъ, начашъ имъ прешипи и грозипи различными муками и смершми.“

Въ лѣтописи по Никонову списку включена жизнь Царя Θεодора Іоанновича, описанная *Іовомъ*, первымъ Папріархомъ Россійскимъ. Весьма важное открытіе сдѣлано находкою рѣчи, произнесенной при Коронаваніи Царя Василя Іоанновича, или Новгородскимъ Мишпрополипомъ Сидоромъ, или Казанскимъ *Гермогеномъ*. Сей драгоценный памятникъ письменности нашей въ началѣ семнадцатаго вѣка, говоритъ краснорѣчивый, ученый Издашель, изумляетъ насъ силою и приспойностью мыслей, благородствомъ духа, равно чиспошою, правильностью и красошою языка. И когдажь Русскій вишія привѣпствовалъ Русскаго Царя? Когда во Франціи духовное Краснорѣчіе облекалось въ формы

варварскія, схоластическія; когда въ Германіи, кромѣ Люшера, не было другихъ Орашоровъ; когда въ Англии одинъ Шекспиръ сіялъ на горизонтѣ. Сія-то гибкая, правильная, ясная, испинно - Русская рѣчь послѣ облечена была въ однообразную надупоспъ Римской плоти грамотѣями нашими, кошорые смѣшивали Великороссійскій языкъ съ Малороссійскимъ, съ полонизмами и латинизмами. Мысль и чувства, одушевлявшія каждого Россіянина въ злополучную годину опеченныхъ испытаній, развишы въ сей рѣчи послѣдовательно, спройно и сильно. Эшо слово могло родиться въ душѣ виши именно для привѣщивованія Царя Василія Іоанновича. Въ началѣ представляется рядъ Россійскихъ порфирородныхъ Вънценосцевъ отъ Свяшаго Владиміра до Θεодора Іоанновича, послѣ коего, по бездѣшпву, Божіимъ изволеніемъ, восшелъ на престоль Борисъ Годуновъ, избранный изъ Царскаго синклипа. За симъ, продолжаетъ Орашоръ, попустилъ Всевышній, во временное испытаніе, поставитъ Царемъ Димитрія Самозванца. Не долго спрадала Россія, омраченная и оцпенѣвшая подъ скипетромъ мшища и карашеля народныхъ междуособій. Во исцѣленіе язвъ, нанесенныхъ ужасными кровопролитіями Россіи, наконецъ сподобилъ Богъ вн-

чашь на царство Богоизбраннаго Государя. Во второй половинѣ рѣчи разительнo показано, что Василию Иоанновичу предстоить внутри ошечества водвореніе правды, извнѣ — огражденіе ошъ враговъ, и соблюденіе во всей непорочности и истинѣ Христіанской Вѣры. Вотъ самое простое и естественное развишіе мысли и чувства при священномъ помазаніи на царство Государя Всероссійскаго въ 1606 году. При всей краскости слова, мы видимъ изображеніе несчастной години, понимаемъ чувства предковъ нашихъ, уславшихъ ошъ внутреннихъ междоусобій и внешнихъ войнъ. Объшы всѣхъ и каждого, равно и характеръ Василія, выразились въ желаніи вишіи: *да въ тихости Твоей тихо и безмолвно житіе проживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ.* Языкъ и спроеніе рѣчи въ семь словъ предшавляютъ намъ шогдашнее состояніе ошечественной Словесности. Въ немъ мы находимъ чистое Великороссійское нарѣчіе, шо самое, на кошоромъ писаны грамматы сего времени. Вспрѣчающіяся нѣкошорыя формы Славяно - Русскія: эшо шипъ духовнаго вишіи. Подлинность рѣчи подтверждается и шѣмъ, что она даже въ филологическомъ ошношеніи служишь памяшникомъ своего вѣка. Такъ подобное всту-

пление рѣчи находимъ въ завѣщаніи Царя Іоанна Васильевича. Одинакія выраженія попадаются въ описаніи вѣнчанія Феодора Іоанновича, каковы: *оставь земное Царство, отъиде въ небесное блаженство, или ко Господу отъиде; по древнему нашему Царскому обычаю. Есть реченія, доселѣ повсюрюемыя и заимствованныя изъ Греческаго языка: волею и хотѣніемъ, воулычаніи каі Зѣлуемъ; Апостольскія церкви въ повелѣніихъ; сынъ святыя Церкви и нашего смиренія. Слова: предыдущій, опасный, нищій, употреблены въ значеніи древнемъ, вмѣсто: грядущій, тщательный, смиренный. Во всей рѣчѣ встрѣчаются полько два чуждыя языку нашему поспроенія: языки иже бранемъ хощащая; да вселишь Господь еже милосердивное и милосердое.*

Прочтемъ заключеніе сего драгоценнаго слова.

„Опшныѣ, о Святемъ Дусѣ Государь и возлюбленный сынъ Святыя, Великія, Апостольскія Церкви и нашего смиренія, Богомъ возлюбленный, и Богомъ избранный, и Богомъ почтенный и нареченный, посланнелый оиъ вышнѣго неизреченнаго Промысла Божія, по даннѣи намъ благодати оиъ Святаго и Живошворящаго Духа — се нынѣ оиъ Бога посланнелышия, и помазуешися, и на-

Уч. Зал. Часть III.

7

рицаешися Богомъ вѣнчанный Царь и Великій Князь Василій Ивановичъ, всеа Русіи Самодержецъ! Да умножишь Господь Богъ лѣшь Царьству Твоему, и положишь на главѣ Твоей Царскій вѣнецъ оупъ камени чеспнаго, и даруешь Тебѣ долгошу дни и въ вѣкъ вѣка, и въ десницѣ Твоей дасшь скифешрѣ царшвія, и посаждаешь Тебе на пресшолѣ правды, и ограждаешь Тя нынѣ и въ предъидущая лѣша живоша швоего всеоружешивомъ Святаго Духа, и укрѣпишь мышцу Твою на вси видимыя и невидимыя враги и покоришь Тебѣ вся варварскія языки иже бранемъ хошящая и да вселишь Господь въ сердца Твоемъ божешвенный спрахъ Свой и еже къ послушнымъ милосшивное, и къ повинующимся милосердое, и соблюдешь же Тя Господь въ непорочайшй испишнвй Хрисианской Вѣрѣ, и покажешь Тя опасна хранишела свяшныя Своея Соборныя Апосшольскія Церкви въ повелѣніихъ. Да судиши люди Твоя правдою и нищихъ Твоихъ судомъ Божиимъ. Да возсіаешь во днешъ Твоихъ правда и множештво мира; да въ шихосши Твоей шихо и безмолвно живіе поживемъ во всякомъ благочесшій и чисшолѣ, да здѣ добрѣ и благоугодне поживеши и наслѣдникъ будеши небешнаго царшвія со всіми свяшными православными Цари, нынѣ и въ безкочечныя вѣки.“

Великороссійскимъ языкомъ писалъ шакже знаменитый сподвижникъ Минина и Пожарскаго, *Авраамій Палицынъ*. Въ Сказаніи объ осадѣ Троицкаго Сергіева монастыря изобразилъ онъ бѣдешвенное, а вмѣ-

спѣ и славное для Россіи время. Къ сему же періоду принадлежишь Папріархъ *Никонъ*. Кромѣ проповѣди Слова Божія и поученій, на которыя спекались слушащел изъ дальнихъ спранъ и внимали ему со слезами благочестиваго умиленія, важнѣйшій изъ ученыхъ подвиговъ его естъ сводѣ Русскихъ лѣпописей, Спененныхъ книгъ и Греческихъ Хронографовъ. Онъ предпринималъ поправитъ церковныя книги и согласовашъ оныя съ Греческими, для чего созывалъ Соборы; приобрѣлъ большое собраніе Греческихъ рукописей; старался о переводѣ книгъ съ иноспранныхъ языковъ на Русскій. За мѣчашельны въ семь періодѣ труды ученаго брашства, занимавшагося переводомъ полезныхъ духовныхъ книгъ. Главный споспѣшествовашель онаго былъ Геромонахъ *Елифаній* Славинецкій. Симъ брашствомъ переведены: Житіе Св. Іоанна Злапоуста, нѣсколькo бесѣды его о священствѣ, Слова Св. Григорія Назіанзина, Бесѣды Св. Василя Великаго, Слова Св. Анаспасія Александрійскаго, Небеса, или изложеніе православной Вѣры Іоанна Дамаскина.

Послѣ Никона до половины осмнадцатаго сподѣшя духовные сановники большею

частію были ученые, образовавшіеся въ Киевской Академіи, гдѣ всѣ знанія преподавались на Лапинскомъ и Польскомъ языкахъ: отъ того Великороссійскій языкъ искаженъ въ это время Лапинскими и Польскими выраженіями. *Петръ Могила*, Митрополитъ Киевскій, незабвенный преобразованиемъ и усовершенствованіемъ Киевской Академіи, искорененіемъ ложныхъ мнѣній, вкравшихся въ Малороссійскую Церковь съ Запада, стараніемъ снабдити Духовенство Богослужебными книгами, самъ написалъ краской Кашихизисъ на Бѣлорусскомъ и Польскомъ языкахъ, сочинялъ стихи Силлабическимъ, или Польскимъ размѣромъ. *Лазарь Барановичъ*, Архіепископъ Черниговскій и Новгородскій, приносилъ проповѣди на Бѣлорусскомъ, а полемическія сочиненія писалъ на Польскомъ языкѣ. Тотъ же языкъ встрѣчаемъ и въ *Симеонѣ Полоцкомъ*, кошорый первый началъ въ Московскихъ церквахъ произносить проповѣди, по примѣру Малороссійскихъ и Польскихъ священниковъ, вмѣсто чтенія поученій изъ Святыхъ Оццъ, и сочинялъ Славянорусскія Драмы. Къ сему же вѣку, ознаменованному Папріаршествомъ, принадлежитъ *Св. Димитрій*, Митрополитъ Ростовскій, украшавшійся необыкновенными познаніями и всѣми Христіански-

ми добродѣтелями. Сочиненія его писаны языкомъ богослужебнымъ, сливавшимся съ народнымъ; онѣ ясны, правильны, сладоспсны. Важнѣйшее твореніе сего Паспыря Церкви, сокровищницу благочестія и языка, составляютъ его *Четьи Миней*. Еще при Пешрѣ Могилѣ читаемы были Римскія легенды на Польскомъ языкѣ. Онѣ вмѣстѣ съ Архимандритомъ *Иннокентіемъ Гизелемъ* предполагалъ издашь душеспасительныя чтенія на языкѣ Славянорусскомъ. Но сіе великое предпріятіе совершилъ Св. Димитрій, прудившійся надъ онымъ двадцать лѣтъ, руководствуясь Житіями *Метафраста* и *Макарія*. Ни *Стефанъ Яворскій*, написавшій *Камень Вѣры*, ни *Гавріилъ Бужинскій*, знаменитый духовный випія, ни *Феофанъ Прокоповичъ*, Россійскій Злапоуспѣ, не представляютъ въ твореніяхъ своихъ превосходнаго языка Св. Димитрія; сей языкъ спустиа полѣтка какъ бы вновь образованъ Ломоносовымъ. Послушаемъ хотя нѣсколько словъ изъ успѣ Свяшителя.

„Три дѣвы Троицѣ святѣй въ даръ себе принесоша, Минодора, Мишродора и Нимфодора. Иныя приносятъ Богу дары оупъ внѣшнихъ имѣній своихъ, яко же иногда шри воспочніи царіе, злато, ливанъ и смърну: онѣ же принесоша дары оупъ внутреннихъ сокровищъ. Принесоша душу,

яко влѣпо, не исплѣннымъ злѣпомъ искупленную, но честною кровію яко агнца непорочна; принесоша совѣсшь чисту, яко ливанъ, глаголюще со Апостоломъ: Христово благоуханіе есмь; шѣло же въ неплѣнномъ дѣвспнѣ своемъ на раны за Христа давшѣ, принесоша е въ даръ Богу, яко смурну. Вѣдѣху добръ, яко Господь не нашихъ временныхъ богашспвъ, но насъ самихъ пребуешъ, по глаголу Давидову: Господь мой еси Ты, яко благихъ моихъ не пребуеши, самихъ убо себе Богу принесоша, яко же святое ихъ жишіе и доблеспвенное спраданіе явлѣшъ.“

И шакъ, какія составныя начала и какое направленіе находимъ мы въ средней Словесности нашей, въ возрастѣ народной юности? Не встрѣчаемъ ли въ семъ періодѣ самобытныхъ, народныхъ изящныхъ произведеній? — Здѣсь шолько образовался языкъ *Великороссійскій*. Кромѣ стихій, прежде въ немъ замѣченныхъ, вливаешся въ оный новая стихія — *Западная, Латинно - Польская*. Первая Славяно-Русская Грамматика и первый Словарь составлены учеными Польскими, напечатаны въ Польскихъ владѣніяхъ. Духовные вишіи, большею частію Малороссіяне, обучавшіеся въ подвласныхъ Польшѣ земляхъ, не могли способствовать сохраненію чистоты и самобытности народнаго языка. Одинъ *Св. Димитрій* въ Чешскихъ Миняхъ оставилъ намъ

сокровищницу превосходнаго, правильнаго, но еще не народнаго языка. Надобно было родиться генію, который бы воскресил народную *рѣчь*, какую читаемъ въ грамматкахъ шестнадцатаго и семнадцатаго столѣтій, и открылъ бы вновь языкъ Великороссійскій, долго облакавшійся въ чуждыя формы: эпошею геній былъ Ломоносовъ. Успѣхамъ ума въ осмнадцатомъ столѣтіи у насъ содѣйствовалъ цѣлый вѣкъ семнадцатый, вѣкъ Пашриаршества. Въ продолженіе сего времени книжный языкъ утверждался на правилахъ Грамматики, изданы нѣкоторыя сочиненія древнихъ восточныхъ Опцевъ Церкви, усилены сношенія съ западною Европою, появились между духовными вишіями отличныя шаланпы, обогащенные разнообразными свѣдѣніями и произносившіе слова со всѣми требованіями науки и искусства. Уже раздавалось слово и какъ призывный гласъ любви къ отечеству, и какъ грозный гласъ правосудія. Но Русскіе еще не выражали себя въ наукахъ и искусствахъ, служащихъ признаками народнаго самопознанія: посему въ Словесности были большею частію подражанія, переводы. При всеобщемъ спокойствіи умственной дѣятельности отечества нашего въ продолженіе шестнадцатаго и семнадцатаго столѣтій, между шѣмъ какъ Государ-

ства западной Европы славилась успѣхами Наукъ, Словесности и Искусствъ, при всеобщемъ спокойствіи юности нашей, воспитывавшейся подъ руководствомъ религіознаго ученія, замѣтно измѣненіе умственнаго направленія духовнаго въ *законодательное*. Все, что мы видимъ въ области ума, воли и чувства, выраженныхъ словомъ того или другаго народа, предшавляетъ развитіе мысли человеческой, сего небеснаго нашего достоянія. Но развитіе мысли человеческой, подобно развитію произведеній природы видимой, совершается подъ вліяніемъ извѣстныхъ дѣйствелей. Всѣ силы могучаго исполина, какимъ является Отечество наше во второй половинѣ семнадцатаго вѣка, возбуждаетъ великій Преобразитель Россіи, Пётръ I. Его зидательнымъ словомъ возникло благоустроенное войско на сушѣ и на морѣ, возбудилась народная промышленность и торговля, заведены училища для образованія юношества всѣхъ сословій, приобретены ученія сокровища, учреждены типографіи, коимъ самъ Преобразователь указалъ новыя письмена гражданскія: и мы стали участниками въ событіяхъ и дѣлахъ Европы, возчувствовали себя самихъ, познали, что мы, оставаясь Русскими, можемъ пользоваться благодатными

плодами просвѣщенія. вмѣстѣ съ новыми понятіями вошли въ языкъ нашъ многія иносстранныя реченія, всѣ вмѣстѣ составляющія особую спихію—*Европейскую*. Умственная дѣятельность въ швореніяхъ слова приняла новое направленіе — *ученое*. Отсюда начинается новая жизнь наша въ ряду Европейскихъ Государствъ, періодъ народнаго самопознанія, или періодъ Наукъ, Словесности и Искусствъ.

В. ДРЕВНОСТИ.

5. ОСНОВАНИЯ НАУКИ ДРЕВНОСТИ.

Сочиненіе Профессора И. Х. У. Кроненберга.

(Продолженіе).

IX.

Примѣчанія, къ нагорнымъ переселеніямъ относящіяся.

§ 48. Обозрѣвая народопереселенія по историческому поясу и его опрасляемъ, не должно перяпть изъ вида, что сіи переселенія были нагорныя, и что жизнь древнѣйшихъ переселенцевъ была долгое время нагорною. И въ Европѣ низменныя мѣспа были еще покрыпы водою. Фессалія, нижняя Ломбардія, Нидерланды, многія сшраны въ Греціи, Морел, Ипалія и другія земли были или озера, или вовсе находились подъ моремъ; другихъ, кромѣ нагорныхъ народовъ, не было. Земледѣліе, вѣрнѣйшій признакъ начавшейся

домашней жизни, неизвѣстно было древнѣйшимъ колоніямъ.

§ 49. Нагорное переселеніе совершалось весьма медленно. Доспойны удивленія мудрыя мѣры природы, въ слѣдствіе коихъ люди и животноя въ возможно крапчайшее время распространились по всему древнему свѣту, а первые чрезъ затрудненія, ими въ странствованіи преодоляемыя, руководимы были ко вниманію, наблюденію, размысленію и наконецъ къ изобрѣшенію полезнѣйшихъ искусствъ. Еслибъ они не были принуждены распространяться по узкимъ хребтамъ; еслибъ имъ напрошивъ дана была возможность, изъ перваго опечесства спуститься во всѣ сосѣдственныя долины, нивы, равнины, и если бы первобытныя зѣмли не измѣнили первобытнаго своего плодороднаго, теплаго и спокойнаго климата: то народонаселеніе прочихъ земель воспослѣдовало бы весьма поздно и медленно, и Европа, можешь быть, только въ настоящее время получила бы первыхъ своихъ жителей. Но земля уподоблялась тогда огромнѣйшему морю, въ коемъ узкія площади проведены къ островамъ, гдѣ спекались переселенцы, и въ случаѣ слишкомъ умножавшагося числа оныхъ, искали средства съ нуждою обратиться къ другимъ долинамъ и остро-

ванъ. Тогда только распространение рода человеческого всушило въ соразмѣрность съ размноженіемъ его.

§ 50. Тамъ, гдѣ хребты окаймляются въ морѣ, особенно на всѣхъ косихъ, къ югу пропавшихся, замѣчается древнѣйшее просвѣщеніе, на Кавказѣ и въ Колхидѣ, въ Финикіи и Аравіи, у Адриатическаго моря, на южныхъ берегахъ и восточной оконечности Оракіи, въ Пелопонесѣ, въ Ашшикѣ, въ нижней Ишаліи и южной Испаніи. Явствуетъ, что ссеченіе племень во всѣхъ сихъ точкахъ было чрезвычайно велико, и что переселенцы нѣснились особенно на всѣхъ косахъ; потому что они, по причинѣ поселившихся за ними народовъ, не могли идти назадъ, напрошивъ чего получали отъ нихъ еще приращеніе. Посему, не говоря уже о другихъ причинахъ, и здѣсь замѣчается чрезвычайное населеніе въ древнѣйшія времена, и просвѣщеніе, возникшее отъ нужды и пренія умовъ. Сіе продолжалось, пока не находили средствъ переселились на сосѣдственные острова или земли, какъ на пр. изъ Испаніи въ Африку, изъ Ишаліи въ Сицилію, изъ Греціи въ Критъ и на острова Эгейскаго моря, изъ Оракіи въ Малую Азію, изъ Аравіи въ Абиссинію и нижній Египетъ, изъ Колхиды въ Европу.

§ 51. Хронологіи Индѣйцевъ, Китайцевъ, Бирмановъ, Хаддеевъ и другихъ, мало вѣроюшны; однако онѣ нѣкоторымъ образомъ означаютъ содержаніе древности къ западнымъ народамъ.

§ 52. Положивъ предварительно, что Колхидскія племена переселились изъ перваго опшечества, то изъ сего слѣдуетъ: 1) что оныя племена имѣли первоначально великое сходство въ языкѣ, шѣлосложеніи, нравахъ и обычаяхъ, умшвенномъ образованіи и правленіи съ первобытными народами или восшочными Азіатцами. 2) Что должны найдшсь слѣды сего ихъ происхожденія; что однакожь 3) чрезъ долговременность и далекое разшояніе воспслѣдовало пошепенно великое измѣненіе, и Колхидскіе народы являющшсь съ особенными свойствами. 4) Что сіи свойства шноразго родоначалшствующаго народа опшосительно шѣлосложенія, характера, языка, правленія, образа мыслей, должны бышть замѣшны во всѣхъ онѣ онаго мшшедшихъ колоніяхъ.

§ 53. Если вышешпоказанныя переселенія дѣйствительнш были, то 1. Колхиду должно почиташь опшечествомъ древняго Эшіопскаго, Египтешскаго, Аравійскаго, Финикійскаго, Персидскаго, древне-Греческаго, Латинскаго, Келшшческаго и Германскаго языковъ, и въ силѣ

языкахъ должно быть замѣтно родство и сходство. 2. Между Египтомъ, Аравіей, Сиріей, Финикіей, Персіей, Греціей, Италіей, Испаніей и даже сѣверными народами долженствовала въ древнѣйшія времена существовать тѣсная связь и родство, и центромъ и оракуломъ всѣхъ долженствовали быть Кавказъ, или Колхида. 3. Колхидцы, какъ родоначальники, должныствовали имѣть на оныя народы нѣкоторое вліяніе и управлять ими посредствомъ жрецовъ. 4. Исторія сихъ народовъ въ древнѣйшія времена должна опноситься къ Кавказскимъ высопамъ, именно къ Колхидцамъ.

§ 54. Черезъ многочисленныя колоніи выходцевъ народонаселеніе въ Колхидѣ вообще уменьшилось, и къ оставшимся въ отечествѣ присоединились въ послѣдствіи новыя племена, пришедшія изъ восточной Азіи по продолженной дорогѣ.

Х.

Долинныя переселенія и долинная жизнь.

§ 55. Въ древнѣйшей Исторіи можно опредѣлять эпохи только вообще; строгое разграниченіе временъ и отношеній невозможно.

жно. Первая эпоха означается *нагорнымъ переселеніемъ и нагорною жизнью*; вторая, постепенно образовавшаяся, была *долинное переселеніе и долинная жизнь*. По мѣрѣ паденія моря, обнажались неизмѣримыя равнины, сперва Ташарскія, потомъ югозападныя, наконецъ Европейскія. На Ташарскія пастбища, копорыя тогда были приаппіе и плодороднѣе, нежели теперь, спустились живошныя, коихъ человекъ преслѣдуя обуздаль. Произошли *кочующіе народы*, извѣстные подъ общимъ именемъ *Скивовъ*.

§ 56. Чѣмъ пространнѣе зѣмли въ первомъ опечесствѣ и около онаго, чѣмъ ранѣе примыкающія равнины освободились отъ воды, тѣмъ многочисленнѣе были здѣсь сперва нагорныя жишели, а потомъ кочующіе. Зима сдѣлалась суровѣе, пастбища рѣже. По сей причинѣ Номады, не взирая на неизмѣримосшь равнинъ, ранѣе принуждены были переселяться, нежели въ другихъ странахъ горцы спускались въ зѣмли, дѣлавшіяся плодородными. Но сіи сходили съ горъ не для того, чшобы оспаться въ низменныхъ мѣстахъ, но чшобы похищашъ живошныхъ, или перейши къ другимъ горамъ. Древнѣйшіе Скиѣскіе Номады спускались въ долины, чшобы тамъ оспаться, слѣдуя тому же закону, какъ и

горцы, сперва къ востоку, попомъ къ югу, наконецъ къ западу и наконецъ къ сѣверу.

§ 57. Сообразно съ симъ закономъ кочующіе народы спустились сперва въ равнины *Китая*; когда сіи наполнились, въ пространныя поля *Согдіанскія* и *Бакширскія*; отсюда въ прочія долины югозападной Азии. Какъ первоначальные народы слѣдовали по горнымъ хребтамъ, а когда сіи были заняты, въ направленіи оныхъ: такъ и Номады пролагали себѣ дорогу чрезъ долины, слѣдуя за теченіемъ рѣкъ. Они шѣснились къ *Индю*, населили низменную *Азію*, и распространилась чрезъ долины до *Тигра* и въ пучныя поля *Месопотамскія*. Припомъ слѣдовали они и по древней народной дорогѣ ко впаденію узлу горъ, съ котораго они распространились частью въ равнины *Сирійскія*, частью, перешедъ чрезъ горы, въ страны между *Волгою* и *Донами*, попомъ и по сую сторону *Дона*. Въ *Сиріи* спустившіяся съ сей стороны Номады соединились съ жителями долинъ, пришедшими уже чрезъ *Месопотамію* и чрезъ *Евфратъ*. Они вмѣстѣ доходятъ до *Аравіи*.

§ 58. Сіи долинныя народы, занявшіе почти всѣ равнины и долины отъ *Саксарца*

и Паронамиза до Евфрата и Дона и до Индйскаго и Персидскаго морей, опдѣляютъ Индію отъ прочаго свѣта. Индія имѣла столько нагорныхъ жилищей и шакъ рано созрѣла, что она уже рано могла населишь свои воспочныя и западныя долины. Напроривъ шого, Азіашскія горы между Индіей, историческимъ поясомъ и западнымъ берегомъ были менѣ населены. Туземные горцы, окруженные прежде водою, окружены впоследствии Номадами и живутъ на горахъ, какъ бы въ нагорныхъ крѣпостяхъ, окруженныхъ на большое пространство чужими народами.

§ 59. Изъ свойства випалищъ естествененно слѣдуешь, что горцы безъ особенныхъ обшояшельствъ, каковыхъ въ древнѣйшія времена не было, не могли думать о владычествѣ. Каждая гора была родъ царства; добыча, охоты, плоды, принадлежали тому, кто ихъ находилъ; каждая скала служила крѣпостцою; каждое ущелье горы жилищемъ. Всѣ отношенія были разобщены. Связь могла возникнуть только чрезъ общую нужду и страхъ. Напроривъ шого, неизмѣримая равнина приводитъ Номадовъ въ связь и составляетъ изъ нихъ великіе народы. Начальники пастуховъ имѣютъ многочисленныя

семейства, родственников, богатства, соединяющія въ сподахъ, общія выгоды, удобнѣйшее сообщеніе, нужду во взаимной помощи. Они легко и необходимо соединяются, потому что горы нападаютъ на ихъ спода. Сверхъ того, проспанная долина не даетъ ни защиты, ни убѣжища; безопасность основывается на числѣ и силѣ. Скоро на всемъ проспанствѣ долины жилища соединяются въ одинъ народъ; и переходъ къ гражданской жизни совершенъ, когда опасность и непріятельскія дѣйствія принуждаютъ воздвигнуть въ долину искусственную гору, какъ защиту и убѣжище, въ коемъ все могутъ со сподами и имуществомъ своимъ укрыться и надежно защищаться. Это *городъ*, п. е. огромная сомкнувшая стѣна; внутри оной стѣны люди и животныя отъ нападенія укрыты и безопасны.

§ 60. *Ассиріане*. Первый городъ сего рода по сию сторону первоначальнаго опещества былъ, безъ сомнѣнія, *Бактра*, главнѣйшее мѣсто соединенія всехъ пастушескихъ народовъ, распроспранявшихся отъ Гаксарша до Тигра. Все пастушескіе народы, населявшіе долины на южной сторонѣ испорического пояса до Инда, называются общимъ

именем *Семитами*; шѣ, кошорые въ Бакшрѣ основали мѣсто соединенія и опшуда высылали долинныхъ поселенцевъ къ Тигру и Поншу, называющся Суръ, Ассуръ или *Ассиріяне*. Безъ сомнѣнія, сооруженіе каменной ограды на равнинѣ почишалось важнѣйшимъ изобрѣшеніемъ и событіемъ, и шаковый примѣръ не могъ ошашься безъ подражанія, когда паспущескіе народы слишкомъ далеко удалились отъ перваго города и общее соединеніе въ ономъ, въ случаѣ опасности, было запруднишельно и даже опасно. Чѣмъ далѣе они переселялись, шѣмъ болѣе чувствовали необходимость соорудить новую огромную ограду. Непрїязнь между горцами и долинными жителями была неизбѣжна. Горцы, 1. были окружены новыми племенами, кошорыя хоши и происходили также изъ перваго опщечества, однако въ шеченіе времени и по причинѣ дальняго разстоянїя приняли другой языкъ, другіе нравы и успреїства. 2. Землю у подошвы своихъ горъ, высохшую и оплодотворившуюся, съ живошными шамъ обитавшими, они почишали своею собспвенностью, и нападали на спада въ случаѣ недоспашка звѣриной ловли и плодовъ. 3. Хоши они, привыкши къ нагорной жизни, и имѣли опшращеніе къ пребыванію въ низменныхъ мѣстахъ; однако умноженіе

народонаселенія принуждало наконецъ къ населенію южныхъ холмовъ, и даже равнинъ.

4. Наконецъ примѣръ самыхъ Номадовъ удостоивѣрилъ ихъ, что и въ низменныхъ мѣстахъ можно вести жизнь счастливую, и привязанность къ нагорной жизни уменьшилась.

5. Зависѣть усилилась, когда они увидѣли, что степны доспавляли жителямъ долинъ такую же безопасность, какую они находили въ горахъ.

6. Характеръ горцевъ былъ совершенно противоположенъ характеру жителей долинъ. Горцы были суровые, сильные, смѣлые звѣроловы; кромѣ семейственной связи другой не знали; внѣ горнаго випалища собственности не имѣли; скипались пользуясь охотою и пищею гдѣ находили. Пространная гражданская связь и происходящее изъ оной право, также и крошкѣй нравъ паспущескихъ народовъ, были имъ неизвѣсны.

§ 62. Еспешвенныя послѣдствія сихъ и другихъ причинъ были: 1, Враждебный духъ обоихъ народовъ, обнаружившійся нападеніемъ и сопротивленіемъ. 2, Таковое отношеніе причиняло большіе союзы, даже между горцами, для покоренія или испребленія своихъ враговъ. 3, Номады вступили въ шѣснѣйшій союзъ и сдѣлались воинственнѣе, принуждены

будучи, для собственнаго покоя, горцевъ или испреблять, или покоряшь, или ограничить на недоступныхъ высокохъ. 4, Произшли такимъ образомъ огромныя царства. 5, Горцы предались разбою, и нападали на царства въ долинахъ. Сии горцы часто называются охотниками, звѣроловами, великанами или исполинами, гигантами, шипанами, Номады сынами и народами боговъ.

XI.

Происхожденіе жреческаго правленія первой формы.

§ 63. *Право первородства.* Первая власть, копорую природа даетъ челоуѣку надъ челоуѣкомъ, есть *отцовская*. Дѣти, зависящіе отъ родителей, и даже возмужалые оспаютъ подъ вліаніемъ ихъ. Старшій сынъ, прежде вступающій въ лѣта зрѣлости, получаетъ нѣкоторое преимущество предъ младшими братьями, тѣмъ болѣе ушверждающееся, чѣмъ ранѣе и легче онъ спановишся первымъ другомъ, помощникомъ отца, и занимаетъ его мѣсто. По смерти отца онъ получаетъ наследственную власть надъ своими братьями, если они оспаютъ въ семействѣ. Пре-

имущество первородства, природою введенное, есть и исторически древнѣйшее.

§ 64. *Начальники или главы семействъ.* Первоначально было только одно семейство, такъ какъ одна первоначальная земля, съ распространениемъ копорой и семейство увеличилось. Съ дальнѣйшимъ распространениемъ произошло необходимо нѣсколько семействъ, изъ коихъ каждое могло быть сильное, но должно было имѣть одно и то же устройство. Древнѣйшіе Персидскіе памятники считаютъ пятнадцать первоначальныхъ семействъ. Сколько семействъ, столько и начальниковъ оныхъ. Съ симъ естественно сопряжено и то, что старшій есть хранитель всѣхъ опытовъ своихъ предшественниковъ и всего семейства, потому что отцы будущимъ преемникамъ своей власти сообщаютъ все подробнѣе, нежели прочимъ членамъ, занятымъ и развлеченнымъ доспаиваніемъ нужнаго. Такимъ образомъ начальники семействъ должны сдѣлаться умнѣйшими, опытнѣйшими и ученѣйшими мужами въ своемъ родѣ и вѣкѣ.

§ 65. *Основаніе жречества.* Понятно также и то, что всѣ начальники семействъ, доколѣ они не въ слишкомъ далекомъ находятся разспояніи, живутъ въ тѣсной связи

и сообщаютъ другъ другу свои мысли, опыты, намѣренія, открытія или изобрѣшенія. Сіе умножаетъ сумму ихъ свѣдѣній и вѣрность ихъ опытовъ, усиливаетъ ихъ авторитетъ и ихъ власть, которая тогда основывалась на благоразуміи, практическихъ свѣдѣніяхъ, справедливости, сноровки и личномъ достоинствѣ. Такъ происходитъ родъ *коллегии старейшихъ семействъ*, основаніе жречества, *древнѣйшаго образа правленія*. Въ семъ собраніи старейшинъ первоначальное семейство, изъ котораго произошли другія, и его глава, пользующая долгое время неоспоримымъ преимуществомъ и авторитетомъ.

§ 66. *Наслѣдственность*. Начальники семейства, наследующіе власть, права, свѣдѣнія и опытность опцовъ, сохраняютъ чашо и ихъ имя. Такъ является въ Исторіи долголѣтній начальникъ, въ которомъ соединены нѣсколько преемниковъ. Въ сихъ старейшинахъ хранился достоинство, духъ, сила предковъ; они съ ними сливаются въ одно моральное лицо. Даже всѣ члены семейства объемляются *однимъ именемъ* главы семейства.

§ 67. *Возрастающее уваженіе къ начальникамъ*. Чѣмъ древнѣе и многочисленнѣе дѣлаешь

ся семейство, шѣмъ почтеннѣе, значительнѣе и могущественнѣе становяшся начальники онаго. Нѣшть причины полагають, чшобы первые люди не были причастны власполюбію, и чшобы головы семейства не старались нарочито прибрѣшашь большее уваженіе къ своему лицу. Чѣмъ болѣе семейства образовались народомъ, чѣмъ многостороннѣе дѣлались соотношенія; шѣмъ легче, шѣмъ нужнѣе становилось для начальниковъ выказывать свою важность, и словомъ и дѣломъ выдавать себя за существа высшаго рода. Три преимущества: исключительное обладаніе опытами и свѣдѣніями предковъ, досужное время для размышленія и наблюдений, и великое почтеніе къ древности и древнему происхожденію, утвердили поспешенно въ шомъ, чшо начальники имѣють естественнѣе болѣе мудрости, свѣдѣній, силы и могущества, нежели другіе люди, и въ состояніи производишь дѣйствія и дѣла, превышающія свѣдѣнія и способности обыкновенныхъ людей.

§ 68. *Земные боги.* Начальники были опцами, руководителями, совѣшниками неопытнаго народа, удивлявшагося всякому свѣдѣнію или знанію шѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе онъ чувствовалъ въ шомъ нужду. Сильнѣйшее

удивленіе, слѣпая довѣренность и высокое мнѣніе о начальникахъ возбуждаемы и внушаемы были предвѣщаніемъ достопамятныхъ событій въ природѣ, предвѣщаніемъ счастья или несчастья для каждаго въ особенности, или для цѣлаго общества, облегченіемъ боли и изцѣленіемъ болѣзней приличными средствами, и добрымъ совѣтомъ въ опасныхъ и трудныхъ обстоятельствахъ. Таковое искусство основывалось на внимательнѣйшемъ наблюденіи повторяющихся явленій въ природѣ, на опытѣ и на размышленіи о нравственныхъ послѣдствіяхъ человѣческихъ поступковъ и происшествій, на собраніи цѣлительныхъ средствъ, особенно на бошаникѣ, вообще на высшемъ умственномъ образованіи. Чѣмъ болѣе возрастала народъ и умножались его отношенія; тѣмъ болѣе опредѣлялись руководящія начальники и древнѣйшее семейство, тѣмъ тщательнѣе скрывали они всѣ знанія, опыты, изобрѣшенія и основанную на оныхъ мудрость. Сіе отдѣленіе и скриваніе знаній, которое замѣтно еще и въ позднѣйшей Греціи, возвышало важность начальниковъ и укрѣпляло то вѣрованіе, что они располагаютъ силами и явленіями природы, отклоняютъ зло, творятъ добро прочимъ людямъ вообще,

или чрезъ внутреннюю силу природы, или чрезъ особенное, шаманское искусство могутъ производить чрезвычайныя дѣйствія. Чѣмъ кто почищается другими, за то онъ наконецъ самъ себя почищаетъ. Изъ начальниковъ отличнѣйшаго рода *дѣлались божества*, въ первомъ значеніи, т. е. земныя боги, и сіи боги, или богошворимые жрецы, были и оставались долгое время правителями рода человѣческаго. Они исключительно обладали всѣми знаніями и Исторіей. У Кипайцевъ, Индѣйцевъ, Египтянъ, Грековъ и Лаптянъ, у всѣхъ дѣйствительно древнихъ народовъ *сіи боги были первые правители*.

Какъ земля поспешенно выступила изъ воды и родъ человѣческой поспешенно распространился: такъ и умственное развитіе вообще, и въ особенности религіозныхъ понятій, совершилось поспешенно. Переходили отъ малаго къ великому, отъ частнаго къ общему, отъ извѣснаго къ неизвѣстному, отъ опыта къ теоріи, отъ чувственного къ ошвлеченному. Первые начала мышленія сдѣланы шаманами: понятія народа получали отъ нихъ свое направленіе. Шаманы развивали языкъ и понятія, соединяли знанія и опыты, выводили заключенія и результаты,

возымѣли чрезъ шо вліяніе на другихъ, сдѣлались предметомъ общаго уваженія, почшенія, удивленія. Они не могли не замѣтить, что главнымъ основаніемъ ихъ власи было умственное преимущество. Уважаемый глава семейства ни въ какомъ видимомъ существѣ не замѣчалъ сколько совершенства и самостоятельной, свободной силы духа, сколько въ самомъ себѣ; не существовало преданія о какомъ-либо существѣ, которое онъ могъ бы сравнить съ понятіемъ о себѣ самомъ; и такъ весьма естественно было, что онъ полагалъ сокровенную душу вселенной (*πνεῦμα κοσμου*) въ себѣ самомъ, а человеческую природу почиталъ хранилищею высочайшей нравственной силы, свѣтлымъ, разумнымъ, жизненнымъ пламенемъ, выступающимъ изъ матеріи, видимымъ явленіемъ невидимаго божества. Первое ясное самозерцаніе духа должно существовало породить удивленіе собственному своему искусству, признаніе безконечнаго въ себѣ самомъ. Духъ человеческій совершилъ собственную свою апофеозу.

Однако въ ограниченномъ смыслѣ, соотвѣствующемъ своему времени, древнѣйшіе языческіе боги рождались, исчезали, и другіе поступали на ихъ мѣсто. Это было антропо-

поморфизмъ божественной силы, приписываемой землѣ, какъ средоточію вселенной. Такіе боги выходили изъ древнѣйшихъ семействъ какъ правители, законодатели, учителя, совѣтники, преобразователи. Смерть не подвергала ихъ божественности сомнѣнію; ибо или священныя жрецы могли ихъ вопрошать по ихъ смерти, или они опять являлись какъ люди или боги подъ тѣмъ же, или другимъ именемъ. Сія божества приведены были въ систему, называемую *древнимъ ученіемъ* или *земной религіею*.

§ 71. Сія система имѣла такъ сказать два вида. Ибо начальники семейства, чѣмъ бы все соопредѣляло высокому ихъ достоинству, производили родъ свой отъ солнца, луны, звѣздъ, особенно если такой жрецъ являлся съ колоніей у отдаленныхъ семействъ, и чрезъ необыкновенное свое происхожденіе желалъ обрѣсти болѣе уваженія. При всемъ томъ онъ почитаемъ былъ только божествомъ земнымъ. Такъ еще у Эвсевія Уранъ называется *epigeios* и *autochthon*. Или божественная власть приобрѣталась чрезъ пантеистическое искусство, извѣстное только въ священныя семейства, преимущественно главамъ, копорые по сей причинѣ и

почишались видимыми обладателями природы.

§ 72. Основная идея сей системы была слѣдующая: земля естъ средопочіе всѣхъ вещей; въ ней основная сила всѣхъ силъ всей природы. Въ ея нѣдрахъ покоишся сія божественная сила какъ *ночь*; она породила небо, солнце, луну и звѣзды, безпрестанно возвращающіяся въ ея лоно. Она обладательница ихъ, и сфера свѣша ей подчинена. Такъ и человекъ изъ нее выспунилъ, одаренный внутреннимъ свѣшомъ, какъ солнце и звѣзды, и по смерти, подобно имъ, возвращается опяшь въ ночь, чшобы въ опредѣленное время опяшь явиться. Только души героевъ (полубоговъ) ошаюшся на поверхности земли. Посему ночь и смерть, понимаемая не какъ *безжизненная*, но какъ *первоначальная стихія всего видимаго и живаго*, сущь священнѣйшіе предметы обожанія и видимый ихъ символъ *луна*. Вопшь почему усопшіе почишались въ древнемъ ученіи совершенными мудрецами, совѣшниками, наставниками, всевѣдущими, и вопрошаемы были во всѣхъ дѣлахъ; *олицетворенная смерть* (Θάνατος или Τάρατος, Нѣм. Tod) съ символомъ змѣи, кожу свою спускающей и какъ бы вновь возрождающей-

ся, гермесь, меркурій, пушеводитель усопшихъ, естъ главный изобрѣшатель всѣхъ искусствъ и наукъ. Чѣмъ болѣе народы преда ны были сему ученію; шѣмъ мрачнѣе были ихъ понятія, ихъ жизнь и характеръ, шѣмъ унылѣе были ихъ празднества. Чѣмъ менѣе прильпямились къ сему ученію, шѣмъ яснѣе и свободнѣе были идеи и народный духъ, шѣмъ радоснѣе ихъ богослуженіе.

§ 73. Вшорая идея, съ первою въ связи находящаяся, была слѣдующая: кто можетъ овладѣть слѣпою земною силою, или расположишь къ себѣ власшь ночи шакъ, чшобъ она дѣйшвовала по его желанію, шопъ можетъ повелѣвашъ на звѣздахъ, всѣми сущесшвами, всѣми спихіями. Человѣкъ, вышупившій изъ ночи, изъ нѣдръ земли, но самодѣшпелный, долженъ бышь способенъ приводишь въ движеніе земную силу. Первые люди, называемые Типанами, первенцы земли и пошому преисполненные силъ, обладали всѣмъ видимымъ непосредственно; пошомки ихъ могутъ обладать шолько посредствомъ. Первые называются просто древними богами.

§ 74. Трешья идея: думали, чшо естъ искусство, сосшоящее въ инициацияхъ, жер-

швоприношеніяхъ , очищеніяхъ , заклинаніяхъ и таинственныхъ познаніяхъ , въ наслажденіи или воздержаніи оупъ нѣкопорухъ вещей , искусство , чрезъ которое можно возвыситься до божества , получить непосредственную власпъ Типановъ , пакъ сказапъ , сблизиться съ чиспымъ соспояніемъ мершвухъ , и овладѣпъ ужасною силою земною . Небо еспъ какъ бы полько верхняя оболочка земли ; и все что на небѣ находипся , выпуило изъ земли ; а посему какъ Типанъ , пакъ и поппъ , кшо ему равняется посредствомъ искусства , супъ власпелины видимой природы . Онъ запмѣваеппъ солнце , низводитп луну и звѣзды , производипъ громъ и бури , благословляеппъ посѣвъ , посылаеппъ засуху , убиваеппъ опсуществующія опдаленныя существа , превращаеппъ себя и другихъ въ чудесные виды или звѣрей , предвѣщаеппъ будущія происшествія , изцѣляеппъ , даеппъ совѣпы и наспавленія и пр . и пр . Замѣчашельно , что *души усопшихъ* часто однѣ , особенно въ позднѣйшія времена , упопроблялись какъ помощницы и шолковашельницы ночи , въ которой самоспояшельно и жили . Онѣ , какъ ясныя силы мышленія во всемогущей , всѣмъ обладающей , живой ночи смерпи , знаютъ , что изъ мрачнаго лона ея зарождаясь возникнешп

и будетъ, и что надобно дѣлать, чтобы производишь величайшія дѣйствія въ верхней природѣ.

§ 75. Сія система имѣла разныя измѣненія, которыя здѣсь излагають мѣсто не позволяешь. Главная черта оной та, что земля есть основаніе всего, а древнѣйшіе главы семействъ, Тишаны, суть представители и обладатели божественной силы земли. Потомки ихъ наполняютъ ослабѣвшую силу искусствомъ. Ночь и смерть суть истинныя спихи жизни и бытія; человекъ, знающій оное таинственное искусство, есть правитель верхняго міра, ш. е. земли, и въ семь качествъ онъ неиспробимъ, возвращающа какъ духъ самоспоясательный въ ночь или въ преисподнюю, или обихаетъ около рѣкъ и на островахъ, на поверхности земли или въ верхнемъ мірѣ. Онъ дѣйствуетъ еще какъ духъ, и служишь пѣмъ, кои умѣютъ его вызывать, ш. е. жрецамъ и потомкамъ боговъ.

§ 76. Разсмапривая сіе ученіе со вниманіемъ, мы находимъ, что оно полагало человѣческую душу управляющимъ началомъ или богомъ. Преданные сей системѣ язычники не признавали боговъ внѣ себя, или пола-

гали ихъ себѣ: подчиненными, находящимися, по крайней мѣрѣ, во власти ихъ жрецовъ. Отсюда происпекали самонадѣянность, опшавность, презрѣніе смерти, превозношеніе и жестокость, человѣческія жертвы, поклоненіе ихъ божественнымъ или священное искусство знавшимъ жрецамъ и жрицамъ. Большая часть древнѣйшихъ народовъ, обитавшихъ въ лѣсахъ и пещерахъ, и обрабошывавшихъ впоследствии землю, или добывавшихъ металлы, и изобрѣтавшихъ искусства, преданы были сей религіи земли. Опшительные ея признаки суть: человѣческія жертвы, чародѣйства, Титаны, Гиганты, Исполины, Авшохлоны, Гекаста, Меркурій, Оракулы жертвныхъ, мрачная шаманственность, печальныя празднества и шоржества по жертвнымъ. Сію систему можно бы называть земнымъ Ламанизмомъ, происшедшимъ отъ возведеннаго дошпоинства начальниковъ семействъ.

XII.

О происхожденіи жреческаго правленія второй формы.

§ 77. *Противная система.* Она система, полагающая землю и обитающую въ

елъ нѣдрахъ ночь основаніемъ и источникомъ свѣта, нашуру человѣческую исключительно разумною, божествомъ на землѣ, должна была необходимо при нѣкоторыхъ услѣхахъ размышленія встрѣтити прошиворѣчіе. Родъ жизни, благопріятствующій продолжительнымъ и глубокимъ размышленіямъ, жизнь Номадовъ — испребиаа оную вѣру. Пастухи, менѣе развлекаемые заботами о пропитаніи, въ свободной природѣ спокойно созерцая красоты неба и земли, скоро замѣтили удивительный порядокъ, правильность и высокую премудрость во всѣхъ явленіяхъ, и чѣмъ болѣе ихъ наблюденія умножались, тѣмъ яснѣе признавали они немощность человѣческую, зависимость земли и, внѣ оной и человека, неизмѣняющуюся высокую силу въ соединеніи съ премудростью, причину и правительницу всея природы. Отъ нихъ произошло понятіе о богѣ внѣ человека и земли.

§ 78. Идея, полагающая бога внѣ человека и независимо отъ земли, преимущественно на небѣ, и понимающая сего бога повелителемъ всея природы, часто и многократно измѣнялась, но никогда не теряла своего характера. Въмѣсто одного, полагали многихъ боговъ, разлагали его на части, и по-

Имать сія части дѣйствующими въ свихіахъ, отдѣльныхъ частяхъ земли, пространствахъ, или назначали имъ особыя занятія, распределяли сія части какъ различныя божества, и почитали ихъ независимыми. Одно отъ другаго, или подчиненными могущественнѣйшему; но основная идея, что божество находится въ человека и надъ нимъ, что онъ онаго зависящъ и имъ управляемъ вообще или въ частности: человекъ и земля. Человѣческія души не суть эманации нощи и къ ней не возвращаются; онъ происпекають отъ свѣта или небснаго существа, куда и возвращаются, если жили свято въ первородной чистотѣ. Поколикъ сія система понимаетъ нощь, землю, человекъ зависимыми отъ вышней, небснай силы, ее можно назвать небсною религіею или религіею свѣта. Сообразно оной существують только безсмертныя боги, вѣчныя небсныя божества; ихъ символъ — солнце и сфера свѣта.

§ 79. Сѣй системѣ преданы были особенно Номады. А поему они и отличались благоговѣніемъ къ сверхчувственному, чистѣйшимъ богослуженіемъ, скромностью, людскою, доброю. Они ничего не дѣлають

собственными силами, но все помощію споспѣшствующаго божества. А какъ сіе божество, по ихъ понятію, властвуетъ надъ ночью, землею и человѣкомъ, и опредѣляетъ его судьбы; по они и почиваши дерзостью и злочиніемъ, принуждаютъ сіе высшее божество къ тому, чего оно добровольно не дѣлаетъ. А посему они и ненавидѣли надмѣнныхъ и гордыхъ приверженцевъ перваго ученія, которые хотя и признавали бога, но полагали его или въ себя, или въ нѣкоторыхъ отличныхъ людяхъ, особливо же въ землѣ и ночи, и смѣшивали его съ собою въ понятіи, или думали, что имѣли его въ своей власти и могли имъ управлять. Всѣ приверженцы земнаго поклоненія почиваемы, презираемы, преслѣдуемы, истребляемы были какъ возмущители и враги. Отсюда происшедши жестокія войны.

§ 80. Главы семействъ и въ сей второй школѣ были жрецы, и, въ силу сего достоинства, правили народъ. Они были покорные служители бога и находились съ нимъ въ тѣсной связи, такъ что они или съ самимъ божествомъ, являвшимся въ лицѣ, бесѣдовали и отъ него получали повелѣнія, или узнавали его волю чрезъ явленія и знаменія. Вся

власнѣ сихъ жрецовъ — правителей — про-
испекла отъ бога, неограниченнаго вла-
стителя. Посему они всегда дѣйствовали
именемъ и полномочіемъ бога. Они никогда
не могли и не смѣли имъ управлѣть и хо-
тя бы его къ чему-либо приводить, подоб-
но послѣдователямъ древняго ученія, не до-
пускали ни заклинаній, ни чародѣйствъ; ни
гордаго присвоенія и шему, подобнаго; ни
прошвѣя того, — они все сіе преслѣдовали и
карали какъ дерзосное злочине. Человѣче-
скія жертвы для нихъ были омерзѣніе,
приношеніе оныхъ для евовольнаго употреб-
ленія власни земли и нечи было величайшее
преспуленіе; нечи и земля почитались мѣсто-
пробываніемъ зла и гордой испорченности,
и ни одно мѣсто на оной не почиталось
чистымъ, если оно не было очищено по
предписанію.

§ 81. *Сравненіа.* Земное поклоненіе было
система терроризма въ ужаснѣйшемъ видѣ;
пошому что тѣ, кои почитались богами,
или мечпалами, что владѣють онымъ шайнымъ
искусшвомъ, являлись повелителями силъ при-
роды и неограниченными владыками, неопыш-
наго народа, сполько же боявагося ихъ вредной

власти, сколько ожидавшего выгоды отъ оной. Почти всѣ жрецы сей школы овладѣлись наконецъ тиранами, жестокими угнѣбителями народа, террористами. Напротнвъ того, небесная религія разлила свою прощность на людей; научая ихъ мыслить и чувствовать прилично достоинству человека. Жрецы ея не были превлшителями или обладателями божеской силы, ни только служителями, и должны были бытъ справедливыми и добродѣтельными, если не хотѣли уничтожить (ренованій) своей системы и лишиться уваженія. Объ essentialныхъ казались, обшались. Дѣла и другая ишла ихъ героевъ, и е. мужей, старались распространить и утвердить свой, и исцребить противный образъ мыслей. Это однакожъ ни той, ни другой споромъ совершенно не удалось. Боги второй школы, или лучше сказать, занимавшіе ихъ мѣсто жрецы, ограничивались относительно земныхъ боговъ обыкновенно терпимостью, и не подчиняя ихъ богамъ небеснымъ, потому что народъ еще слишкомъ великое имѣлъ мнѣніе о поклоненіи земномъ или обожаніи земли. Они даже принуждены были принять въ новую школу множество заведеній старой. Такія смѣшенія были естественны, когда

горные жилища сдѣлались долинными, или съ ними соединились. Явно также и то, что жрецы второй школы часто спрашивались власти древней земной религии.

(Общано продолженіе.)

III. КРИТИКА.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

В. Дантъ и его вѣкъ.

Исследование о Божественной Комедии,

Автънтъ - Профессора С. Шевырева.

(Продолженіе.)

Спихія *Эпическая* видна въ этомъ внѣшнемъ, очевидномъ, подробномъ, осязательномъ представленіи явленій, въ этомъ спихіи илабшическомъ и живописномъ, въ сихъ сравненіяхъ самыхъ щочныхъ и яркихъ. Сія спихія, ясно замѣтная не только въ Божественной Комедіи Данца, но и во всей Италіанской Поэзіи, показываетъ, что она есть пишница юга, дщерь Поэзіи Римской и внука Греческой. Дантъ, по его же признанію, есть въ этомъ случаѣ ученикъ *Виргилія*, но едва ли не превзошедшій самаго учителя. Онъ

силою генія спавъ въ семь отношеніи близко къ первоначальному Поэзіи эпической, къ самому Омиру. Но точно такъ какъ Омиру ошвѣчаетъ древній стиль пласпическій, такъ Даншу новый стиль живописный, стиль яркій, или стиль пласники среднихъ вѣковъ, уже болѣе имѣвшей характеръ живописи. Сей-то стихинъ въ Поэмѣ Данша сочувствовалъ Микель-Анжело. Извѣстно, что поэма сія была любимымъ его чтеніемъ; что она внушила ему взяться за кисть для изображенія Спрашнаго Суда; что онъ къ самой поэмѣ Данша изготавилъ рисунки, которые погдоцены были моремъ. Искони существовало сродство между искусствами. Извѣстному стилю Поэзіи всегда ошвѣчаетъ извѣстный стиль Живописи. Ничто такъ не выражаетъ картинъ Иліады и Одиссеи, какъ рисунки вазъ Эпрусскихъ. Роману, предспавишелю современной Поэзіи, соотвѣтспвуешь господспвующій щеперь родъ живописи — *tableau de genre*. Ничто такъ не ошвѣчаетъ стилю щеперешняго Французскаго Романа, какъ эскизы Тони Жоанно. Ничто такъ не близко къ эпическому стилю Данша, какъ стиль Микель-Анжело. Перо перваго и кисть втораго какъ будшо родидись подъ однимъ создѣдіемъ.

Но вспомнимъ, что всѣ ои образы, съ такою эпическою ясностію создаваемые Поэтомъ, суть идеи воплощенныя; что всѣ они имѣють значеніе. Особенно видно это въ мистической процессіи и въ видѣніяхъ, совершающихся въ земномъ Раю. Тамъ мы усмотримъ, что все эпическое проникнуто символомъ.

Драматическая стихія видна въ ужасныхъ препишствіяхъ, какія побуждаетъ поэтъ въ Аду и Чистилищѣ, въ опасностяхъ, коимъ онъ безпрестанно подвергается, наконецъ въ этомъ посмертномъ его восхожденіи къ созерцанію Бога. Она видна также и въ мученіяхъ грѣшниковъ, въ неутомимой борьбѣ ихъ съ казнями, изъ коихъ одна ужаснѣе другой. Всѣ сцены Ада суть послѣдовательная цѣпь трагедій Эскиловыхъ въ несложномъ эпическомъ стилѣ Проміея. Здѣсь истощено ужасное и патетическое. Въ явленіяхъ Рая отсутствуешь сія стихія драматическая, потому что наслажденіе спокойно и однообразно, не такъ какъ мука адская. Поэтъ, посредствомъ напѣжекъ софистическихъ и другихъ спранныхъ средствъ, старается показашъ возможность степеней и разнообразія въ радостяхъ райскихъ; но повсюду видно его усиліе безуспѣшное.

Въ Аду же стихія драматическая заклю-
чена въ самую предметъ. Но сколько раз-
рѣшающа всѣ сии предположенія, умножающія
интересъ драматическій? Отъ силы невиди-
мой, оплеченной, отъ той идеи, которая
еще узелъ дѣйствія. Такъ драматическое
бореніе разрѣшается въ символическомъ зна-
ченіи самой Пьесы. Скажу еще болѣе здѣсь
символическое скасаешь самую Поэзію.

Теперь мѣсто и время разрѣшишь:
какимъ образомъ Адъ можетъ быть предме-
томъ изящнаго искусства? Въ Чиспилицѣ мы
видимъ ужасныя мученія, но онѣ растворены
надеждою. Надъ этою горю плача и мукъ
распростерто по небо, въ которое рано
или поздно, будущъ приняши грѣшники.
Здѣсь есть мѣра состраданію — упованіе на
благость Божію. Въ Аду же нѣтъ надежды:
одна черная стихія отчаянія. Между Адомъ
и Небомъ твердый, непроницаемый сводъ
земли, который, если и снимется, то для
того только, чтобы удвоить и предать
самой вѣчности муку адскую. Какъ могутъ
быть допущены въ міръ изящнаго Магомель
съ расперзанною внутренностію; Бертрамъ
дакъ Борнію, несущій главу свою; Уголино,
гложащій черепъ; гадашели съ повороченны-
ми назадъ лицами, и всѣ ужасы казней, иногда

отшарпительныхъ? Соспрананію, внушаемому
ядомъ; нѣтъ отплады; ужась его переходить
въ отчаяніе. Гдѣ же спасенія по чувству
гармоніи, въ которомъ должно разрѣшились
всякое впечатлѣніе міра изліцаго?

Дантъ былъ всегда самъ для насъ пово-
лованелемъ своихъ загадокъ : и здѣсь онъ
намъ не измѣнитъ. Вспомнимъ, когда живой
справникъ увидѣлъ опчаяннующъ надписи на
вратахъ Ада и сердце его смалось ; когда
полились слезы изъ очей живаго человека ;
при видѣ искаженія лица человѣческаго ;
что оказала ему мудрость въ лицѣ Вирги-
лія? — На первое отвѣчалъ оубъ :

„Qui si convien lasciare ogni sospetto,
Ogni viltà convien che qui sia morta.“

„Здѣсь надлежитъ покинуть всякое сомнѣніе,
умершвишь въ себѣ всякое низкое чувство.“
на второе:

„Qui vive la pietà quand' è ben morta,
Chi è più scellerato di colui,
Chè al giudizio divin passion comporta? (*)“

„Здѣсь тогда и живешь сострананіе, когда
оно мертво (**). Есть ли нечесшіе выше того,

(*) Ада П. XX.

(**) Очень трудно выразить это въ переводѣ:
pietà имѣетъ значеніе двойное: pitié, piété.

какъ признакъ жалости къ суду Божешвенному?“ Здѣсь разгадка шайны. Только поди условіемъ лицешворенія идеи правосудія Божешвеннаго, всѣ муки ада могутъ быть внесены въ обласъ Поэзіи. Такъ въ семь случаѣ, символическое, какъ сказалъ я, спасаетъ самую высшую драматическую стихію въ Поэмѣ. Съ эшимъ же умысломъ великій художникъ представилъ намъ грѣшниковъ ада коснѣющими въ своихъ порокахъ, со всею самосподшельностію живаго злодѣйства: чувство раскаянія въ нихъ растворило бы, можетъ быть, сердце наше къ жалости и побудило бы насъ или къ грѣшному ропоту на правосудіе небесное, или къ сомнѣнію въ неисшощимости милосердія Божія (*). Здѣсь спасается чувство вѣры, а съ другой стороны спасено и чувство самобытности человеческой. Это ошсушество безплоднаго раскаянія, эта бодрость и спойкость въ мученіяхъ придають, по крайней мѣрѣ, какое-

(*) Поэтъ, чувствуя важность своего предмета въ отношеніи къ нравственности, и въ другомъ мѣстѣ позаботился о томъ, чтобы вѣра въ правосудіе Божіе не поколебалась въ его читателѣ. Приведемъ себѣ на память слова Орла о правосудіи Бога, которое недоступно взору нашему, какъ дно моря.

но хотя ложное благородство этихъ грѣшникамъ, споль нравственно униженнымъ.

Стихія *Дидактическая* также вошла въ поему Данша. Догматическій характеръ западной католической Вѣры и разрѣшеніе важныхъ вопросовъ Богословскихъ, неизбежно сопряженное съ предметомъ, который избралъ Даншъ, способствовали къ излишнему вліянію этой стихіи, всѣхъ менѣе поэтической. Особенно въ Раю замѣтно это излишество — и схоластическія формы науки вредящъ часто языку Поэзіи. Но я уже имѣлъ случай замѣтить, что эта стихія имѣла важное современное значеніе; что она не казалась во времена Данша такъ суха, какъ нынѣ намъ кажется. Слѣдуетъ еще прибавить къ тому, что великій Поэтъ слова чудесно побуждаетъ оковы формъ схоластическихъ, въ какихъ была въ его время наука, и въ молодомъ, еще мало мыслящемъ языкѣ находить смѣлые обороты и полныя слова для выраженія идей самыхъ ошлеченныхъ. Здѣсь призываетъ онъ не рѣдко на помощь языкъ Лашинскій; объ этомъ говорено будетъ послѣ.

Но надъ всѣми поэтическими стихіями въ Божественной Комедіи Данша возвы-

нается стихія *Лирическая*. Здѣсь нѣтъ прошиворвчїя, какъ съ перваго раза можешь водумашь читашель, вспомнивъ, что я утвердилъ преимущество *символической* стихїи надъ всѣми чиспыми стихїями Поэзїи въ произведенїи Данша. Видимое прошиворвчїе уничтожись само собою, когда читашель вникнешь въ слѣдующее. Символическая Поэзія Христіанскаго вѣка по тому прїемлешь въ себя преимущественно *Лирическую* стихїю, что самая Религія Христіанская имѣешь характеръ болѣе лирической. Равнымъ образомъ, символическая Поэзія язычества принимала преимущественно *эпическое* направленіе, потому что самая языческая религія была къ нему болѣе склонна.

Преобладаніе *Лирической* стихїи замѣшно какъ въ главномъ содержанїи, такъ и въ формѣ Даншова произведенїя. Герой Поэмы есть самъ Поэшь; его собственная душа есть лабораторія всѣхъ виднѣй, передъ нами постепенно развивающихся; каждое изъ нихъ ошзывается въ сердцѣ самаго Поэша какимъ нибудь чувствомъ и къ намъ, такъ скажешь, черезъ это чувство переходитъ (*).

(*) Сюда относятся слезы и всѣ обмороки Поэша: e caddi como corpo morto cade и проч.

Вошь чисто-лирическая и преобладающая стихія въ поэмѣ Данша. Сюда же относятся многочисленныя описуяленія и обращенія, копорыя можно съ основательностію назвать *Лирическими эпизодами* его Поэмы, составляющими одну изъ ея чертъ характеристическихъ. Таковы обращенія противъ Папъ, противъ Испаніи вообще, противъ Флоренціи и прочихъ республикъ, изъ коихъ рѣдкая пропущена Поэмою. Сии обращенія одушевлены всегда личнымъ чувствомъ самаго Данша и его собственнымъ мнѣніемъ. Въ сихъ обращеніяхъ, также какъ и другими поэтическими средствами, Поэшь испишь иногда за себя самаго. Такъ напримѣръ, извѣстно, что Пиза навлекла на себя негодование Поэша за то, что не хотѣла помогать Гибеллинамъ противъ Гвельфовъ и иди съ первыми на Флоренцію. Въ вѣкъ феодальномъ, всякій владѣтель имѣлъ свой укрѣпленный замокъ, свою броню, свой мечъ для защиты. Такимъ замкомъ феодальнымъ, такою броней, такимъ вооруженіемъ рыцарскимъ служила для безпомѣснаго Данша его Поэма, — и стихъ его сильнѣе меча рубилъ его противниковъ.

Лирическіе звуки переходящъ у него въ громы Сапиры. Личное одушевленіе Поэша

есть общій источникъ и воспорга хвалебнаго и хулы негодованія. Ода и Сашира, по моему мнѣнію, имѣюшь одно начало; Поэшь принимаешся за шу или за другую, смотря по тому, согласна ли жизнь современная съ его чувствомъ поэтическимъ, или ему прошиворѣчиль. Примѣръ этому мы видимъ въ нашемъ Державинѣ. Многія Оды его суть лирическія Саширы. Вино воспорга, разведенное чувствомъ негодованія, превращаешся въ ядъ поэтической злобы. Сей-то вдохновенный гнѣвъ, сія-то Сашира лирическая есть одна изъ опличительныхъ чертъ въ физиономіи Данша-Поэша.

Обращеній Лирическихъ, мною упомянутыхъ, совершенно чуждалась Эпическая Поэзія Грековъ, но они изрѣдка мелькаюшь у Виргилія, особенно тамъ, гдѣ въ Поэщѣ выражаешся личный поклонникъ Августа. Рѣшительное ихъ явленіе въ Поэзіи начинаешся съ Поэмы Данша. Сіи обращенія суть также вставки какъ и эпизоды Эпическихъ поэмъ; но по лирическому ихъ характеру я назвалъ бы ихъ *Лирическими эпизодами*.

Хотя сличіе Поэша и героя поэмы даешъ ей лирической характеръ; но вспомнимъ, что сей герой есть и человекъ вооб-

Уч. Зап. Часть III. 10

ще, ищущій спасенія. Такимъ образомъ и лирическое разрѣшается въ символическомъ.

Форма Поэмы есть также лирическая. Размѣръ, какимъ она писана, есть *третья рима* (*terza rima*), именуемый такъ попому, что третья рима всегда римуется. Изъ переводнаго опривка, кошорый я предложилъ въ изложеніи Поэмы, можно имѣть о немъ понятіе. Стихъ ея есть стихъ одиннадцатисложный, общій всѣмъ Италіянскимъ поэмамъ. Сисмонди думаетъ, что размѣръ Данша, *terza rima*, изобрѣтень имъ самимъ. Но это едва ли имѣешь основаніе. Извѣстно, что Брунешшо Лапини, учитель Данша, написалъ еще прежде комическую Поэму *il Pataffio*, состоящую изъ какихъ-то совершенно непонятныхъ шеперь народныхъ Флореншинскихъ поговорокъ, эшимъ же самымъ размѣромъ (*). Должно предполагать, что эшотъ размѣръ, такъ какъ и всѣ формы Италіянской Поэзіи, имѣешь начало свое въ Провансѣ. Не лзя довольно надивишься рюменному богатству языка и масперсшву Поэша, кошорый такъ искусно побѣждаетъ препяшствія, неизбѣжныя въ такомъ сщпле-

(*) Tiraboschi Tomo IV. Firenze. 1806. pag. 477.

нии прехъ риѣмъ, не смощя на ихъ богатство. Главный характеръ риѣмы Данша естъ риѣма женская; но очень часто встрѣчается риѣма дактилическая или скользящая (*sdrucciola*) и не рѣдко мужеская. Сіе обиліе звучныхъ риѣмъ и музыкальная гармонія стиха содѣйствуютъ къ преимущественному развишію лирическаго характера Поэмы.

Къ довершенію этого вся Поэма раздѣлена на три большія *Канзоны* или *Кантики*, по премъ предметамъ оной. Каждая Канзона объемлетъ 33 *Пѣсни* (*Canto*), содержащія ошь 160 стиховъ и менѣ (*). Къ симъ пѣснямъ надѣ присоедилишь первую вступительную пѣсню, кошорая, хошя ставишся въ числѣ пѣсень Ада, но, по весьма справед-

(*) Изъ самой Поэмы Данша почерпаются эши названія:

Di nuova pena mi convien far versi

E dar materia al ventesimo Canto

Della prima Canzon ch'è dei sommersi (Ада II. XX.)

„Объ новой мукѣ предлежишь мнѣ пѣшь и начашь двадцашую Пѣсню первой Канзоны — о погибшихъ.“ Такъ и названіе Комедіи извлекаешся изъ его же стиховъ.

ливому замѣчанію комментатора Веншури, основанному на самомъ шекспѣ Данша, должна быть опнесена ко всей Поэмѣ, какъ общее вступленіе (*). И шакъ всѣхъ пѣсень Поэма содержишь сто.

Но и въ сей лирической формѣ естъ значеніе символическое. Число пѣсень въ каждой Канзонѣ 33 естъ мистическое число. Эшо объясняется изъ духа времени: наука мистическихъ чиселъ была чрезвычайно важна въ шо время (**). 33 Года имѣлъ Спаси-

(*) Я шакъ прежде и самъ думалъ, выводя эшо изъ мысли, кошорую излагаю впослѣдствіи, — и нашедъ вскорѣ свидѣтельство Веншури, шѣмъ болѣе убѣдился въ своихъ заключеніяхъ. Вопшъ какъ Даншъ кончаетъ послѣднюю пѣснь Чиспилица:

Ma perche piene son tutte le carte
Ordite a questa Cantica seconda
Non mi lascia pur ir lo dren fell'arte.

„Но поелику уже наполнены всѣ предѣлы, назначенные для сей второй *Кантики*, уда искусства не позволешъ мнѣ иди далѣ.“ — Ссылаясь на эшошъ шекспѣ, Веншури утверждаетъ, что Поэшъ хотѣлъ раздѣлишь каждую изъ Канзонъ на 33 пѣсни, слѣд. 1 я пѣснь Ада должна бышь вступительная. — Впрочемъ, о мистическомъ значеніи числа пѣсень Веншури не говоришь ничего.

(**) На прим. извѣстно, что 63 считалось роковымъ числомъ въ годахъ жизни, пошому что

сипель при Своей кончинѣ, слѣд. 33 число святое. Даншь самъ называешь свою Поэму священною (роета засто): слѣд. не мудро, чшо онъ и форму ея хотѣлъ освящити тайнымъ и святымъ значеніемъ цифръ. Сюда же относятся и другіе признаки. На примѣръ самый первый стихъ Поэмы:

Nel mezzo del cammin di nostra vita

имѣеть смыслъ совершенно миспическій. Въ Аду имя Христа ни разу не поминается, а всегда говоряшь о Немъ перифразомъ. Въ Раю же при раза слово Cristo (*) риѣмуешь само съ собою, вѣрояшно въ помъ умысла, чшо съ шакимъ святымъ именовъ не смѣеть риѣмовашъ ни одно обыкновенное слово. Эшо не можеть бытъ по недоспащку словъ, ему рифмующихъ, пошому чшо ихъ весьма довольно (**). Наконецъ должно замѣшити,

оно есть помноженіе двухъ дурныхъ числъ 7 и 9. Петрарка имѣлъ грустное предчувствіе, всшупая въ шпощъ годъ, и въ самомъ дѣлѣ умеръ на 63 году жизни.

(*) Раа П. XII. П. XIV. и П. XIX.

(**) Въ XXIX П. Даншь самъ употребляетъ риѣмы на isto: visto, acquisto, subsisto. У Тасса, въ 1 й оклавѣ Освобожд. Иерусалима, Cristo риѣмуешь съ acquisto и misto.

что самый размѣръ, *третья рима*, въ послѣдствіи, употреблялся болѣе для произведеній символическаго рода, вѣроятно, потому что Дантъ посвятилъ его на такое служеніе. Триумфы Петрарки, которыхъ мистическое содержаніе извѣстно, писаны прешью римою.

Такъ *символическій* характеръ Поэмы проникаетъ всюду, и даже въ самыя ея формы. Весьма справедливо можно сравнить произведеніе Данша съ какимъ нибудь храмомъ древняго религіознаго стила, котораго всѣ художественныя формы подчиняются высшему, священному значенію, на пр. алтарь, какъ у насъ, обращенъ къ Воспоку (*); цвѣты, украшающіе корзины колоннъ, имѣють свой библейскій смыслъ и проч. Такъ сравнили бы мы еще Поэму Данша съ мистическою каршиною или древнимъ пергаминнымъ Евангеліемъ, которыхъ всѣ живописныя аттрибуцы, всѣ лишныя изъ серебра и золота фигуры, всѣ драгоценныя камни, къ украшенію самыхъ предметовъ допускающся только въ той степени, какъ

(*) Архитектура Италіанская для выгоды искусства нарушила сіе правило, отъ Византіи перешедшее къ намъ.

служить выраженіемъ какой нибудь святой мысли.

Изъ всего сказаннаго происпекаетъ, что Божественная Комедія Данша имѣетъ совершенно свой, особенный типъ *Поэмы лиро-символической*. Наименованіе *Комедіи*, данное ей самимъ Поэтомъ по причинамъ, которыя послѣ изложатся, нисколько не характеризуетъ ея въ художественномъ отношеніи; но имѣетъ весьма важное значеніе въ отношеніи къ языку и на своемъ мѣстѣ будетъ разобрано. Что же касается до эпиграфа: *Божественная*, который данъ ей въ попомствѣ, то его должно понимать не въ обыкновенномъ смыслѣ воспорженной похвалы, а въ томъ же, въ какомъ самъ Поэтъ понималъ свою Поэму, называя ее священной, и въ томъ значеніи религіозно-художественномъ, какое мы нашли въ ней въ слѣдствіе подробнаго разбора ея внутренняго и наружнаго построенія. Такъ и мнѣніе всей Италіи согласуется со всѣмъ, мною сказаннымъ, и подтверждаетъ общій неизмѣнный законъ первоначальнаго развитія поэзіи: духъ Религіи вѣетъ въ ея первыхъ произведеніяхъ надъ хаосомъ всѣхъ прочихъ стихій поэтическихъ, вызывая на орудіе свое преимущественно ту изъ нихъ, которая

всѣхъ болѣе съ симъ духомъ согласиенся. Не шакъ ли, при созданіи шой Поэмы, которую называемъ мы Вселенною, носился и вѣялъ духъ Божій надъ землею, еще не-успроенною, надъ хаосомъ всѣхъ стихій, еще неразвившихся?

Изслѣдовавъ художественный пипъ нашей Поэмы и назвавши его, слѣдуешь шеперь сказашъ о стилѣ оной, ш. е. о языкѣ въ художественномъ опношеніи. Поелику пред-мешъ сей пѣсно связанъ съ исторією образова-нія Италіянскаго языка вообще, шо оконча-тельное разрѣшеніе онаго предоспавляю себѣ въ будущемъ разсужденіи. Здѣсь же вкращѣ посшараюсь характеризовашъ поэ-пическій стиль Данша и показашъ элемен-шы, изъ коихъ онъ образовался.

Даншъ, избравъ себѣ въ пупеводителн Виргилія, самъ сознался, что онъ былъ учителемъ его въ художественномъ стилѣ. Сіе сознание выразилъ онъ слѣдующими слова-ми: »шы мой учитель, шы мой писатель: шы одинъ, опъ кого я заимствовалъ изящный слогъ, который далъ мнѣ славу.« Точно, весь элементъ изящно - художественный или классическій въ стилѣ Поэмы Данша ведетъ начало свое опъ стиля Виргиліева. Сюда

принадлежатъ точность, и сила, и круглота выраженія, и живость эпическихъ, и пластическая законченность всякаго образа. — Но въ стихъ Поэта - Богослова должна была войти и другая стихія, тѣсно сопряженная съ самымъ его предметомъ. Изъ его мистическаго видѣнія и вообще изъ поэмы можно видѣть, что Дантъ много изучалъ Библию. Сія библейская стихія является особенно въ смѣлыхъ фигурахъ и метафорахъ совершенно восточнаго стиха, которыхъ чуждается классическая лира *Виргилія* (*). Къ сему присоединилась чуждая Поэзии схоластическая стихія, изобилующая суровою Латынью, а иногда и новыми тяжелыми шерминами.

Такимъ образомъ *Виргилій* и *Библия* составляютъ главные элементы *Дантова* стиха. Но они сочетались еще съ элементомъ того молодого, свѣжаго языка, въ который Поэтъ вложилъ свою поэтическую думу. Вотъ гдѣ причина, по чему ученикъ простого превосходитъ самаго учителя. Въ слогъ *Данта* есть обороты, ко-

(*) Сюда относятся многія выраженія, какъ на примѣръ: *lo stral della mia intenzione* (стрѣла моего намѣренія), *l'arco dell'esilio* (лукъ изгнанія), *l'arco del dire* и проч.

порые сущь исключительная принадлежность нарвчій: люныхъ. Въ эшомъ отношеніи я накожу. большое сродство между стилемъ Божественной Комедіи и стилемъ Илиады, и книгу Моисеевыхъ, не по какому нибудь прямому вліянію, а по сходству отношеній языка, въ коихъ сіи произведенія писаны. Но во сколько Дантъ проще Виргилія, во сколько и грубѣе его; ибо простота граничитъ съ грубостію. Виргилій имѣлъ дѣло съ языкомъ уже приготовленнымъ; Дантъ хваталъ изъ устъ народа всякое слово, какое только ему попадалось, лишь бы только вложить въ него мысль свою. Сюда же принадлежатъ и множество народныхъ пословиць, копорыя онъ вставляетъ, по большей часпи съ великимъ мастерствомъ художника. Надо сознаться такъ же, что претъя рѣима вынуждаетъ его прибѣгать иногда къ оборотамъ насильственнымъ. Опъ сего происпекающъ въ стилѣ его: сила, неровность и рѣзкость.

Но языкъ, съ копорымъ Дантъ имѣлъ дѣло, заключалъ въ себѣ спихи самыя художественныя: съ одной стороны элементъ живописный, съ другой музыкальный, основанный на эшомъ счастливомъ равновѣсіи гласныхъ съ согласными, какимъ не обладаетъ

ни одинъ языкъ Европейскій. До смѣхъ 'порядкъ Италіанскій сохраняетъ способность, свойственную только языкамъ первобытнымъ: производить глаголы отъ каждаго имени существительнаго. Не только писателемъ, часто просполюдинъ на улицѣ, въ порывѣ какойнибудь спрасши, кашорая сильно замговоритъ въ немъ, пользуется весьма удачно симъ правомъ своего языка. Въ этомъ заключается главная живописно-художественная его стихія. Самый Лашинскій языкъ не имѣлъ уже сего свойства при Виргилиі, а Греческій сохранялъ его долго и послѣ Омира, что видно по примѣру Трагиковъ. Такимъ образомъ — имя, живой предметъ, даешь или образъ, или краску дѣйствию, выражаемому глаголомъ. Дантъ первый сильно постигъ въ Поэзіи это свойство языка — и сколькими глаголами Италія ему обязана!

Съ другой стороны, гармонія стиховъ у нашего Поэта отъ силы звуковъ доходитъ до такой сладости, какую только этому языку и такому слуху, каковъ былъ у Данта, образовашъ было возможно. Многіе изъ стиховъ его и шеперь извѣсны, даже простому народу, своею гармоніею и повпоряюща очень часто въ услажденіе слуха.

Хотя я и сказалъ, что рѣзкая и сильная жесткость есть одно изъ главныхъ свойствъ стиха Данша; но должно замѣшить, что сія грубость соотвѣствуетъ и самому предмету, каковъ на пр. адъ; что при великія пѣсни Поэмы представляють дѣйствицу трехъ разныхъ степеней стиха. Въ описаніи ада Поэтъ самъ ищетъ *рѣчь суровыхъ и хриплыхъ*. Здѣсь, въ самыхъ сравненіяхъ своихъ, онъ не разборчивъ: грѣшниковъ ада сравниваетъ онъ съ лягушками, чертей съ собаками, поварами и проч. Въ Чиспилицѣ слогъ его сталъ чище, благороднѣе, сладкозвучнѣе. Въ IX пѣсни онъ самъ говоритъ: „Чисашель, ты видишь, какъ я возвышаю предметъ свой: не удивляйся же, что я его украшаю (*).“ Здѣсь и сравненія нѣжныѣ. Поэтъ съ будущими праведниками Чиспилица обходится вѣжливѣе: они сравниваются съ голубками, ягнятами и проч. Въ Раю наконецъ стихъ Данша выражаетъ сладостную гармонию сферъ небесныхъ. Онъ достигъ бы и совершенной чистоты, если

(*) Lettor, tu vedi ben com'io innalzo

La mia materia, e però con piu arte

Non ti maravigliar s'io la rincalzo (Чиспил. II. IX.)

бы схоластическій соръ еще этому не препятствовалъ. Но тамъ, гдѣ Поэшь описываетъ свою Беатрису, ея взглядъ, улыбку, или говоришь о Богѣ — слово его всегда обновлено и соединяешь красоту съ разнообразіемъ выраженія (*).

Въ заключеніе сего эстетическаго разбора Поэмы, я желалъ бы вмѣстѣ съ читателемъ, подражая нашему Поэту, перейши въ то состояніе внутренняго ясновидѣнія, въ какомъ онъ самъ былъ, проходя Чисшилице, и въ живой фантазмагоріи повторишь шь высокіе образы или впечатлѣнія, какія невольно оспраюшся въ памяти ошъ его Поэмы.

Чеша любовниковъ, какъ пара голубей, кружимая вѣчнымъ вихремъ, теперь еще ошанавливается передъ нами и поешъ свою печальную пѣсню о прошекшемъ счастьи и о смерти въ самую полную его минушу.

(*) Шеллингъ въ своемъ разсужденіи о Поэмѣ Данта характеризуетъ при частии оной слѣдующимъ образомъ: Адъ называетъ онъ пластическимъ, Чисшилице живописнымъ, Рай музыкальнымъ. Эшо болѣе остроумно, нежели основательно. Если принимаешь эщо не въ собственномъ значеніи, а какъ сравненіе поэтическое, употребленное для характеристики, — оно можетъ быть принято.

пѣснь, которая сжимаетъ сердце Поэта и наше чувство въ скорби всеобъемлющей.

Величавая пѣнь Фаринашы вспаетъ передъ нами по поясъ изъ гроба, и мы слышимъ изъ устъ ея горькое пророчество объ изгнаніи Данша. Капаней, неодолимый и казню Ада, сидитъ подъ полосами огненнаго дождя, все потъ же спокойный и непреклонный прошивникъ Юпитера. — Маншуанецъ Сорделло, въ одинокомъ своемъ величїи, гордый, презирающій, плавно и медленно обращаетъ свои очи, на подобіе льва, когда онъ возлежитъ въ своемъ покоѣ. — Въ эпихъ шрехъ образахъ гордаго величїя человѣческаго, можешь быть, ошралилось намъ собственное чувство Поэта!

Чудовище Обманъ, своими лапами подгребая воздухъ, плывешь въ пустошь бездны съ ношею двухъ спранниковъ — и сердце наше еще шрепещешь съ живымъ сердцемъ одного изъ нихъ.

Угодино, измѣнникъ, но опецъ, своимъ рассказомъ испюнцаетъ изъ нашей души по капль все соспрананіе.

Бершрамъ даль Борнію, самъ себя падачь, подносишь къ очамъ нашимъ главу свою — и мы оць нея усспраняемся.

Италянецъ Белаава рисуется передъ нами и теперь своей живописною позою, достойною кисти Микель-Анжело. Мы присутствуемъ при гармоническомъ концертѣ пѣвца Казеллы вмѣстѣ съ шѣми душами Италии, съ шѣми дѣшми гармоніи, которые собрались его послушать, какъ будто на улицѣ Рима, еще подъ небомъ Авзонійскимъ. — Тихая долина, гдѣ мирно бесѣдуютъ вѣнценосцы, и день, умирающій съ именемъ Богомашери, умягчаютъ намъ сердце, располагая чувства его къ сладкой любви.

Мы видимъ Данша въ славной бесѣдѣ древнихъ Поэтовъ. Мы, слѣдуя за Спаціемъ, подмѣчаемъ Италянскій разговоръ отей между училелемъ и ученикомъ его. Мы помнимъ величавую пошупь пѣвца Энеиды, какъ однажды онъ — было побѣжалъ, но въ пошъ же мигъ сдержалъ бѣгъ свой, боясь имъ нарушить величавость и благородство своей древней особы: всѣ сіи возвышенные лики, какъ боги древности, плавно и величаво проходятъ передъ нашими очами.

Въ земномъ Раю, рисуется передъ нами Машильда, въ Христіанскомъ созерцаніи срывающая райскіе цвѣты по берегамъ

кристалльнаго ручья. Покрывало Безприси
вѣснѣ надъ нами. Ея улыбка, всегда новая
и свѣтлая, распорядитъ намъ Рай всегда
новый. Еще горитъ предъ нами Крестъ въ
планетѣ Марса, сей Крестъ, кошорый Микель-
Анжело изъ Даншова Рая замыслилъ перене-
сти на землю и повѣситъ на воздухѣ среди
храма Св. Петра. Мы видимъ и слышимъ,
какъ пламенѣющій на небѣ Орелъ клювомъ
своимъ гремитъ о Правосудіи. Мы вмѣстѣ
съ Даншомъ паримъ въ колыбели его духа,
въ осьмомъ кругѣ Небесъ, и ошпуда черезъ
всѣ бездны міровъ посылаемъ улыбку жало-
сти землѣ, юдоли его и нашего изгнанія,
ошъ коей въ Небѣ шолько находимъ вѣчное
и спокойное прибѣжище.

Мы помнимъ, какъ побагровѣлъ весь
свѣшлогорящій Рай при гнѣвномъ словѣ
Апостола Петра на его западныхъ намѣст-
никовъ.—Мы видимъ свѣщящую гирлянду, въ
образѣ кошорой вѣснѣя благовѣспникъ Ангель
около Дѣвы-Машери, лучшаго сапфира Небесъ.

И эшотъ Рай въ видѣ прекраснѣйшаго
цвѣща Ишалии и земли, и эша Мадонна
Царица на шронѣ Розы, и эша молишва
Мадоннѣ, изъ устѣ Св. Бернарда, эшотъ
цвѣщъ Поэзіи, ошъ Бога ведущей слово свое,

магическая молитва, которая приводитъ душу къ исполненію крайней изъ всѣхъ ея надеждъ, къ созерцанію Бога: всѣ эшѣ впечатлѣнія совершаются вновь въ душѣ нашей и всегда будутъ совершаться въ ея благо и художественное наслажденіе, если она однажды досшойно вкусила шакого могучаго Поэша, объемлющаго весь міръ, Бога и человека, Поэша, каковъ былъ Даншъ у Ишааи.

(Отдѣленіе V. въ слѣд. книжкѣ.)

IV. С М Ъ С Ъ.

7. ЭЙМУНДОВА САГА.

(Продолженіе).

Сраженіе между братьями.

Гл. 7. Въ слѣдствіе сего К. Ярислейвъ послалъ по всему своему царству вѣшника, созывавъ дружины, и — множество земледѣльцевъ спекалось къ нему. Попомъ К. Эймундъ, пославъ своихъ воиновъ въ лѣсъ, приказалъ имъ рубить деревья, возишь въ городъ и валишь на сѣны онаго: повелѣваешъ, вѣшви каждаго дерева свѣшивашъ за сѣну, дабы не могли бышь пускаемы въ городъ спрѣлы. Сверхъ сего заставляешъ провести около сѣнъ большой ровъ, и, выпаскавъ землю, наполнишь его водою; попомъ, наваливъ сверху деревьевъ, успрояешъ все шакъ, чшобы не лья было видѣшь слѣдовъ работы и земля казалась невзрышою. Едва окончилишь эши пригошвленія, какъ узнали, чшо К. Бурислейвъ, вошедъ въ предѣлы царства Градскаго, направляешъ свой путь прямо къ шому городу, гдѣ заперлишь Князья. К. Эймундъ и К. Ярислейвъ забошилишь еще объ укрѣпленіи двоихъ ворошъ градскихъ; ибо они рѣшилишь въ семъ мѣсшѣ выдерживашъ нападеніе

непріятеля, и чрезъ него же, если бы нужда пошребовала, сдѣлать вылазку. Вечеромъ, на канунъ шого дня, поушру коего ожидали прихода непріятелей, К. Эймундъ далъ приказаніе женщинамъ выйши на снѣжны городскія, взявъ съ собою всѣ драгоцѣнныя вещи, — высшавишь на показъ, сколько возможно, лучший нарядъ, а шолшныя золотныя заплещя подияшь на шесшы, дабы обралишь на себя все удивленіе непріятелей. „Я знаю,“ говорилъ онъ „что Біармы, жадныя до дорогихъ вещей, увидѣвъ золото и шашпошканныя пурпуровыя одежды, блестящія ошъ свѣша солнечнаго, бросающя къ городу спремешельно и безъ всякой оспорожности.“ Сбылось по его предсказанію. Бурислейвъ, вышедъ съ своими дружинами изъ лѣса, началъ приближаться къ городу. Его воины, увидѣвъ издали блескъ города, обрадовались, — думая, что молва предварила ихъ прибышіе. Они шдушь быспро и съ воинскою самонадѣянностію, безъ всякой предосторожности, — ошъ чего многіе изъ нихъ, упавъ въ ровъ, погибли. К. Бурислейвъ, шхавиши пошадю ихъ, видя шогибель своихъ сподвижниковъ, сказала: „можешъ бышь, завоеваніе дошпанешся намъ гораздо шруднѣе, нежели какъ мы ожидали: — видишь эши Нервежцы хипры“. — Размашривая мѣшпа, гдѣ бы можно было найши удобнѣйшій входъ въ городъ, онъ замѣтаешъ, что высшавленншй на показъ блескъ — изчезъ, и что зашершы воъ вороша, кромѣ двохъ, кешорые, впрочемъ, были шудобоприсшунны по причинѣ великаго множешва шамъ находившихся орудій и воиновъ, гошовыхъ къ ошпору. Вдругъ поднимаетшя крикъ воинскій уграж-

данъ, уже изгошовавшихся къ бишвѣ. К. Ярислейвъ и Эймундъ спали каждый у своихъ ворошъ. Начинается жестокая сѣча: съ шой и другой спороны падаешъ множество воиновъ. Въ шомъ мѣспѣ, гдѣ былъ К. Ярислейвъ, присхупъ былъ сдѣланъ съ шакою силою, что непріятели ворвались-было въ вороша, имъ защищаемые, и, — послѣ ужаснаго кровопролитія, но прежде, нежели были взяты сѣи вороша, — самъ Князь тяжело раненъ въ ногу. Тогда К. Эймундъ сказалъ, наши дѣла въ худомъ положеніи, — Князь раненъ, многіе съ нашей спороны пали, и входъ въ городъ ошкрытъ непріятелямъ. Выбериай, Рагнаръ“ присовокупилъ онъ „одно изъ двухъ, — или защищай сѣи вороша, или ступай на помощь нашему Князю.“ „Я оспавусь здѣсь“ ошвѣчалъ Рагнаръ — „а шы спѣши къ Князю, — ибо шамъ нужно распоряжашься“. Посему Эймундъ пустился шуда съ большимъ ошрядомъ, и — увидѣлъ, что Біармы ворвались уже въ городъ. Немедленно онъ ударилъ на нихъ съ ошчаяннымъ нашискомъ и многихъ изъ воиновъ К. Бурислейва положилъ на мѣспѣ. К. Эймундъ, всячески поощряя своихъ къ бишвѣ, храбро и сильно нападалъ на непріятелей. Едва ли когда нибудь свирѣпшвовалъ присхупъ жесточайшій въ шеченіе таковаго же количества времени. Уже оспавшіеся въ живыхъ Біармы убѣжали изъ города; — К. Бурислейвъ, потерпѣвшій великое поражение, обратился въ бѣгство. К. Эймундъ и его воины гнали бѣгущихъ въ лѣсъ, и убили знаменоносца Княжескаго. И шеперь опять пронесся слухъ, что Князь убитъ. Одержана побѣда важнѣйшая. К. Эймундъ снискалъ себѣ въ

семь сраженіи величайшую славу. Опселъ все на время успокоилось. Норвежцы жили при Князѣ въ великой почести, уважаемые всѣми шугземцами. Но жалованье и шеперь они получали съ оспановками и съ шрудомъ: — оно не выдавалось по условіямъ.

Объ Эймундѣ.

Гл. 8. Однажды случилось К. Эймунду въ разговорѣ съ Княземъ попросить его, чшобъ онъ выдалъ Норвежцамъ жалованье, какъ это прилично Государю могущественному. „Извѣстно“ — говорилъ онъ — „чшо мы пріобрѣшенною нами побѣдою внесли въ казну государшвенную большее количество денегъ, нежели сколько нужно ихъ для жалованья намъ; и гошовы спорить, чшо ты ошибаешься въ этомъ, — ты считаешь наши услуги и нашу помощь для себя шеперь ненужными?“ „Да кажется, и безъ вашей помощи“ — оптѣчалъ на это Князь — „шеперь пойдушь дѣла благополучно. Конечно, вы оказали намъ большія услуги: но мнѣ донесено, чшо ваши войны мадъ всѣмъ чваняцца.“ „Чшо это значишь, Государь“ оптѣшшвовалъ Эймундъ — „чшо ты одинъ по своему судишь объ этомъ? Многіе изъ нашихъ чувшвуютъ для себя великія пощери, — одни изъ нихъ лишились ногъ, или рукъ, или другихъ какихъ-либо членовъ шѣлесныхъ; другіе пощерили оружіе: кратко сказаць, — мы должны щерпѣшь вездѣ великія издержки. А ты еще хочешь ослабить наше условіе и сдѣлаць его недѣйсшвишельнымъ, — избирай же немедленно любое: или снова договаривайся съ нами, или опшускай насъ оптѣ себя.“ „Мнѣ не хотѣлось бы“ — оптѣшшвовалъ

Князь — „опустышишь васъ, и — однакожь не обещаю вамъ денегъ, когда война не предвидишся.“

„Намъ нужны деньги“ — говорилъ Эймундъ — „и наши не хопяшь служить за одинъ хлѣбъ: лучше же, опсправившись къ другимъ Государямъ, мы постараемся добыть у нихъ себѣ славу. Да можешъ бышь пвоеому царству не угрожаешъ никакое нападеніе неприятельское? Точно ли ты знаешъ, что Князь убишь?“

„Точно“ — ошвѣчалъ Князь — „пошому что мы имѣемъ въ своихъ рукахъ его знамя“

Эймундъ: „да знаешъ ли ты, гдѣ его шѣло?“

Князь ошвѣчалъ оприцательшо. Эймундъ: „не знаешъ этого, просшительно человеку шолько неблагоразумному.“

Князь: „какъ будшо ты знаешъ это лучше другихъ людей, которые обѣ этомъ дѣлѣ имѣюшъ подлинное свѣденіе! — Эймундъ: „Бурислейвъ лучше хопѣлъ пошеряшь знамя, нежели лишиться жизни: и я увѣряю шебя, что онъ спасса невредимъ и провелъ зиму въ Турціи. Онъ рѣшился опяшь нанешъ шебѣ войну, и привешши сюда съ собою войско непобѣдимое, въ кошоромъ находяшся Турки, Блокуманны и многіе другіе дикіе народы. Еще слышалъ я за подлинное, что онъ вознамѣрился сдѣлаться опспушникомъ Христіанской вѣры, и, ошняявъ у шебя царство Гардское, въ шомъ и другомъ государствѣ дашь часть онымъ варварамъ. Если онъ успѣешъ выполнишь свое намѣреніе, шо, безъ сомнѣнія, пошлешъ въ пошпыдное започеніе шебя со всеми швоими родспвенниками.“

„Какъ скоро“ — спросилъ Князь — „прибудешъ онъ сюда съ шшимъ варварскимъ народомъ?“

„Не болѣе, какъ чрезъ полмѣсяца“ — ошвѣчалъ

Эймундъ. „Что же шеперь должно предпринять? — спросилъ Князь — „научи насъ; ибо мы не можемъ обойтись безъ швоей предусмотрительности.“ Рагнаръ, уговаривая своихъ шоварщевъ къ шому, чшобъ удалишсь ошсюда, велѣлъ Князю руководшвовашсь въ семъ случаѣ своимъ благоразуміемъ. Эймундъ сказалъ ему на это: „мы подвергнемся нареканію, если ошавимъ Государя въ шакой опасности. При нашемъ прибышніи онъ наслаждался миромъ; по этому я не хочу удалишсь ошъ него шакъ, чшобы онъ по ошбышніи насъ не наслаждался спокойшвіемъ:—лучше возобновимъ договоръ на слѣдующіе XII мѣс. съ шѣмъ условіемъ, чшобы намъ снова было прибавлено жалованья по спольку, какъ означено въ нашемъ договорѣ. Теперь распорядимся нашими дѣлами: надобно ли собирашъ войско, или шы хочешъ, Государь, чшобъ одни мы — Норвежцы защищали швое царшво, а шы между прочимъ ошавался спокойнымъ, предославивъ себѣ дѣйшвовашъ своими войсками уже шогда, когда мы будемъ побѣждены.“ „Пусть шакъ “ — ошвѣчалъ Князь. „Не надобно, Государь, судишъ шакъ поверхношно“—подхвацилъ Эймундъ; — „ешъ другая причина почему шевѣ нужно имѣшъ при себѣ войска въ гошовности, — это кажешся мнѣ надежнѣе. Мы Норвежцы не обратимся первые въ бѣгшво: я увѣренъ, чшо многіе изъ шѣхъ, кои грудью бросающся на копья непріятельскія, будутъ къ этому гошовы, но не могу ручашсь, чшобъ въ ошчайной бшшвѣ показали себя шакowymi шѣ, коишорыѣ шеперь болѣе другихъ хвалашся эшимъ... Но какъ пошущишъ, Государь, въ шомъ случаѣ, когда

мы захватимъ Князя? И можемъ ли умерившишь его самаго, или нѣтъ? Ибо не будетъ конца вѣднмъ междуособіямъ, пока вы оба живы.“ „Разумѣеся“ — отвѣчалъ Князь — „я не спану дѣлать того и другаго вмѣстѣ, ш. е. и побуждашь другихъ къ битвѣ съ К. Бурислейвомъ, и на нихъ же негодовашь тогда, когда они его убьютъ.“ Послѣ сего разговора они расходяшся по своимъ дворцамъ, не отдавъ приказанія ни собирашь войска, ни дѣлать какія нибудь приговоренія къ войнѣ. Всѣ были въ недоумѣніи и не понимали, почему союзники не гововишся къ войнѣ шеперь, когда угрожаетъ крайняя опасность. — Между тѣмъ вскорѣ получають извѣстіе, что К. Бурислейвъ вступилъ въ царство Гардское съ многочисленнымъ войскомъ и многими варварскими народами. К. Эймундъ пришеворялся, что будшо онъ ничего не знаетъ и ничего не слышалъ. Многіе открыто говорили, что онъ не смѣетъ сражаться съ Бурислейвомъ.

Эймундъ умерщвляетъ К. Бурислейва.

Гл. 9. На разсвѣтѣ одного дня Эймундъ повалъ къ себѣ родственника своего Рагнара съ десятию мужами и приказалъ ихъ сѣдлашь лошадей. Потомъ сіи 12 человекъ, пригласивъ къ себѣ въ сошноварищество немногихъ, а прочихъ всѣхъ оставивъ на мѣстѣ, отправились изъ города на верховыхъ лошадяхъ. Въ числѣ ихъ былъ нѣкто Исландецъ, по имени Бьорнъ, Кешилъ Гардскій, нѣкто по имени Аскелль и двое Тордовъ. Они взяли съ собою лошадей, наклавъ на нее оружіе и сѣстныхъ припасовъ. Всѣ они, одѣтые въ плаще купеческое, вхали на своихъ кондахъ,

и — никто не зналъ, что заставило ихъ отправишься въ путь и какія они замышляли козни. Вшедши въ нѣкоторой лѣсъ, они вѣдутъ во весь день, пока наконецъ, при наступленіи ночи выбравшись изъ лѣсу, они достигаютъ до одного большаго дерева. Кругомъ была предѣсная и во многихъ мѣстахъ ровная поляна. — Здѣсь К. Эймундъ сказалъ своимъ спутникамъ: „остановимся въ этомъ мѣстѣ; я знаю, что К. Бурислейвъ въ эту ночь будетъ ночевать и разобьетъ шашры — здѣсь.“ Обходя дерево и безлѣсное мѣсто, Норвежцы наблюдаютъ, гдѣ удобнѣе можно разбить палатки. „Здѣсь“ — сказалъ наконецъ Эймундъ — „расположившись спаномъ К. Бурислейвъ: — я слышалъ, что онъ, обыкновенно располагался, если есть возможность, около лѣса, дабы въ случаѣ нужды имѣть убѣжище.“ Помомъ Эймундъ взялъ веревку или канатъ, и приказалъ своимъ сподвижникамъ подойти къ дереву, шущъ споявшему: повелѣлъ кому нибудь изъ нихъ влѣзть на сучья онаго, и перепушавъ ихъ веревкою. Такъ и сдѣлано. Послѣ того они наклонили дерево дополь, пока сучья его коснулись земли, — и такимъ образомъ пригнули его къ самому корню. — „Это чрезвычайно меня радуешь, — сказалъ тогда К. Эймундъ; — „ибо оно можешь принести намъ величайшую пользу.“ — Помомъ раскидываютъ веревку и прикрѣпляютъ концы ея. — Окончивъ эту работу около шестаго часа пополудни, они слышатъ приближеніе дружинъ Княжескихъ и скрывающихся на своихъ коняхъ въ лѣсу. Вдругъ предспаряешься взорамъ ихъ многочисленное войско, и великолѣпная колесница, окруженная большимъ

опрядомъ; впереди ея несено было знамя. Сія послѣдніе направляють свой пушь къ лѣсу, всходящъ на поляну, и на мѣстѣ особенно удобномъ для разбишія палашокъ, какъ предъугадывалъ К. Эймундъ, пославляють шаперъ, — между шѣмъ какъ всѣ воины располагающся по опушкѣ лѣса въ пу и другую спорону. Они занимающся работою своею до насшупленія ночи. Спавка Княжеская была чрезвычайно великолѣпна, искусно сдѣлана, раздѣлена на 4 часши и опшичалась высокимъ шесшомъ, украшеннымъ золошою маковою и флюгеромъ.—Эймундъ съ своими шоварицами видѣлъ изъ лѣса все, происходившее въ войскѣ; но всѣ они осшавались неподвижными, безмолвными. — Съ насшупленіемъ ночи зажжены въ палашкахъ огни; изъ чего Норвежцы заключили, что въ шашпрахъ пригошовляешся ужинъ. „У насъ мало пищи“ — сказалъ шогда К. Эймундъ — „а шпо плохо: пойду досшавашъ съѣсшныхъ припасовъ и войду въ ихъ лагерь.“ Ишакъ, принявъ на себя видъ ницаго, навязавъ себѣ козлиную бороду, и опираясь на два косшья, онъ входилъ въ намешъ Княжескій и просилъ хлѣба, подшода къ каждому человѣку. Онъ проникъ и въ другіе близъ лежащіе шашпры, и, получивъ щедрое подаяніе, поблагодаривъ за поданный ему хлѣбъ,—онъ вышелъ изъ шпана, неся съ собою досшашпочное количество съѣсшныхъ припасовъ. — Когда уже вдоволь напились и наѣлись воины Бурислейва, шо между ними водворилась шшшина. Между шѣмъ К. Эймундъ, раздѣлил своихъ надвое; — шесшь человѣкъ осшавилъ въ лѣсу, дабы они сперегли коней и держали ихъ нагошовѣ на всякій непредвидѣнный

случай: а самъ съ прочими своими шоварищами успрямляешся въ поле къ лагерю,—какъ будшобы шамъ не было никакой опасности. „Рогнвальдъ (*), Бьорнъ и Исландцы —“ сказалъ онъ дорогою — „пущь пойдущь къ дереву, намъ нагнушому.“ Давъ каждому изъ нихъ по шопору, онъ продолжаешъ, — вы умѣете наносишь крѣккіе удары; докажише же эшо нынѣ, когда шребуешъ эшого нужда. „Подходя къ шому мѣспу, гдѣ были пригнушы къ землѣ вѣшви дерева, К. Эймундъ говорилъ: „здѣсь на шропинкѣ, ведущей въ поле, пущь стоишъ шрешій человекъ, который долженъ держашъ въ своихъ рукахъ одну веревку, и опшпускашъ ее помѣръ шого, какъ мы ее будемъ шянушь къ себѣ, держась за конецъ оной. И когда мы усшпроимъ все шакъ, какъ намъ нужно, шо шощъ, кому я препоручаю эшу обязанность, долженъ ударишь по веревкѣ руколяшью шопора, а шощъ, который держишь веревку, долженъ наблюдашъ, — опъ шого ли она будешъ шрадашъ, шшо мы пошрясемъ ее, или опъ шого, шшо по ней ударимъ. И какъ скоро мы дадимъ сей знакъ, — а подашъ его необходимо; ибо опъ эшого зависишь шщасливое окончаніе дѣла: — шо шощъ, который держишь веревку, долженъ передашъ знакъ далѣе, и сучья дерева шощчасъ должны бышь обрублены, дабы оно вдругъ и спремешельно всшрянуло.“ Исполняюшъ по приказанію. К. Эймундъ и Рагнаръ въ сопровожденіи Бьорна подходятъ къ спавкѣ Княжеской, дѣлаюшъ изъ веревки пешлю и надѣваюшъ посредшвомъ своихъ копій на флю-

(*) Иначе — Рагнаръ.

геръ, находившійся на шестъ спавки. Все это сдѣлано шихомолкомъ: къ тому же по всѣмъ шаптрамъ всѣ спали крѣпко по ошъ усшалосши въ дорогѣ, шо ошъ неумѣреннаго употребленія вина наканунѣ. — Между шѣмъ, напшанувъ веревку за опшеденные концы, Норвежцы опшшъ размышляюшъ о помѣ, чшо надобно дѣлать. Помомъ К. Эймундъ подходитъ ближе къ Княжеской спавкѣ, не хошя бышъ ошъ нея далеко, когда она будешъ сорвана. — Вдругъ ударяюшъ по веревкѣ. Державшій ее, почувшвовавъ ея сопрасеніе, даешъ знакъ шѣмъ, кои долженшвовали обрубишъ сучья дерева; и пошчасъ оно, обрубленное, спремшительно воспршанувъ вверхъ, сорвало всю Княжескую спавку и опбросило ее далеко въ лѣсъ, загасивъ огонь, внутри ея бывшій. К. Эймундъ въ предшесшвовавшій вечеръ шщасельно замѣчалъ мѣсно ложа Княжескаго въ спавкѣ. Онъ спремшися прямо шуда, нечаянно умерщвляетъ Князя и многихъ другихъ; и, снявъ съ К. Бурислейва голову, онъ самъ и его спущники удаляются въ лѣсъ и—не могушъ бышъ не шолько схваченными, но и замѣченными. — Вошны Бурислейва, опшавшіе-оя въ живыхъ, ужаснулись ошъ сего необыкновеннаго происшесшвія. А. К. Эймундъ и его спущники пущились на коняхъ своихъ и наразсвѣшъ прѣхали въ городъ. Эймундъ явился къ Ярислейву, и, сказавъ ему подлинное извѣстше о смерти К. Бурислейва — „вошъ, Государь, голова его“ — пршсовокупилъ онъ — „если можешъ узнашъ ее.“ Князь, увидѣвъ эту голову, усшдылся. „Вошъ какой опшшъ примѣрной нашей опважностши я съ своими Норвежцами показалъ, Государь“ при-

молвилъ Эймундъ; — „а ты приготожь великолѣпное и подобающее брату швоему погребеніе.“ „Слишкомъ поспѣшно“ — отвѣтспивовалъ ему Князь — „вы исполнили это дѣло, которое шакъ близко меня касается: — сами приготовьте его погребеніе. А, между прочимъ, что, по швоему мнѣнію, предпримушь шеперь его войны?“ Эймундъ: „думаю, что они сосшавляюшь совѣтъ и подозрѣваюшь одни другихъ, — ибо они не замѣшили нашего прихода. Поссорившись между собою по этому поводу, недовѣряя одни другимъ, и раздѣлясь на враждебныя одна другой паршіи, они разойдущся и — ѣдвали кто изъ нихъ, какъ я изъ шого заключаю, попечешся о погребеніи своего Князя.“ — Пошомъ Норвежцы, отпраившись изъ города, поѣхали шѣмъ же пушемъ чрезъ лѣсъ, пока прибыли на мѣсто спана. Сбылось по предсказанію Эймунда: — всѣ войны Бурислейва, поссорившись между собою, удалились. К. Эймундъ вышелъ на поляну: здѣсь лежало шѣло Князя, покинутое всѣми. Норвежцы приготошляюшь гробъ, присшавляюшь голову къ шуловицу и увозяшъ шрупъ съ собою. Такимъ образомъ погребеніе содѣлалось извѣснымъ для многихъ. — Немедленно весь народъ присягнулъ К. Ярислейву и — онъ одинъ получилъ царскую власть надъ всѣмъ государшвомъ, дошолъ между двумя владыками раздѣленнымъ.

Эймундъ, удалаясь отъ Ярислейва, отпрашляется къ его брату.

Гл. 10. Между шѣмъ прошло лѣто и зима безъ замѣчательнаго собышія, а — жалованье не

выдано. Нѣкошорые даже напоминали Князю, какъ несносно было для нихъ воспоминаніе объ умерщвленіи его брата, — говоря, что Норвежцы посему спавялтъ себя уже выше самаго Князя. — Съ насшупленіемъ дня, въ кошорый надобно было получаць жалованье, Норвежцы приходашъ въ Княжескіе палашы. Князь принялъ ихъ благосклонно и спросилъ, что имъ нужно въ шакое раннее время. „Бышь можешъ, шы, Государь“ — отвѣчалъ Эймундъ — „не нуждаешся въ нашей помощи: — шакъ выдай намъ нынѣ жалованье сполна.“ „Ваше сюда прибышіе“ — говорилъ Князь — было причиною важныхъ событій.“ „Эшо правда, Государь“ — подхвашилъ Эймундъ; — „ибо если бы мы не помогли шебѣ, то шы лишился бы своего царства. Но оно пріобрѣшено шебѣ нынѣ убіеніемъ швоего брата въ шакомъ видѣ, какъ — когда шы позволялъ оное.“ Князь: „что вы шеперь намѣрены дѣлать.“ Эймундъ: „чего бы шы менѣ всего желалъ?“ „Не знаю“ — отвѣпствовалъ Князь. „А я знаю очень хорошо“ сказалъ Эймундъ — шы менѣ всего желалъ бы, чтообъ мы опшправились къ Варшиславу, швоему брату; и однакожь мы опшравимся къ нему и предложимъ ему всѣ, какія можемъ, услуги. Прощай, Государь.“ Послѣ сего Норвежцы поспѣшно выходашъ изъ дворца Княжескаго, садяшся на суда, уже совсѣмъ гошовыя. „Какъ скоро удалились они —“ начинаешъ Князь — „и безъ моего соизволенія!..“ „Если шебѣ —“ отвѣчаешъ ему Княгиня — „понадобишся соспязашся съ Эймундомъ въ проницательности и умѣнши все усшрояшь въ свою пользу: то шебѣ шрудно будешъ прошивоборспшвовашъ ему.“ Князь: „хорошо

было бы, еслибъ можно было умершвишь ихъ.“
Княгиня: „шакъ эшо надобно сдѣлать прежде, нежели они оскорбятъ тебя.“ — Послѣ сего разговора, Княгиня и владѣлецъ Рогивальдъ, сынъ Ульва, съ небольшою свитною, отправились на суда Эймунда и Норвежцевъ, сплывшія у берега. — Сказывающъ Эймунду, что Княгиня хочеть говорить съ нимъ. „Не надобно слишкомъ доврять ей“ — сказалъ Эймундъ; — „ибо она хитрѣе Князя: впрочемъ я не хочу опказывать ей въ бѣсѣдѣ.“
„И я хочу съ тобою“ — говорилъ Рагнаръ.
„Нѣтъ“ — отвѣчалъ Эймундъ — „эшо свиданіе не опасно: количество людей, сюда съ ней пришедшихъ, не превышаетъ нашихъ силъ.“ Эймундъ надѣлъ на себя епанчу, украшенную лентами, и запасся мечемъ. — Они сѣли на одномъ ушесѣ, подъ коимъ была глинистая оплогоспъ. Княгиня и Рогивальдъ владѣлецъ шакъ близко подсѣли къ Эймунду, что почти сидѣли на его одеждѣ. Тушъ Княгиня сказала ему: „жаль, что ты и Князь шакъ распались: охотно я постаралась бы о томъ, чтобъ вы поладили между собою.“ Въ продолженіе сего ни Княгиня, ни Эймундъ не оставались въ бездѣйствіи: онъ развязывалъ ленты на епанчѣ, а она снимала муфшу и поднимала надъ головою. Онъ зналъ, что тушъ есть ковы: — и дѣйствительно она подговорила нѣсколько человекъ, чтобъ они убили его по данному ею знаку—поднятой вверхъ муфшѣ.—Эши злоумышленники вдругъ выскочили изъ засады. Но прежде, нежели приближились они къ Эймунду, онъ увидѣлъ ихъ, вскочилъ съ своего мѣста быстрѣе, нежели они предполагали—удалился, оставивъ свою епанчу: они не могли посему

схватили его. — Рагнаръ и его поварищи, увидѣвъ эшо, одинъ за другимъ выскакали изъ судовъ на берегъ и хотѣли увершвишь наемниковъ Книгини: но Эймундъ не позволилъ имъ эшого сдѣлать. Побивъ ихъ и сполкавъ съ глинистой оплогости общими силами, Рагнаръ сказалъ Эймунду: „шеперь мы не шребуемъ опъ себя совѣшовъ: эшихъ плѣнниковъ мы увеземъ съ собою.“ „Нѣшъ“ — опвѣщивоваль ему Эймундъ — „надобно опспустити ихъ на свободу: — я не хочу такимъ образомъ осорити ся съ Книгинею.“ — Она, опечаленная неудачною развязкою замысла, опсправилась домой. А Норвежцы, безосшановочно плыва на судахъ, прибыли наконецъ въ царство К. Варшислава, и явились къ нему. Князь, принявъ ихъ благосклонно, спросилъ, — что они скажутъ новаго. Эймундъ рассказалъ все, какъ было, съ начала до своего опшбытия опъ К. Ярислейва. „Что вы шеперь намерены дѣлать?“ — спросилъ Князь. „Я сказалъ“ — опвѣчалъ ему Эймундъ, — „К. Ярислейву, что мы опсправимся къ тебѣ; ибо я догадываюсь, что онъ хочеть опнитъ у тебѣ нѣкошорыя владѣнія, шочно шакже, какъ брашъ его хотѣлъ опнитъ у него самаго. Размысли же, Государь, — приняшь ли тебѣ насъ или нѣшъ, не нуждаешься ли ты въ нашей помощи?“ „Конечно“ — сказалъ Князь — „я радъ бы былъ вашимъ услугамъ: но — чего вы шребуеште за нихъ?“ Эймундъ: „мы согласны служити тебѣ на шакихъ же условіяхъ, на какихъ служили и швоему брашу.“ Князь: „дай миѣ время посоветшоващяся объ эшомъ съ моими подданными: ибо они плашатъ деньги, хоши и я ихъ даю.“ — Получивъ опъ него на эшо согласіе

К. Варшиславъ объявляетъ сославившемуся своему совѣту то, что довела до его свѣдѣнія молва о брашѣ его К. Ярислейвъ, ж. в. что онъ злоумышляетъ на его царство: потомъ открываетъ, что у него находится К. Эймундъ, который обѣщаетъ имъ свою помощь и услуги. Совѣтъ усиленно просилъ Князя о принятіи Норвежцевъ въ службу: посему договоръ между первымъ и послѣднимъ состоялся. — Князь, выговоривъ въ условіи и то, чтобы Эймундъ помогалъ ему своими совѣтами, присовокупилъ — „я въ полишакѣ не могу равняться съ брашомъ моимъ К. Ярислейвомъ: и однакожь клеветники постѣли между вами сѣмена раздора. Мы—съ своей стороны — будемъ часто разсуждать съ вами, и выполнятъ все по условію. — Такимъ образомъ Норвежцы осмались у Короля въ великомъ почтеніи и уваженіи.

Миръ между Ярислейвомъ и Варшиславомъ.

Гл. 11. Вскорѣ прибыли послы отъ К. Ярислейва — пребывавъ у Варшислава большихъ и малыхъ городовъ, смежныхъ съ границами владѣній перваго. Варшиславъ, рассказавъ это Эймунду, получилъ отъ него въ отвѣтъ: „это состоялось въ твоей власти, Государь.“ „Теперь уже дошло дѣло“ сказалъ Князь — „до того, что я долженъ пребывавъ, дабы ты, по условію, предложилъ мнѣ свои совѣты.“ „По моему мнѣнію, Государь“ — отвѣчалъ Эймундъ — „надобно спрашиваться нападена жаднаго волка: если упустишь это, то онъ будетъ требовать больше. Пущь послы возвращаются невредимы: Князь и Княгиня, думаю, поймутъ наши намѣренія, — а себѣ сколько

нужно времени на собраніе войска?“ „Полмѣсяца“ — отвѣчалъ Князь. „Назначь же, Государь“ — прибавилъ Эймундъ — „мѣсто, гдѣ мы сойдемся съ непріятелями для боя, и прикажи Посламъ возвѣстивъ это ихъ Князю.“ Такъ и сдѣлано. Послы удалились. Дружины той и другой стороны пригосовляются къ борьбѣ и сходятся въ назначенное мѣсто на предѣлы государствъ: спавяшъ лагеря и стояшъ нѣсколько ночей на томъ мѣстѣ. Наконецъ К. Варпиславъ сказалъ: „Что медлимъ здѣсь по напрасну? Ну — если мы опустимъ изъ рукъ своихъ побѣду!“ Эймундъ отвѣчалъ ему на это: „предоставь мнѣ обработать дѣло, — ибо ошлагашельство зла всегда похвально. Тамъ нѣшъ еще К. Индигерды, которая управляетъ дѣлами враговъ нашихъ, хотя Князь и саяъ начальствуетъ войсками. Я самъ лично, Государь, рѣшился принять на себя спражу.“ „Пусть будетъ по твоей волѣ“ — сказалъ Князь. — Такимъ образомъ стояшъ въ этомъ мѣстѣ враждующія войска въ печеніе 7 ночей. Въ одну изъ этихъ ночей была сильная буря и густой мракъ. Тогда К. Эймундъ и Рагнаръ тайно удалились изъ стана, зашли въ лѣсъ позади лагерей К. Ярислейва и тамъ засѣли близъ одной пропинки. „По этой, кажешся, пропинкѣ“ — шупъ сказалъ К. Эймундъ — „поѣдушъ воины К. Ярислейва; да еслибы и я хотѣлъ скрышъся, то пошелъ бы по ней: побождемъ же немного здѣсь.“ „Не для чего сидѣшь здѣсь“ — говорилъ Эймундъ, просидѣвъ нѣсколько времени въ засадѣ. Вдругъ слышатъ они шумъ верховыхъ вѣдоковъ, и между ними голосъ женщины: примѣтили, что одинъ че-

ловѣкъ ѣхалъ напередѣ, а другой позади оной. „Ввроятно“ — промолвилъ Эймундъ — „здесь ѣдетъ Княгиня, — встанемъ по обѣимъ сторонамъ проѣздки; и когда они поровняются съ нами, то надобно убить подъ Княгиною лошадь, а ты, Рагнаръ схвати ее саму.“ Когда тѣ ѣхали мимо, вдругъ непредвидимо упала лошадь бездыханною, а Княгиня унесена изъ виду. Одинъ (изъ ея спутниковъ) увѣрялъ, что онъ примѣтилъ призракъ человека, перескочившаго чрезъ проѣзку: они (спутники ея), не смѣя явиться къ своему Князю, — потому что не знали, люди ли или духи были виновники сего событія, — бѣжали тайно домой и жили въ неизвѣстности. — „Видно, вы — Нордманны не перестанете обижать меня,“ — сказала Княгиня поваращамъ своей юности. Эймундъ отвѣчалъ ей: „съ тобою, Княгиня, мы будемъ обращаться почтительно: инолько не знаю, будешь ли ты въ нынѣшнюю ночь цѣловать своего Князя.“ За симъ они возвращаются въ лагерь К. Варшислава и возвѣщаютъ ему, что они привезли съ собою Княгиню. Князь сильно обрадовался этому; и самъ стерегъ ее. — Въ слѣдующее утро Княгиня позвала къ себѣ К. Эймунда, а, по приходѣ его, сказала ему: „хорошо бы намъ заключить миръ: я обещаюсь быть между вами посредницею, но предупреждаю васъ, что я больше уважу К. Ярислейва.“ „Посредничество въ семь дѣлъ“ — отвѣчалъ ей К. Эймундъ — „зависитъ отъ воли Князя.“ „Но уважать свое предшательство“ — возразила Княгиня. — Послѣ сего Эймундъ, пришедши къ К. Варшиславу, спросилъ его, — допуститъ ли онъ Княгиню по-

средницею между ними. „Да кажется, она не будешь думать о нашихъ выгодахъ, особенно, когда она грозилась опнишь у меня часть моего удѣла“ — отвѣчалъ Князь „Доволенъ ли ты будешь, если удержишь за собою то, что ты имѣлъ прежде?“ — спросилъ Эймундъ. „Конечно“ — отвѣщивалъ Князь Эймундъ — „по моему, раздѣлъ будешь незаконный, если твой удѣлъ отъ этого не увеличится; ибо тебѣ надлежитъ такая же часть наслѣдства послѣ своего брата, какъ и ему.“ Князь: „пусть будетъ такъ, если ты хочешь ея посредничества.“ К. Эймундъ немедленно навѣщаетъ Княгиню, что согласны принять ея посредничество въ мирѣ между Князьями. „И такъ ты виновникъ этого“ — сказала Княгиня, — „ибо ты, безъ сомнѣннѣя, знаешь, что въ самой меньшей степени приносишь вредъ, и какое должно бытъ посредничество.“ „Я только не опсодвѣщивалъ предославить тебѣ эту честь“ — отвѣчалъ К. Эймундъ. — Пошомъ прубою данъ знакъ къ собранію: — объявляютъ, что К. Индигерда хочеть говорить съ Князьями и ихъ воинами. Когда собрались воины, то К. Индигерда явилась въ дружинѣ К. Эймунда и Норвежцевъ. Именемъ К. Варпислава предлагается миръ, долженствовавшій бытъ устроеннымъ при посредничествѣ Княгини. — Она опредѣлила: К. Ярислейву первостепенную часть царства Гардскаго, ш. е. Голмгардъ; Варпиславу второстепенную часть онаго, ш. е. Кенугардъ съ пошлинами и налогами: — эта часть была вдвое больше той, которою Варпиславъ владѣлъ прежде. А Палтесцію съ прилежащими областями она назначи-

ла К. Эймунду, съ шѣмъ, чѣшбъ онъ былъ шамъ Княземъ, и сполна получалъ всѣ доходы сего удѣла: — намъ не хочеша (говорила она), чѣшбъ онъ удалился изъ царства Гардскаго. „Если К. Эймундъ оставишь наследниковъ, шо — по ея назначенію, — они получаютъ сѣ часть царства, по смерти его, въ наследствѣ; а если при смерти своей онъ не оставишь по себѣ ни одного сына, шо сей удѣлъ перейдетъ къ братьямъ. К. Эймундъ долженъ приняшь на себя защиту всего царства Гардскаго — во имя братьевъ; а они будутъ помогать ему своими войсками и своею властію. К. Ярислейвъ долженъ править царствомъ Гардскимъ. Владѣлецъ Рогивальдъ пусть владѣетъ Альдегиоборгою — по прежнему. — Сей миръ и раздѣлъ государства былъ принятъ и подтвержденъ всѣмъ народомъ. Сверхъ того К. Эймундъ и К. Индигерда своимъ посредничествомъ должны были рѣшать всѣ недоумѣнія. — По совершеіи сего всѣ отъправились по своимъ владѣніямъ, К. Варшиславъ жилъ (послѣ того) неболеѣ шрехъ годовъ: онъ впалъ въ болѣзнь, и — ошъ нея скончался: онъ болѣе всѣхъ пользовался любовію своихъ гражданъ. По смерти его К. Ярислейвъ принялъ правленіе и одинъ управлялъ шѣмъ и другимъ царствомъ. — К. Эймундъ властвовалъ въ своемъ удѣлѣ; но также жилъ недолго. Онъ померъ отъ болѣзни, безъ наследника. Смерть его была горестна для всего народа; ибо въ царствѣ Гардскомъ никого изъ туземцевъ не было споль унаго, какъ Эймундъ: припомъ царство Гардское никогда не было опустошаемо вшорженіями непришелей, пока онъ во имя К. Ярислейва завѣ-

дывалъ защиною государства. Въ продолженіе своей болѣзни К. Эймундъ сдалъ свое правленіе сопяшомцу своему, Рагнару, — почитая его достойнѣйшимъ въ своихъ рукахъ имѣть оное. Это было сдѣлано съ позволенія К. Ярслейва и К. Индигерды — Рогивальдъ, сынъ Ульва, оставаясь владѣльцемъ Альдегиоборги: онъ и К. Индигерда были двоюродные по матери. Онъ былъ опланный правитель, плашилъ К. Ярслейву дань, и достигъ глубокой старости. К. Олавъ, Св., сынъ Гаральда, въ бытность свою въ царствѣ Гардскомъ, безоплучно былъ вездѣ съ Рогивальдомъ, сыномъ Ульва. Между ними была тѣсная дружба; и — хотя всѣ опланные люди почитали К. Олава во все время его шаяъ пребыванія, но никто — больше владѣльца Рогивальда и К. Индигерды. — Она и К. Олавъ вшайнѣ любили другъ друга.

8. **Объ Оптическихъ признакахъ соковъ растений, изъ коихъ можно получать кристаллизирующійся и некристаллизирующійся сахаръ.**

Сог. Biota.

Въ запискѣ о круговой поляризаціи замѣчено было объ особенномъ свойствѣ винограднаго некристаллизирующагося сахара, обращая плоскости поляризаціи лучей свѣта въ лѣвую сторону въ томъ случаѣ, когда сахаръ сей находится еще въ жидкомъ состояніи, и уклоняя напрошивъ того сія плоскости въ правую сторону;

какъ скоро превратится онъ въ вещество швердое: первое изъ сихъ явленій замѣчается и послѣ вторичнаго приведенія сахара въ жидкое состояніе чрезъ раствореніе въ водѣ, или алкоголь.

Различныя обстоятельства заставляли думать, что при зашвердѣніи просвнниковаго кристаллизирующагося сахара не можетъ имѣть мѣста столь быстрое внутреннее измѣненіе составляющихъ его часпицъ: такъ что плоскости поляризованныхъ лучей свѣта должны были постоянно обращаемы въ правую сторону пѣми соками растений, кои содержатъ въ себѣ кристаллизирующійся сахаръ, и при томъ какъ прежде, такъ и послѣ его зашвердѣнія. Догадка сія совершенно оправдалась опытами.

Сокъ свекловицы производящъ упомянутое уклоненіе плоскостей поляризаціи въ правую сторону и сохраняетъ сіе свойство постоянно при всѣхъ возможныхъ степеняхъ сгущенія, и даже въ швердомъ состояніи. Тоже самое замѣчается въ сокахъ, выжатыхъ обыкновеннымъ образомъ изъ пасернака, рѣпы и моркови; въ каковыхъ сокахъ давно уже было обнаружено химиками присутствіе просвнниковаго сахара, въ болѣе или менѣе значительномъ количествѣ. Наконецъ извѣстно, что Г-нъ *Витстокъ*, Нѣмецкій химикъ, открылъ присутствіе сего сахара въ *просвирнякѣ* (*gishmauve*). Гг. *Бутронъ* и *Пелузъ*, предпринявъ изслѣдованіе сего корня для опредѣленія въ немъ направленія плоскостей поляризаціи, дѣйствительно извлекли изъ него, помощію одной холодной воды, сладкій сиропъ. Наблюденіе

сіе производяли они вмѣстѣ со мною, и плоскость поляризаціи найдена равнымъ образомъ уклоною въ правую сторону; сие доказывається существованіе здѣсь шроспниковаго сахара, согласно съ опытами *Витстока*.

И шакъ особенное внутреннее измѣненіе всегда замѣчается при зашвердѣніи вышеупомянушаго, окрисшализирующагося сахара. Явленіе сіе пошюжно усмашривається въ сокахъ винограда, яблокъ, грушъ, и другихъ расшеній. Посему поворощъ плоскости поляризаціи въ лѣвую сторону, замѣчаемый въ какомъ-либо расшнштельномъ сокѣ, можешъ служить признакомъ возможности существованія здѣсь винограднаго сахара; между шѣмъ какъ поворощъ сей плоскости въ правую сторону покажешъ возможность существованія сахара шроспниковаго.

Впрочемъ признаки сии, какъ сказано, могушъ означать шолько *возможность* присушствія шого или другаго вида сахара; ибо поворощъ плоскости поляризаціи какъ влѣво, шакъ и вправо, можешъ произойти и ошъ другихъ веществъ, совершенно ошличныхъ ошъ сахара. Покрайней мѣрѣ признаки сии даюшъ средство уанавашъ, какой именно видъ сахара должно искашь въ шомъ или другомъ расшнштельномъ сокѣ, смошря по направленію плоскости поляризованныхъ лучей.

Кромѣ сего заключенія, налагаемые здѣсь опыты предшавили множество другихъ явленій, весьма любопытныхъ какъ для химиковъ, шакъ равно и для сахарныхъ фабриканшовъ и агроно-

мовъ ; почему и займемъ краткимъ изложеніемъ оныхъ.

Явленія сіи замѣчены были мною въ сокѣ огороднаго паспернака (*pastinaca sativa*). Сокъ сего растенія, полученный непосредственнымъ выжиманіемъ испершаго корня, имѣлъ видъ клейкой и вязкой жидкости, подобно соку просвирняка. Между тѣмъ при всей густотѣ своей, будучи процѣживаемъ чрезъ сѣрую пропускную бумагу, проходишь опчасши сквозь оную, и даешь при семъ прозрачную желшовашую жидкость, которая, будучи налита въ спеклянную шрубочку во 160 миллиметровъ длиною, принимаетъ весьма густой красношапо-оранжевый цвѣтъ, и производитъ поворотъ плоскости поляризаціи вправо на $3^{\circ},25$; посему величина поворота крайняго краснаго луча равна будетъ $2^{\circ},72$. Таковая величина уклоненія плоскости поляризаціи показываетъ, что сокъ сей содержишь въ себѣ только при сопыхъ части просвирниковаго сахара (1);

(1) Такъ какъ далѣе часто будетъ встрѣчаться подобный ему способъ опредѣленія количества сахара по величинѣ уклоненія плоскости поляризаціи; по счишаю нужнымъ изложити основанія оного.

Въ упомянутой запискѣ о *круговой поляризаціи* показаны замѣренія поворотовъ плоскостей поляризованныхъ лучей, производимыхъ растворами просвирниковаго сахара въ перегнашій водѣ, для сопавленія конкъ употреблалъ я различныя количества сего сахара по вѣсу. Такимъ образомъ при опредѣленномъ количествѣ сахара, входящаго въ сопавъ раствора и при наѣщенной густотѣ сего послѣдняго вычислялъ я, по теоретическимъ началамъ,

между шѣмъ какъ химикъ, разлагавшіе сокъ паспернака, нашли въ немъ онаго гораздо болѣе. Это заставило думать, что сквозь цѣдилку прошла только часть раствора, наименѣе насыщенная сахаромъ, между шѣмъ какъ остальное количество сего послѣдняго задержано было клейкою жидкостью, получившею, можешь быть, свою вязкость отъ нѣкошораго количества распительнаго бѣлка. Посему подвергнувъ я выжатый сокъ крашкременному кипяченію, дабы свернулся бѣлокъ. Въ самомъ дѣлѣ пошчасъ опдѣлилась гѣна, по снятіи кошорой, процѣженная жидкость оказалась совершенно прозрачною. Жидкость сія,

раскрытый въ упомянутой запискѣ, вращательную силу часни шросниковаго сахара (rouvoir moleculaire de rotation absolu) для слоя раствора толщиной въ одну миллиметръ, предполагая при томъ плотность его равною единицѣ. Послѣ сего легко было опредѣлять величину дуги поворота, производимаго другимъ какимъ-либо растворомъ сего же сахара въ каждомъ просномъ дугѣ; для чего должна быть известна плотность даннаго раствора и количество входящаго въ составъ его сахара. Такимъ образомъ составлена нижеслѣдующая таблица, въ кошорой плотности большей часни растворовъ опредѣлены вычисленіемъ по плотностямъ другихъ растворовъ, найденныхъ непосредственными опытами. Вычисленія производимы были для особеннаго рода красныхъ лучей, находящихся близъ крайнихъ красныхъ; именно для шѣхъ самыхъ, кошорые получаются при прохожденіи свѣта чрезъ стекло, покрашенное *первою окисью мѣди* (краснаго цѣвша). Стекла сія вообще употребляются физиками при оптическихъ изысканіяхъ для полученія лучей, покрашенныхъ достаточно одинаковымъ образомъ.

наблюдаемая въ той же трубкѣ во 160 миллиметровъ, производила повороты посполноно нъ правой сторонѣ. Но въ семъ последнемъ случаѣ

Таблица величинъ поворотовъ плоскости поляризаціи одного и того же краснаго луча, производимыхъ различными количествами тростниковаго сахара, раствореннаго въ перегнатои водѣ и наблюдаемаго при постоянной толщинѣ слоя во сто шестьдесятъ миллиметровъ.

Количество тростниковаго сахара (по вѣсу), содержащагося въ одной части раствора.	Плоскость раствора относительно плоскости воды.	Дуга поворота, описываемая плоскостью поляризаціи краснаго луча, при переходѣ его сквозь слой раствора толщиной во 160 миллиметровъ.
0,01	1,004	0°,888
0,02	1,008	1,783
0,03	1,012	2,684
0,04	1,016	3,593
0,05	1,020	4,509
0,06	1,024	5,432
0,07	1,028	6,363
0,08	1,032	7,300
0,09	1,036	8,244
0,10	1,040	9,196
0,11	1,045	10,153
0,12	1,049	11,128
0,13	1,053	12,104
0,14	1,057	13,087
0,15	1,062	14,079
0,25	1,105	24,413
0,50	1,231	54,450
0,65	1,311	75,394

величина поворота крайняго краснаго луча была $15^{\circ},20$; что самое показываемъ уже присущише имъ 3, но 14 частей на сто просшикового сахара, раствореннаго въ жидкости. Такое количество сахара гораздо болѣе опредѣленнаго опытами Г-на *Драпье*, производившаго разложеніе сего сока; и неизвѣстно при томъ, все ли полученное имъ изъ сего сока вещество сосшодло изъ кристаллизирующагося просшикового сахара. Тогда родилось во мнѣ подозрѣніе, что весьма значительный поворотъ плоскости поляризаціи вправо могъ произойти отъ образованія здѣсь шого особеннаго вещества, кошорое мы съ Г-мъ *Перзозомъ* назвали *декстриномъ* (dextrine), и кошорое сосшавляетъ внутреннюю часть крахмальныхъ зеренъ. Вещество

Три послѣднія строки сей таблицы содержатъ растворы сахара, въ кошорыхъ какъ величина поворота, такъ и плоскость опредѣлены были непосредственными наблюденіями. Плоскости прочихъ растворовъ найдены вычисленіемъ по плоскостямъ шрехъ послѣднихъ. Незначительность вліанія на величину дуги поворота, происходящаго при взѣяніи плоскости въ самыхъ слабыхъ растворахъ, убѣждаетъ въ точности предложенной таблицы. И такъ справляясь съ нею, шощастъ можно видѣть количество просшикового сахара, сошвѣшсивующее каждому повороту, опредѣленному наблюденіемъ въ водномъ растворѣ. Ясно, что колонку, означающую плоскости, должно принимать подъ шѣмъ же условіемъ. Предложенная таблица показываетъ, что поворотъ, происходящій даже отъ одной сошной части сахара, содержащагося въ растворѣ, не можетъ быть не замѣченъ при наблюденіи въ шомъ случаѣ, когда толщина слоя просширается шолько до 160 миллиметровъ.

оіе могло сдѣлаться свободнымъ во время кипаченія, шѣмъ болѣе, что въ пастернаковомъ сокѣ содержитсяъ весьма значительное количество свободной кислоты, которая находясь въ соприкосновеніи съ симъ веществомъ, еще болѣе способствуетъ сему послѣднему отдѣляться отъ своихъ оболочекъ; какъ то въ самомъ дѣлѣ бываетъ при смѣшеніи крахмала съ сѣрною кислотой, разбавленною водою. Догадываясь такимъ образомъ о присутствіи въ жидкости декстрина, сшарался я открыть оный, по свойственнымъ ему химическимъ признакамъ; какъ то: осажденіемъ сего вещества изъ раствора посредствомъ алкоголя; очищеніемъ полученнаго осадка отъ другихъ веществъ, посредствомъ промыванія его нѣсколько разъ сряду тою же жидкостью; раствореніемъ очищеннаго такимъ образомъ вещества въ водѣ, и наконецъ наблюденіемъ вращательной его силы. Первые два признака декстрина (нерастворимость въ алкоголь и растворимость въ водѣ) суть общія ему съ камедями; но послѣдній (вращательная сила) весьма хорошо отличаетъ ихъ другъ отъ друга; ибо камеди производятъ вообще поворотъ плоскости поляризаціи влево, между шѣмъ какъ декстринъ обращаетъ сію плоскость съ большею силою въ правую сторону. Въ самомъ дѣлѣ, наблюдая вращательную силу отдѣленнаго осадка, нашелъ я, что дѣйствіе ея направляется въ правую сторону, чѣмъ подтверждается составъ его изъ декстрина, вещества, обладающаго исключительно предъ всеми прочими, упомянутыми химическими и физическими свойствами. Впрочемъ я никакъ не

ушверждаю, чшобы вещество сіе совершенно было однозначительнo съ пѣтъ, каковое содержашся въ карлофельномъ крахмалѣ; однозначительность сія есть дѣло большей важности, относительно расширительной организаціи; изслѣдованіемъ сего намѣренъ я заняться въ непродолжительномъ времени.

И такъ сіиъ легко объясняются весьма большое приращеніе вращательной жидкости, при освобожденіи упомянутаго вещества. По-елику же декспринъ находится въ паспернаковомъ сокѣ въ соприкосновеніи съ кислотою, то весьма удобно можетъ онъ превратиться въ сахарный сиропъ, при продолжительномъ кипяченіи жидкости; какъ то сіе и было при опытахъ, производимыхъ мною вмѣстѣ съ Г. Перзозомъ, когда мы кипятили декспринъ вмѣстѣ съ сѣрною кислотою, разбавленною водою. Далѣе, долженъ ли сиропъ сей сгущаться по охлажденіи въ кристаллизирующійся или некристаллизирующійся сахаръ самъ по себѣ, или въ слѣдствіе находящагося здѣсь шроспнковаго сахара, не лзя еще сказать ничего положительнаго. Болѣе кажется вѣроятнымъ, что зашвердѣвшій сиропъ будетъ состоять изъ смѣси кристаллизирующагося и некристаллизирующагося сахара.

Въ сокѣ бѣлой моркови замѣчено по же самое. Сокъ сей по выжатіи его въ холодномъ мѣстѣ, раздѣленъ былъ на двѣ части, изъ коихъ одна проспо, безъ нагрѣванія, была прощѣжена сквозь бѣлую пропускную бумагу; другая же напрошнвъ подвергнута была сей операціи послѣ предварительнаго кипяченія. Изъ сей послѣдней части,

также какъ и изъ паспернаковаго сока, при кипяченіи всплыла въ большемъ количествѣ бѣлая пѣна, которую и отдѣлили сниманіемъ, прежде нежели жидкость была процѣжена. Вскипяченная часть сока производила поворотъ плоскости поляризаціи въ правую сторону, ровно вдвое большій того, каковой замѣчаемъ былъ въ сокѣ, неподвергаемомъ кипяченію; при этомъ величина вращательной силы кипяченой части сока показывала въ немъ присутствіе тростниковаго сахара въ пропорціи четырехъ частей на сто. Но жидкость, смѣшанная послѣ сего съ алкоголемъ, дала значительный осадокъ, который потомъ почти сразу растворился въ водѣ, какъ то бываетъ обыкновенно съ декстриномъ; симъ обстоятельствомъ довольно уже объясняется мгновенное приращеніе вращательной силы сока послѣ его кипяченія. Впрочемъ въ семъ случаѣ не наблюдалъ я непосредственно вращательной силы самаго осадка, какъ то было сдѣлано при изслѣдованіи паспернаковаго сока; почему о nature его заключалъ единственно по увеличенію вращательной силы сока, обнаружившейся при образованіи сего осадка. Хотя и не осмѣливаюсь совершенно утверждать, что состоялъ оный почти изъ декстрина, однако заключеніе сіе должно быть весьма вѣроятно.

Сокъ рѣпы обнаруживаетъ подобныя явленія. По выжатіи онаго изъ корня тростнымъ гнетеніемъ, полученная жидкость процѣживаніемъ сквозь пропускную бумагу не производилъ значительнаго поворота въ трубкѣ во 160 миллиметровъ; но послѣ вскипяченія сока вмѣстѣ съ мякотью

получается жидкость, повараживающая плоскость поляризации въ правую сторону, согласно со свойствами находящагося здѣсь шпротниковаго сахара.

Наблюденія сіи засшавили подвергнушь нѣмъ же испытаніямъ сокъ свекловицы; ибо подробно-сти, касательно свойствъ онаго, въ особенности же относительно существованія въ немъ веществъ, могущихъ доставлять некристаллизирующійся сахаръ, заслуживаютъ вниманіе фабрикантовъ. Въ самомъ дѣлѣ, касательно послѣдняго обстоятельство, произведенъ былъ весьма тонкій опытъ, изъ котораго слѣдовало заключить, что сокъ свекловицы не содержишь въ себѣ некристаллизирующагося сахара; напрошивъ найдяща въ немъ одинъ только шпротниковый и припомъ въ пропорціи десяти чашей на сто, относительно всей массы. Опытъ сей произведенъ былъ однимъ молодымъ химикомъ, изслѣдованія коего отличаются особенною точностію и аккуратностію, — свойствами, отличающими школу одного изъ отличнѣйшихъ нашихъ насшавниковъ, въ которой образовался и упомянутый химикъ. Опытъ сей принадлежишь именно Г. *Пелузу*, который убѣдившись сначала, что алкоголь нисколько не извлекаешъ изъ свекловичнаго корня сахарнаго вещества, заключилъ отсюда объ отсутствіи въ ономъ некристаллизирующагося сахара, подобнаго виноградному, ибо сей только послѣдній способенъ расшвариться въ алкоголь. Но такъ какъ при-сутствіе кристаллизирующагося шпротниковаго сахара въ семъ корнѣ очевидно, то Г. *Пелузъ* и долженъ былъ сдѣлать заключеніе, что вшопъ только видъ сахара имѣешъ здѣсь мѣсто; почему

оспавалось сдѣлать количественное опредѣленіе онаго: для сего Г. *Пелузъ*, подвергнувъ броженію известное количество свекловичнаго сока, опредѣлялъ количество произшедшаго отъ сего безводнаго виннаго спирта. Вычисливъ пошомъ, сколько нужно употребить просшникаваго сахара для произведенія шакаго же количества виннаго спирта, соспавилъ онъ дѣйствительно сахарный растворъ, который по переброженіи далъ точно сполько же виннаго спирта. Судя шакимъ образомъ по вѣсу употребленнаго во шпоромъ опытѣ сахара, могъ сдѣлать онъ вѣрное заключеніе о количествѣ упомянутаго сахара въ свекловицѣ, которая и должна по симъ расчетамъ содержать его около десяти частей на шпо. Таковой результатъ естественнымъ образомъ долженъ изумить и вмѣстѣ ободрить фабрикантовъ сахарныхъ, которые при всѣхъ возможныхъ спараніяхъ получаютъ изъ корня не болѣе пяти или шести-сошныхъ частей сахара. Но хоща сей сравнительный опытъ Г. *Пелуза*, доказывава совершешное опсушешіе въ сокѣ некриспаллиризующаго винограднаго сахара, заспавляешь веминуемо предполагать вмѣстѣ съ симъ, что все прочее вещество, способное приходишь въ броженіе, должно соспояшь изъ сахара способнаго для кристаллизаціи; однакожь необходимошь шаковаго предположенія совершенно не имѣешь мѣста съ шѣхъ поръ, какъ успѣли предспавишь въ ондѣльности декспринъ и получили возможность изслѣдовашь оный по его химическимъ признакамъ; и шѣмъ еще болѣе, что декспринъ шакке способенъ приходишь въ броженіе; подѣ вліаніемъ

кислотъ превращается оный съ веществомъ сахарисное; въ алкоголь же оказывается совершенно неразстворимымъ. И такъ доказательство возможности: присушшвѣя или опсушшвѣя сего вещества въ сокъ свекловицы было сущесствемъ необходимою для совершеннаго разложенія сего сока, а слѣдовательно и для поясненія самыхъ способовъ извлеченія сахара, каковой можешь бышь полученъ изъ корня.

Сначала опредѣлялъ я въ нѣсколько приѣмовъ съ большимъ спараніемъ величину вращательной силы сока, выжатого изъ бѣлой свекловицы. Упошребляя сокъ сей пошчасъ послѣ его выжатія, ногъ я наблюдашь оный съ большею удобносцію въ трубку, имѣющей 160 миллиметровъ длины. Уклоненіе крайняго краснаго луча въ правую сторону иногда равнялось 10° , иногдаже $12^{\circ},6$; смотря по различію упошребляемыхъ корней; чшо самое показываешь присушшвѣе различныхъ количесствъ шросшниковаго сахара,—вообще оный одиннадцати до четырнадцати частей на шшо. Шейка и наружная поверхность корня, не шолько зрѣлыя, какъ середина онаго, казались менѣе содержащими сахара, а именно ошъ девяти до десяти частей. Корни свекловичные взяшы были съ поля, удобреннаго въ пропорціи девяношста шшсичъ килограммовъ навоза на одинъ гекшоаръ земли. При шаковомъ удобреніи собрано 54,000 килограммовъ корней; почему жашва была довольно значительная, однакожь еще не самая обильная, каковую говоряшь можно получишь. Большое количество сахарнаго вещества, доказываемое значительною вращательною силою, подтверж-

давалъ замѣчаніе Г. *Пелуза*, что обильное ушученіе не уменьшаетъ количества сахара, содержащагося въ семъ корнѣ; хотя сіе обстоятельство можетъ, какъ предполагаютъ, имѣть вліяніе на сохраненіе послѣдняго. Вѣроятно также, что очень сухая и теплая погода весьма много способствовала большому образованію сахара.

Оснавалось послѣ сего обнаруженіе присущіе декстрина. Опъ смѣшенія сока свекловичнаго съ алкоголемъ отдѣлился пошчасъ бѣлый осадокъ, подобный декстрину и также какъ сей послѣдній совершенно удобораспворимый въ водѣ. Осадокъ сей не могъ сосподѣль изъ расширительнаго бѣлка, ибо опъ нагрѣванія не свершивался; не имѣлъ также онъ сходства и съ камедью, ибо не уклонялъ плоскостей поляризаціи въ лѣвую сторону, какъ по замѣчается въ камеди; оно не былъ даже и декстринъ, ибо плоскости поляризаціи не уклонились опъ него въ правую сторону. Однимъ словомъ, въ семъ отношеніи не оказывалъ онъ никакого дѣйствія. Продолженный и очищенный животною углемъ сокъ свекловицы, производимъ, кажется, съ теченіемъ времени самъ по себѣ подобное сему вещество, безъ посредства алкоголя. Я не успѣлъ еще опредѣлить, производился ли вещество сіе въ семъ подобно простому опъсѣду, или образованіе его сопряжено съ разложеніемъ самаго сока; впрочемъ всѣ досихъ поръ сдѣланыя наблюденія клонились въ пользу перваго изъ сихъ положеній. Ибо оснальной сока, отдѣленный опъ сего новаго вещества, сохраняюща вращательную силу въ томъ самомъ направленіи, въ какомъ замѣчается она въ содержащемся здѣсь

сахаръ. Весьма было бы любопытно подвергнуть исследованію сей осадокъ, образованіе или простое присушествіе коего въ сокъ свекловичныи необходимо должно иыпересовать фабриканшовъ шуземнаго сахара, по вліянію, каковое можешъ имѣшь сіе обшюяшельсшво на ихъ работы.

Другой предметъ, заслуживающій исследованіе фабриканшовъ, состоишь въ почномъ опредѣленіи количества кристаллизирующагося просшикового сахара, содержащагося въ огородномъ паспернакѣ; равно какъ и количества сахарнаго вещества кристаллизирующагося, или некристаллизирующагося, могущаго образоваться изъ находящагося въ семъ корнѣ дексприна, подобно какъ производишь сіе съ дексприноиъ, содержащемся въ каршофельномъ крахмалѣ. — Исследованіе сіе имѣешъ свою важность. Въ самомъ дѣлѣ, фабриканшы свекловичнаго сахара бываюшь подвержены двумъ весьма значительнымъ коммерческимъ невыгодамъ, изъ коихъ первая состоишь въ томъ, что они могушь ошправляшь съ успѣхомъ работу въ печеніе только нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ собранія корней; ибо по мѣрѣ приближенія весны замѣчаешся постепенное разложеніе находящагося въ корняхъ сахара; вовпорыхъ, уборка корней съ поля приходишь въ одно время съ посѣвами, почему сшановишь оная весьма дорогою и затруднительною, по причинѣ большаго заняшя въ сіе время земледѣльцевъ другими работами. Если бы можно было водѣлывать паспернакъ съ нѣкопорою выгодною касательио извлеченія изъ него обонхъ соршовъ сахара, шо поелику расшеніе сіе хорошо переносишь холодъ, каковой бы-

ваесть во время зимы во Франціи, даже холоды сѣверныхъ ея провинцій, тогда имѣли бы ошъ сего двоякую выгоду; ибо работы фабрикъ могли бы продолжаться долѣе шого срока, каковой назначаетъ имъ неминуемо свекловица, и вовпорыхъ уборка пасернака была бы всегда весьма удобною и выгодною; поелику можно производить оную въ шо именно время, когда рабочія лошади наименѣе бывають заняты. Для рѣшенія сего вопроса надлежало бы съ шочностію опредѣлишь издержки, потребныя на воздѣльваніе пасернака, равно какъ количесство и качесство сахарныхъ веществъ, каковыя можно извлечь изъ него. Ислѣдованіе сіе очень легко, и могло бы, какъ видно, досшавишь полезныя слѣдствія.

Развишіе дексприна въ корняхъ расшеній, при вареніи оныхъ, шакже, кажешся, должно бышь принимаемо въ расчетъ при сравненіи различной ихъ пишашельности. Между произведенными касашельно сего предмета опышамъ, считаю самыми шочными шѣ, о кошорыхъ опубликовано было Г. *Матъемъ Домбалемъ* въ послѣднихъ шомашъ *Annales de Roville*. По опышамъ сего ученаго агронома, производимымъ надъ овцами, совершенно опшичнымъ ошъ другихъ образомъ, оказалось, что корни моркови должны занимашъ гораздо нисшее по своей пишашельности мѣсшо, нежели шо, на какомъ спшавишь ихъ общее мнѣніе агрономовъ, и даже по опышамъ шѣхъ, кошорые упошребляли ихъ для корма лошадей, коимъ могутъ они служишь пищею вмѣсшо зерноваго хлѣба. Но должно здѣсь замѣлишь, что Г. *Домбаль* кормилъ своихъ овецъ сырыми морковными

корниці; почему самому, въ сладшіе вышеназваннаго, весьма небольшое только количество мушуреннаго вещества крахмальныхъ зеренъ могло бытъ обнажено посредствомъ жеванія; для извлеченія же осмального количества онаго непременно ирребуется кипяченіе. Но по изслѣдованіямъ *Левенгека* одно только сіе вещество составляетъ питательную часть. Можесть бытъ вѣроятнымъ, что желудокъ лошади имѣлъ довольно силы для отдѣленія вещества сего отъ его оболочекъ; между тѣмъ какъ желудокъ овецъ былъ неспособенъ для произведенія сего дѣйствія, или по крайней мѣрѣ производилъ оное не столь совершенно. Въ такомъ случаѣ одинъ и тотъ же корень, будучи употребленъ въ сыромъ состояніи, окажется неравномерно питательнымъ для различныхъ классовъ животныхъ. Изъ сего видно, что опыты *Г. Домбалла* ирребуютъ повспоренія оныхъ съ корнями вареными, и тогда могли бы бытъ выведены результаты, несходные съ полученными симъ агрономомъ. Однакожь изъ сихъ разсужденій можно во всякомъ случаѣ вывести по заключенію, что по примѣру Фландрскихъ земледѣльцевъ, должно счищать гораздо выгоднѣйшимъ употребленіе кореньевъ для корма скоша въ вареномъ, а не въ сыромъ состояніи; ибо кипяченіемъ разрывающіяся, или по крайней мѣрѣ размягчающіяся оболочки сосудовъ, заключающихъ въ себѣ питательное вещество камедястаго свойства, кошорому мы съ *Г. Перзозомъ* дали названіе декстрина, и существованіе коего такъ очевидно доказано *Г. Распалемъ*, равно какъ и способъ помѣщенія онаго въ распительныхъ тканяхъ. Приложенія сія покажутъ

можеть бытъ совершенно неожиданными слѣдствіями опытовъ, изъ коихъ они выведены. Но всякое положительное ученое открытіе можеть имѣть полезное приложеніе, хотя и опдаленное. Какое-либо микроскопическое наблюденіе, или какой нибудь оптический признакъ, служаще сначала предметомъ одного любопытства и кажущееся опвлеченными, могушь сдѣлаться со временемъ весьма важными, опноситеьно земледѣльческихъ и мануфактурныхъ выгодъ.

Примѣчаніе. Въ то время, какъ Г. *Распаль* показалъ признаки, опшличающіе внутреннее вещество крахмальныхъ зеренъ опъ содержащей его оболочки, Г. *Шеврель* далъ сему веществу названіе *amidine*, самую же оболочку наименовалъ *amidin*, съ тѣмъ только намѣреніемъ, чтобы опшличить между собою двѣ части, составляющія одинъ и тошь же органъ. Но такъ какъ уже слово *amidine* Г. Т. *Соссюръ* принялъ для означенія особеннаго произведенія, принимаемаго имъ за измѣненіе крахмала, взятаго въ цѣлости, которое нашли мы состоящимъ не изъ чистаго внутреннего вещества крахмального, напросивъ изъ вещества сего, прешерпѣващаго измѣненіе опъ пребывания его въ водѣ; то для избѣжанія сбивчивости, могущей произойти опъ сего двойаго наименованія, почли мы съ Г. *Перзозомъ* за нужное перемѣнить оное; въ слѣдствіе сего по опдѣленіи упомянутаго вещества въ количествѣ, достающомъ для изслѣдованія всѣхъ свойствъ его, дали ему названіе *декстрина* (*dextrine*), въ намѣренія означить симъ именемъ оказываемую имъ способность обращать плоскости поляризованныхъ лучей

въ правую сторону наблюдашела, и приномъ съ такою большою силою, каковой не замѣчено еще ни въ одномъ изъ извѣстныхъ до сихъ поръ органическихъ веществъ.

Пер. Ө.

9. ЗАМѢЧАНІЯ НА ПИЩЕВАРЕНІЕ КАРЛА МАТЕУЧИ (*).

(Сооб. Проф. Ловецкимъ.)

Извѣстны опыты Вильсона-Филлипса касательно вліянія нервовъ восьмой пары на пищевареніе. Онъ первый показалъ, что разрѣзаніе сихъ нервовъ препятствовало сему опшравленію, и что по соединеніи концовъ разрѣзанныхъ нервовъ или по сообщеніи оныхъ посредствомъ мѣталлической проволоки, дѣйствіе пищеваренія возобновлялось. По его мнѣнію, дѣйствіе гальваническаго столбца можетъ объяснить дѣйствіе сихъ нервовъ. Изъ сего - то и выведено заключеніе, что нервы дѣйствуютъ по вліянію электрическа. Многое можно бы сказать прошивъ сего ученія; не смотря на то Г. Матеучи принимаетъ оное за вещь неоспоримую, и цѣль его, въ сей спашь, состоитъ въ изслѣдываніи, какимъ образомъ печеніе электрическа, перенесенное къ желудку нервами осмой пары, дѣйствуетъ при переработываніи пищевельныхъ веществъ въ кашичеобразную (chymus) массу и пищевельный сокъ.

Онъ начинаешъ съ главныхъ опшравленій, происходящихъ во время пищеваренія. Пища, приведенная посредствомъ жеванія въ комокъ, поступаетъ въ желудокъ, напишанный щелочною

(*). Опытъ, описанный въ сихъ замѣчаніяхъ, служитъ подтвержденіемъ теоріи пищеваренія, изложенной выше на стр. 477.

слиною. Тогда на всей поверхности оной, находящейся въ соприкосновеніи съ внутренними сгѣнками пищеварительныхъ орудій, обнаруживается кислотное противодѣйствіе и она образуетъ смѣсь бѣловашаго цвѣта, тягучую на подобіе ложной перепонки. Сія кислота пищевой смѣси всегда постоянна и находится на всей внутренней поверхности желудка. Эта пищевая смѣсь состоитъ изъ молочной кислоты, бѣлковины и морской соли. Когда пищевая смѣсь поступитъ въ двѣнадцатиперстную кишку и соединится съ желчію и сокомъ поджелудочной желѣзы въ соприкосновеніи съ щелочными отдѣленіями печени и поджелудочной желѣзы, тогда теряетъ свою кислотность, дѣлается среднею бѣлою, млекоподобною, однимъ словомъ перемѣняется въ пищеварительный сокъ, который состоитъ изъ воды, солей сыворошки, крови и бѣлковины, разрѣшенной и несгущенной, каковою она была въ пищевой смѣси, по причинѣ дѣйствія кислоты. Если пищеварительный сокъ подвергнутъ снова вліянію воздуха, то бѣлокъ осмлагается и превращается въ свершокъ (caillot).

Принявши сіе за истину, легко уже дань ощести о дѣйствіи нервовъ на сія преобразованія.

„Если предположимъ, говоритъ Машеути, что кислотное отдѣленіе желудка производится электроположительнымъ состояніемъ сей внутренности, то легко можемъ понять образованіе смѣси кислотнаго свойства, состоящей преимущественно изъ створоживаемаго бѣлка; и дѣйствительно, не прибѣгая къ опыту, доказывающему сгущеніе бѣлка у положительнаго полюса, сіе створожива-

ніе всегда можешъ произойти при дѣйствіи санихъ пишательныхъ веществъ.

„Я взялъ кусокъ варенаго мяса, прибавивъ яемного воды и подь-углекислой соды, и подвергнулъ сію смѣсь вліанію приличной степени шепла, переширая ее безпреспанно до шѣхъ поръ, пока она превратилась въ вещество, совершенно сходное съ получаеомымъ при жеваніи.

Я помѣстивъ сію массу въ пузырь (*une vesie humectée, baignata*), наполненный растворомъ морской соли и привелъ ее въ соприкосновение съ плашинною проволокою, между шѣмъ какъ другая проволока была погружена внутри сей смѣси. — Какъ скоро я сообщилъ сіи проволоки съ ошвѣщивующими имъ полюсами Вольхова сполба, состоящаго изъ 18 до 20 паръ мѣди и цинка, разложение спало происходить съ концовъ сихъ проволокъ. У отрицательнаго конца, кошорый находился въ срединѣ массы, замѣсны были только бѣлые шарики съ водородомъ; жидкость же не представляла даже и слѣдовъ бѣлка: она была щелочнаго свойства.

Напротивъ шого вдоль шѣнокъ пузыря и вообще у полюса положительнаго проволоки образовалась бѣлая масса, швердая, воздушная шариками кислороднаго газа. Сіе вещество собранное было клочковатое, и створаживалось, будучи по распвореніи въ водѣ подвергнуто вліанію шеплошы.

„Сей простой опытъ удовлетворителенъ для предшавленія образования пищевой смѣси; для сего слѣдуетъ только принять присутствіе въ желудкѣ элекшро-положительнаго состоянія,

поддерживаемаго нервнымъ дѣйствіемъ; что обыкновенно происходитъ при кислыхъ отдѣленіяхъ.

„Сія пищевая смѣсь, состоящая изъ клочковъ бѣлковины, копорые своимъ соединеніемъ образуютъ родъ шкани или ложной перепонки, не можетъ въ семь состояніи бытъ всасываема волосными сосудцами, находящимися въ кишкахъ и преимущественно въ двѣнадцатиперстной. Для сего должно, чтобы пищевая смѣсь сдѣлалась болѣе жидкою; сіе производится щелочными влагами, напаяющими пищевую смѣсь, какъ скоро она поступитъ въ двѣнадцатиперстную кишку. Бѣлковина, сгущенная кислотою, воспринимаетъ свой жидкій видъ, какъ скоро кислота нейсправляется содою желчи и сока поджелудочной желѣзы. Въ семь случаѣ, смолистая кислота или хлоро-желчная, копорая въ желчи соединена съ щелочью, низвергается и смѣшавшись съ оспальною пищею, составляетъ часть испраженій, какъ шо ясно доказываешь разложеніемъ.

Напечатано по опредѣленію Университетскаго
Совѣща. Марша 9 дня, 1834 года. Секретарь
Совѣта Ордин. Проф. Николай Надеждинъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

I. НАУКИ.

A. АСТРОНОМІЯ.

№ Стр.

1. Обь употребленіи сошвѣтшвенныхъ высотъ для опредѣленія длины въ морѣ. — Соч. Орд. Пр. И. К. У. Симонова. VII, 3.

B. ФИЗИКА.

2. Опыты для объясненія шифоновъ, или воздушныхъ столбовъ. — Сообщено Пр. Первозицковымъ VII, 13

C. ЗООЛОГІЯ.

3. О головныхъ позвонкахъ высшихъ животныхъ. — *Адъюнктъ-Профессора Щуровскаго.* VIII, 256, IX и 466

D. ФИЗИОЛОГІЯ.

4. О пищевареніи. — *Адъюнктъ-Профессора Козьмы Лебедева.* VIII, 269, IX и 477

E. ФАРМАЦІЯ.

5. О Іодѣ. — Лекція Адъюнкта-Профессора Н. Лебедева. VII, 34.

F. Россійское Законодательство.

6. Объ участіи Московскаго Университета въ образованіи опечесивенной Юриспруденціи. — Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Московскаго Университета, 12го Января 1834 года, Адъюнктомъ Федоромъ *Морошкинымъ* . . . VIII, 205

G. Россійская Исторія.

7. О пользѣ изученія Россійской Исторіи въ связи со всеобщемою. — Разсужденіе изъ класса Россійской Исторіи, преподаваемой *Пр. Каменовскимъ*, удостоенное награды :золотою медалью, въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго Университета, 1833 Июля 6. (Окончаніе). VII, 63
8. О времени и причинахъ вѣроятнаго переселенія Славянъ на берега Волхова. — Сообщено отъ *Профессора Каменовскаго*. . . . IX, 415

II. СЛОВЕСНОСТЬ и ИСКУССТВА.

A. Теорія Словесности.

9. Мѣрная рѣчь, Спихотворная и Орапорская, разсмащриваемая въ отношеніи къ Опечесивенному языку. — *Лекція Профессора Давидова*. . VII, 94

В. ИСТОРИЯ СЛОВЕСНОСТИ.

10. Составныя начала и направленіе древней Ошечеспвенной Словесности. — *Лекція Профессора Давыдова.* . VIII, 281
11. Составныя начала и направленіе средней Ошечеспвенной Словесности. — *Лекція Профессора Давыдова.* . IX, 490

С. ДРЕВНОСТИ.

- 12 и 13. Основанія Науки Древности. — *Соч. Пр. И. Х. У. Кронберга.* VIII, 308 и IX, 520

III. К Р И Т И К А.

ИЗЪЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

- 14, 15 и 16. Даншъ и его вѣкъ. (Продолженіе). Изслѣдованіе *Адъюнкта-Профессора Шевырева.* VII, 118, VIII, 336, IX и 550

IV. С М Ъ С Ъ.

А. УЧЕНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

- 17 и 18. Объ исправительной системѣ въ Соединенныхъ Штатахъ. (Продолженіе). — Сообщено *Заслуженнымъ Профессоромъ Цытаевымъ.* VII, 181; и VIII, 401
- 19 и 20. Эймундова Сага. — Сообщено *Профессоромъ Поводинимъ.* VIII, 374; IX, 576

21. Объ опшическихъ признакахъ соковъ растений, изъ коихъ можно получать кристаллизирующійся и некристаллизирующійся сахаръ. — *Соч. Биота.* IX, 596
22. Замѣчанія на пищевареніе Карла Машеучи. — *Сообщ. Пр. Ловецкимъ.* IX, 614

В. Б и в л и о г р а ф і я .

23. Опыты надъ постояннымъ маяшникомъ Капишана Ф. Липке. . . . VII, 191
24. Библіотека для чшенія. Журналь Словесности, Наукъ, Художествъ, промышленности, новоспей и модъ. VII, 203
25. Журналь Министерства Народнаго Просвѣщенія. VIII, 412
-

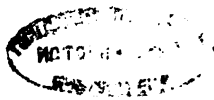
О П Е Ч А Т К И.

Въ VIII книжкѣ Ученыхъ Записокъ, на стр. 270, вмѣсто: жидкости, или простоты, сложности, должно читать: *жидкости, простоты или сложности.*

На стр. 272, вмѣсто: поступления пища въ глотку, должно читать: *поступленію пища въ глотку.*

207

Библиотека
Ивана Егоровича
Забѣлина.

1234567890

